

Алексей Игнатушин Псы, стерегущие мир

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176735
Псы, стерегущие мир: Крылов; Москва; 2008
ISBN 978-5-9717-0726-4*

Аннотация

На мир наползает тень. К стенам светлого града Кременчуга идет орда хана Алтына, черного мага, чье колдовство заставляет дрожать землю. Остановить непобедимое войско можно только божественным оружием, укрытым далеко в горах. На поиски отправляются во главе небольшого отряда витязи Лют и Буслай. Они как цепные псы – всегда на страже покоя своего народа. И готовы даже спуститься в ад, если это необходимо ради выполнения долга.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	21
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Глава восьмая	49
Глава девятая	54
Глава десятая	64
Глава одиннадцатая	72
Глава двенадцатая	78
Глава тринадцатая	86
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Алексей Игнатушин

Псы, стерегущие мир

Часть первая

Глава первая

В распахнутом пологе шатра виднелся кусочек ночи, разбавленной червью костров. Внутри врывались ликующие крики хмельных воинов, гром музыки, раскаты сиплого смеха, лошадиное ржание. Согбенная фигурка в парчовом халате просочилась в шатер, сморщенные руки заботливо закрыли вход.

– Почему так долго, Шергай?

Повелительный голос резал теплый воздух, отчего язычки пламени светильников испуганно трепетали. Человек у входа согнулся в три погибели, и жидкие нити бороды коснулись пола. Обширная лысина с венчиком седых волос заиграла бликами.

– Смирнейше молю простить ничтожного, Повелитель, – сказал Шергай, рассматривая войлочные подушки. – Сомчей по дороге опростал пару чаш, славя мужество и храбрость Повелителя. Немудрено, что не сразу меня нашел. И твой смиреннейший раб немедля поспешил...

Рассерженный рык прервал слова, словно нож шелковую нить:

– Довольно! Подойди ближе. Брось старые кости на мягкость подушек, пусть голос дряблого тела не мешает внять нашей речи.

Шергай осмелился поднять глаза. Краткий миг лицемерия Повелителя отозвался дрожью.

Повелитель Алтын сидел, скрестив ноги, на шкуре огромного зверя, добытого в дремучих лесах холодной страны, где зимой птицы падают с замерзших небес кусками льда. Ворох мягких подушек окружал могучее тело, как вязанки хвороста – крепостную башню. Обнаженный торс в неровном свете казался вырезанным из дерева, на животе виднелся косою шрам, будто надрез на коре. Бисеринки пота на бритой голове блестели так же ярко, как усыпанная самоцветами цепь, расположенная вокруг бычьей шеи. На острие меча под рукой горело маленькое солнышко.

На груди покоился кожаный чехольчик. Поговаривали, что там Повелитель хранит могущественный артефакт, способный вызвать демонов из Преисподней, обрушить горы, как песочный холмик. Сколько Шергай ни старался, но уловить волшебную силу скрытого предмета не мог. Вероятно, ничего ценного, но почему Повелитель так дорожит вещицей?

Шергай бросил взгляд на суровое лицо Повелителя, неподвижное, будто обтесанный веками и водой валун. Глаза на миг встретились, и старый маг поспешно уронил голову на грудь. Отчаянно заморгал, руки дернулись к глазницам, что превратились в кипящие котлы.

Повелитель раздвинул тонкие губы: будто лопнула скала, явив нутро, полное гроздьев хрустала.

– Садись, – сказал Алтын мягко.

Шергай просеменил к Повелителю, кряхтя устроился на войлочных подушках, аккуратными движениями расправил складки халата. В ноздри бил запах жаренного на костре мяса, в мощную волну вплетался нежный аромат вина, еле уловимые запахи фруктов.

Алтын обвел рукой золотые подносы с яствами:

– Угощайся, Шергай.

Старый маг сглотнул комок, во рту появилась противная сухость, будто образовался солончак. Кувшины вина притягивали взгляд, пальцы тянулись к сочным ягодам, прозрачным настолько, что в глубине были видны мелкие семена. Рука отдернулась.

– Не смею есть в присутствии Повелителя.

Алтын растянул губы, зубы блеснули хищно. Шергаю показалось, что тень Повелителя на стенке шатра зыбко колыхнулась, как водная гладь от удара камнем. Маг опустил голову, сердце ощутимо ударило в ребра. Возможно, игра зрения...

Алтын облапил высокий кувшин, наклонил над золотым кубком, из горловины пала янтарная струя с приятным запахом.

– Пей, Шергай. Нет ничего зазорного, что младший оказывает почет умудренному годами.

– Величие Повелителя не имеет границ, – ответил Шергай с поклоном, высохшие руки приняли кубок, золотой край застыл у губ. – Я славлю последний поход Повелителя! Видит Небо, на земле подобного воина нет. Слава о достойном деянии не померкнет тысячелетия, певцы неустанно будут прославлять ум, мужество и воинское искусство Повелителя.

Алтын выслушал хвалу, коротко кивнул, потянулся к блюду жареного мяса. Шергай пригубил драгоценного вина: жидкость приятно обожгла горло, улеглась в животе. Благостное тепло охватило старое тело, будто в нутре вспыхнул очаг, Шергаю захотелось вскочить на ноги и присоединиться к воинам, пирующим в поле.

– Благодарю, Повелитель, – сказал маг. Кубок глухо звякнул о золотое блюдо. – Поистине жаль, что не мне выпала честь сопровождать Повелителя в жарких песках.

Алтын вяло кивнул, крепкие зубы впились в баранью ногу, вырванный клочок исчез в пищевode. Повелитель неприхотливо запил из кувшина, лоснящиеся жиром губы утер ладонью.

– Напрасно сожалеешь. Ихтьяр в схватке с песчаными колдунами погиб.

– Как будет угодно Повелителю, – поклонился Шергай, пряча улыбку.

Уж он-то знал, что Ихтьяр был недоумком, магическое искусство которого едва превосходило силу степных шаманов. Немудрено, что прах выскочки, по недосмотру Табитс занявшего место Шергая в великом походе, ветры смешали с песком.

Маг не видел ухмылки Алтына, без труда понявшего мысли Шергая. Алтын готовил мага на закланье, чтобы добраться до цели похода, и взял Ихтьяра потому...

– Не переживай, Шергай, скоро понадобится твоя помощь.

Маг оторвал взор от заляпанных подушек, в глазах мелькнуло понимание.

– Повелитель готовит новый поход? Воистину, ты – величайший воин! Осмелюсь спросить: куда на этот раз отправятся войска? Где нашим доблестным воинам, свирепым, как горные коты, и красивым, как полная луна, придется утвердить волю Повелителя?

Алтын куснул баранью ногу, небрежно отшвырнул на пол. Золотая посуда жалобно зазвенела, ваза с фруктами опрокинулась, диковинные плоды покатались по мягкой шкуре. Рука Повелителя нырнула в ворох подушек, жирные пальцы смяли засаленный рулон пергамента.

– Прибери здесь.

Шергай внутренне поморщился, взяла досада: приходилось расходовать силу на ярмарочные фокусы. Он может уничтожить войско, вызвать и подчинить могущественных духов земли, огня и ветра, а должен убрать остатки еды.

Золотые подносы с объедками растаяли в воздухе. Алтын разложил карту, ткнул в северные рубежи:

– Вот!

Шергай с трудом сдержал удивление: голос Повелителя дрогнул от ярости, а палец проткнул пергамент. Никогда Алтын не был вполонину, как сейчас, зол. Маг пригляделся к надписям карты, брови взмыли.

– Но там живут лесные дикари, Повелитель! Какой прок мучить северян? С них не получишь и сотой доли того, что Повелитель добыл в последнем походе. – Маг обвел рукой шатер, заваленный шелками, золотой посудой, статуями, прекрасными ювелирными изделиями. – Разве что подцепим вшей.

Шергай наткнулся на взгляд Повелителя, горло сжал спазм, заготовленные слова вырвались с жалким писком. Брови Алтына сшиблись, в провалах глазниц клубилась тьма. Тень за спиной сгустилась, налилась мраком, от стен шатра пахнуло холодом беззвездной ночи.

Шергай со страхом подумал: что нашел Повелитель в последнем походе? Зачем отправился с Всадниками Степи в прокаленные пустоши? В тех краях немалое богатство, но ближе мягкий Румин, где добычи вдвое больше, всяко не придется гнать конные орды по безводным пустыням.

Маг покосился на руки, из горла вырвался крик ужаса. Дряблая кожа цвета старой коры налилась мертвенной синевой, от локтей к суматошно бьющемуся сердцу поднимался холод. В памяти всплыло защитное заклятие, но слова умирали в горле. Угнетала беззащитность, словно маг стоял под горой, готовой рухнуть.

Сознание заволочла смурая пелена, в ушах нарастал тонкий гул, словно приближалась стая комаров, алчущая крови. Горло сдавила невидимая петля, грудь полыхнула мучительным огнем. Шергай нелепо дернулся, пальцы судорожно сжали войлочные подушки, с угла рта на парчовый халат стекла нитка слюны.

Алтын мерил строгим взглядом старика еще несколько мгновений, затем его лицо разгладилось.

Шергай обессиленно откинулся на подушки. Из горла вырвался сиплый вздох, ноздри растопырились, как крылья степного орла, раздался свист. Вдыхал жадно, давился.

Гул в ушах постепенно стих, робко вернулись приглушенные звуки веселья. Тьма в глазах рассеялась, пламя светильников в виде львиных морд снова стало ровным, веселым.

Шергай отдышался, посмотрел на Повелителя со страхом. Во вспышке прозрения понял, зачем Алтын отправился в пески и, главное, получил, что хотел.

С неожиданной для дряблого тела прытью маг распластался ниц.

– О Великий Повелитель! – заговорил хрипло. – Ты в самом деле Величайший! Даже Зу-л-Карнайл не добился того, что ты! Ты нашел Источник!

Алтын сдержанно улыбнулся.

– Встань, Шергай, – сказал мягко. – Какой бы мощью я ни обладал, но пренебрегать уважением к старшим нельзя.

Шергай сотрясла крупная дрожь, маг закрутил головой, нити бороды мели пол.

– Н-нет, Величайший! Не позволено ничтожному отрывать от земли рядом с...

Алтын повторил тверже:

– Встань, Шергай.

Маг преодолел животный страх, кое-как поднялся, дрожа, как липа в медвежьих лапах. Алтын с неподвижным лицом наблюдал, как Шергай неуклюже сел, косясь на дырявую карту.

– Итак, Шергай, мы идем в новый поход. Не стоит недооценивать свирепость духа лесных жителей. Когда-то я плечом к плечу с ними сражался на Пепельном валу, немногие воины в войске им равны.

Маг унял дрожь, сощурился: очертания стран расплывчаты, будто выпил бочку вина. Дрожащие кисти спрятались в широких рукавах халата, маг быстро пробормотал заклинание и с блаженством ощутил приток сил.

– Так стоит ли идти на них? – возразил он робко. – Что с них взять?

– Счастье, что живут в лесах, света белого не видят, – ответил Повелитель спокойно. – Но когда-нибудь многочисленные племена сольются в один народ, что огнем и мечом разрушит ныне сильные государства. Они будут угрожать Степи, Шергай. Лучше задавить в зародыше сильного соперника.

– Да, Повелитель, как изволишь, – окрепшим голосом сказал Шергай. – Дикарей вырежем под корень, захватим мало-мальски ценные вещи. Еще один славный поход Повелителя воспоют певцы, матери будут выносить для благословения детей, нарекать твоим именем, мальчишки будут грезить о воинских подвигах, равных твоим. Женщины сбегутся с краев света, дабы усладить Повелителя...

Лицо Алтына потемнело, как грозовое небо, в глазах блеснула боль, словно сполох в свинцовых тучах. Шергай озадаченно замолчал.

– Повелитель? – начал он осторожно.

Алтын выставил руку, маг невольно позавидовал мускулистой длани, голос Повелителя прозвучал неожиданно устало:

– Ступай, Шергай. Ты знаешь, что требуется, занимайся делом. Мы будем праздновать окончание похода неделю, потом выступим на север... – Алтын со страшным лицом закончил яростно: – И сотрем в пыль жалкие поселения лесных людей!

Шергай содрогнулся от волны ненависти, сердце сжала ледяная лапа. Светильники вспыхнули ярко, в шатре посветлело, как днем, лишь тень Повелителя портила чистоту света непроглядным куском мрака.

– Выполни особое поручение, – продолжил Алтын. – Найми псов войны, чую, понадобятся.

– Наемники? – изумился маг.

Взор Алтына прояснился, темные глаза кольнули.

– Тебе что-то непонятно?

Маг поспешно встал, согнулся в поясе:

– Немедленно приступлю, Величайший. Это будет пустяковый поход, окрыленные известием о силе Повелителя, воины сметут противника, как горсть сухих листьев.

Алтын строго глянул из-под бровей, и маг умолк.

– Шергай, никому не говори, ясно?

– Да, Повелитель, – ответил маг озадаченно. – Но...

– Так надо. Да, и еще... – сказал Алтын в спину уходящему. Рука вновь нырнула в ворох подушек, извлекла запечатанный кувшин. – Это поможет.

Шергай взял кувшин – темный от дыхания времени, пузатые бока в свежих царапинах, будто сосуд очищали от грязи или ила. Маг согнулся в низком поклоне:

– Повелитель, не имеет границ мое восхищение!

Алтын прервал хвалу небрежным взмахом длани:

– Ступай!

– Слушаюсь, Повелитель.

Шергай пятился, прижимая к груди кувшин, как мать младенца. Полог открылся, звуки веселья с силой ударили по ушам, в теплый воздух шатра влилась струйка ночной прохлады.

Маг выскользнул в степь, ноги дрожали, тяжелый кувшин норовил выскочить. Ночной воздух жадно припал к потному лицу, зашипел, голова окуталась паром. Двое стражей у порога шатра Повелителя проводили согбенную фигуру хмурыми взглядами.

По дороге маг дважды споткнулся о мертвецки пьяных воинов, кувшин едва не упал.

– Проклятые дети ослов! Спать вам в навозе!

Руки прижали кувшин крепче, маг начал внимательно глядеть под ноги.

Становище ярко освещалось, громкий смех заглушал музыку. Неустрашимые воины вернулись из прокаленных песков, настала очередь хмельных возлияний. Группа степняков с восхищенными криками рассматривала трофей – насаженную на саблю голову песчаного колдуна.

Старый маг взгляделся в змеиные черты лица, брезгливо сплюнул. Шергая звали разделить ночное пиршество, но маг отвечал бранью, вызывая громовые раскаты хохота.

Маг добрался до шатра темно-серого цвета, юркнул внутрь. В нагромождении чародейских трав, амулетов, свитков отыскал светильник и запалил фитиль. От язычка пламени, похожего на наконечник стрелы, разлился ровный свет, послышался аромат душистого масла.

Шергай аккуратно положил кувшин, покачал головой восхищенно. Большая честь служить Повелителю! Непонятно, зачем в первую очередь нападать на лесных дикарей. Куда лучше сперва разорить могучий и богатый Румин, взять несметную добычу, прославить степной народ. А лесников можно оставить напоследок, вряд ли они будут угрожать степи в скором будущем. Но желание Повелителя – закон.

В шатре Повелитель сидел в той же позе, со скрещенными ногами и головой, подпертой кулаком; взгляд задумчиво упирался в карту – грозный повелитель степных орд выглядел беззащитно. Пальцы коснулись кожаного чехла на груди, распутали завязки...

Пусть Шергай думает, что Повелитель идет войной в северные земли ради будущего блага страны. Когда они вернутся из похода, певцы воспоют доблесть воинов, диковинную добычу, прозорливость Повелителя. Пусть никто не знает, зачем на самом деле затевается война. Не говорить же Шергаю, не поймет. И военачальники тоже. Может, кто из юных и пылких воинов...

Пальцы выудили из чехольчика нитку зеленого бисера. Алтын впился взглядом в украшение, но стеклянная змейка расплылась перед глазами, щеки ожгло горячими каплями, небо над шатром тоскливо заворчал.

Глава вторая

Солнце едва поднялось над крышами домов: литой диск щита Дажьбога неспешно выходил из розовой пены облаков, петухи яростно надрывались, требуя, чтобы ленивый люд посмотрел на диво. Крики пернатых певунов врывались в распахнутые ставни второго яруса княжьего терема.

В человеке у окна сторонний не признал бы князя: простые штаны, рубаха из посконной ткани, босые ноги утопали в шкуре медведя, статью не отличался от здорового селянина. Лишь глаза, бирюзовые, глубокого оттенка, словно далекое море, выдавали мощь мужа, привыкшего повелевать.

Чуткий слух уловил поскрипывание половиц, дверь отворилась, вошедший от порога поприветствовал:

– Здрав будь, князь Яромир.

– И тебе поздорову, Вольга.

Вольга прикрыл дверь, простучал резным посохом по устланному шкурами полу, приблизился к князю. Рука с кольцами седых волос поднялась ко лбу, поправила белую прядь, выскочившую из-под налобной тесьмы. Князь отступил на шаг – запах от волчьей шкуры волхва тот еще! На морщинистом лице волхва проглянула усмешка. Ноздри крупного носа растопырились, воздух засвистел протяжно, как вьюга в трубе.

Внешне старого годами (или старого на вид) Вольгу не спешила покинуть телесная мощь, служитель богов посохом постукивал для виду. На деле мог взмахнуть неказистой палкой и пробить доспех, а заодно и укрытую плоть. От старика исходила сила могучего зверя, смешанная с неведомой, волховской.

– Добро почивалось? – начал волхв издалека.

Князь рассеянно кивнул, ладонью пригладил русую бороду:

– Добро. У тебя как?

Волхв блеснул желтоватыми зубами, посох глухо ткнулся в шкуру медведя.

– Не до сна ныне, княже, – развел руками Вольга.

Яромир повернулся к окну и принялся рассматривать посад за стенами детинца. Город постепенно наполнился людьми: встали мастеровые, закружился дым над домами пекарей, на мостовых заспаные горожане оживали потихоньку, сбрасывали остатки сна. Скоро Кремнечуг забурлит, гомон торгов достигнет кремля, да и в детинце закипит работа.

Князь посмотрел на Вольгу:

– Что так? Любо в личине волка по лесу шастать? То-то слухи ходят, что объявился хорт величины небывалой.

Волхв досадливо дернул рукой, белоснежная борода гневно встопорщилась.

– Брехня, княже! Делать больше нечего, как бегать по ночам. Спать-то когда? Да в моем возрасте не больно побегаешь.

Князь кивнул, глаза блеснули озорно.

– А хотелось?

Волхв прогудел насмешливо:

– Княже, ты zelo озорным стал, никак собираешься в скоморохи?

Князь дернул плечом, спрятал в бороде ухмылку. Во дворе детинца раздался грозный крик, звон затрещин, затем металла. Яромир глянул, в сощуренных глазах блеснула насмешка.

Кряжистый, с широченной бородой-лопатой муж выстроил в ряд безусых отроков и рукой тяжело охаживал нерадивых по льняным затылкам.

– Ну кто так топор держит? – спросил воевода досадливо.

– Я, воевода-батюшка, – ответил отрок виновато.

Воевода остановился, лицо побагровело, грудь раздалась в стороны, как у сердитого петуха. На голову отрока обрушился поток ругательств и подзатыльники.

Отрок снес наказание покорно, изредка вставляя:

– Да, воевода, такой вот уродился.

Пожилый воин отвел душу, лицо приобрело нормальный оттенок.

– Навязали на голову, – сплюнул воевода в пыль. – Так, – возвысил голос, – взяли мечи, да деревянные, олухи! Вам ножей давать нельзя, косорукие, друг друга перережете! Встали супротив!

Вольга выглянул в окно, хмуро оглядел фигуру воеводы. Тот почувствовал, оборотился. Лицо скривилось, будто наелся кислоты, под ноги полетел плевок, на отроков обрушились гневные крики.

Яромир заметил с усмешкой:

– Чтой-то друг друга не любите?

Волхв ответил хмуро:

– Нам с Ратьгоем то необязательно. Он верит в силу меча, я – разума, оба служим Отечеству. О другом хочу поговорить, князь.

Яромир отошел от окна, взгляд скользнул по стене, зацепился за скрещенные мечи.

– Говори, Вольга. – В груди разросся неприятный холодок, в животе потревоженно зашевелились кишки: знает, о чем речь пойдет.

Волхв уткнулся взглядом в спину князя:

– На кордонах тревожно, княже.

– Набеги?

– Нет, князь. Собирается там немалая сила... – Волхв, опираясь на посох, встал с Яромиром рядом. – Третьи сутки на юге стоит туча.

Князь оторвал взгляд от мечей, брови поползли вверх.

– Какая туча? Нет ничего.

Вольга ответил сдержанно:

– Я смотрел не обычным взором. Так вот, будто облако грозное повисло, постоянно растет, силы темные его питают. Не к добру.

Князь фыркнул, одарил волхва насмешливым взглядом:

– Оно понятно, что к худу. Еще что, договаривай!

Посох жалобно затрещал, ладонь волхва – воину под стать – смяла дерево.

– Думаю, по нашу душу. Через наши земли пройдет.

Князь кивнул. Глаза потемнели; в животе разросся холодный ком, словно князь проглотил горсть снега; уголки губ опустились.

– Знаю.

Кустистые брови волхва ударились о налобную тесьму.

– Откуда, княже?

Яромир ответил со вздохом:

– Друг весточку передал.

Князь замолчал. Тишину изредка нарушали крики Ратьгоя, гонящего отроков по двору детинца. Волхв откашлялся:

– Ага, друг, ну, эт-понятно. И что дальше, княже?

Яромир перевел взгляд на участок стены, увешанный щитами. Справные щиты: посреди червленого круга со знаками княжеского рода весело отражала солнечные лучи выпуклая бляха умбона. На такие щиты шла кожа с плечевых частей быка; мастер терпеливо и любовно вываривал ее в растопленном воске, чтобы щит не размок под дождем и при речной переправе. По такому колоти мечом без усталости, а добьешься нескольких царяпин.

Вольга перехватил взгляд князя, вздохнул тяжело.

– Ясно. Придется тряхнуть стариной. За что хоть супостат ополчился?

Князь пожал плечами, но живот скрутило судорогой. Ответил как можно равнодушнее:

– Не все равно? Главное: не договоримся – не на живот будем биться, насмерть.

Седая голова волхва низко склонилась, узловатые пальцы нервно шевелились, будто перебирали в спешке чародейные травы. Вольга поднял голову, посмотрел остро:

– Потому усрал Стрыя? – Яромир кивнул, и волхв продолжил: – То-то я дивился: на кой ляд отправляться к порубежью? К князю Вышатичу...

Князь молча кивнул, и Вольга хмуро усмехнулся:

– Неразговорчив ты сегодня, княже. Пойду я, дел много, травы заготовлю.

Яромир посмотрел на слугителя богов, кивком отпустил. Поспешно оборотился к открытому окну, чтобы не усмотрел мудрый старец в глазах тревоги. За спиной простучал посох, скрипнула дверь, и шаги Вольги стихли.

Яромир втянул утренний воздух с ароматом печева. У входа в поварню мельтешила челядь, спеша приготовить стряпню. Отроки под рукой Ратьгоя невольно раздували ноздри, головы поворачивались на запахи съестного, слова о ратном искусстве пролетали мимо ушей.

Ратьгой налился дурной кровью, но мимо прошла дородная кухарка, лукаво стрельнула глазками, и воевода оттаял. Пальцы, похожие на коренья дуба, крутнули пышный ус.

Князь светло улыбнулся, взор скользнул к небозему. Миновал каменную – вот диво! – стену детинца, заботливо прошелся по посаду, где начинала бурлить жизнь, уткнулся в городскую стену, в воинов, неспешно ходящих по забралу.

За городом рос яблоневый сад. Князь посадил его для Умилы, дабы любимая радовалась, глядя на кусочек ирия на земле.

Опричь садов виднелась темная стена леса – тянулась покуда глаз хватает.

Солнце ласково освещало земную красоту: любо богам смотреть, как трудолюбивые люди обращаются с сотворенным миром. Яромир устало закрыл глаза, и перед внутренним взором город и сады полыхали губительным огнем. К небу всходил черный дым.

Щеки коснулась незримая ладонь, потрепала ласково. Князь невольно улыбнулся, холодная глыба в животе немного оттаяла.

Ведогон – незримый дух-защитник, что во время сна исходит из человека и охраняет от неприятеля: вредного баечника, воров – не стал дожидаться ночи и хоть как-то попытался успокоить.

Зеленый шатер листьев прикрывал от палящего летнего солнца малый конный отряд. По лесной тропке ступали пять седельных лошадей да две вьючные.

Верткая сорока перепрыгнула с ветки на ветку, забавно повернула голову, от удивления распахнула клюв. Во главе отряда ехал, ни дать ни взять, оживший асилок. Огромный муж, без меры волохатый: на лице одни глаза в обрамлении черного волоса – даже из ноздрей торчали жесткие пучки; падала на грудь бородаща, густая настолько, что стрела запутается. Шея в человечесий обхват, серебряная гривна еле видна из могучей поросли, рамена плеч мало не чиркают деревья на обочине, торс походит на столетний дуб.

Конь под великаном под стать седоку: похож на живую скалу угольного цвета, глаза отсвечивают червью. За чудовищем цепь ям, сыплются в стороны комья земли.

Всадник одет в расшитую рубаху да штаны, ноги в сапогах попирают стремена. При бедре великана исполинский меч, размером с оглоблю, такой попробуешь поднять – пуп порвешь, а глаза на лбу повиснут.

Сорока скакнула на другую ветку, круглый глаз с любопытством уставился на спутников могучана.

Рядом с главой отряда они казались карликами: светловолосые, у одного пышные усы в виде подковы, у другого – окладистая борода, как и надлежит славному мужу. Одеты так же просто. У бородатого меч, усатый с топором.

Бородатый оглянулся на замыкающих – безусых отроков, приставленных в услужение к знатым витязям. В светлой бороде мелькнула дружеская усмешка.

– Савка, как поклажа, не потеряли?

– Нет, Лют, волки пока не напали, кобылы целы, – улыбнулся отрок в ответ.

Усатый обернулся: глаза ехидные, но лицо донельзя серьезное.

– Если что, бей хвостатых меж ушей, зря, что ли, взяли булавы. Или меня кликни, подсоблю топором. Хоть отомщу за тебя и Ждана.

Витязь гулко расхохотался. С деревьев упали несколько листков и спланировали в его открытый рот.

– Тьфу!

Тропу огласил дружный хохот, сорока испуганно слетела с ветки и с пронзительным стрекотом исчезла в лесу.

Богатырь обернулся на смех, будто скала шевельнулась; глаза скрыли кустистые брови. Низкий голос огласил округу, и сразу затрепетали деревья, посыпался дождь листьев, сухие сучья защелкали по стволам, а окрестное зверье испуганно примолкло.

– Буслай, хватит озоровать, а то поучу ремнем.

Усатый смиренно склонил голову.

– Поучишь, воевода-батюшка, – ответил он чересчур кротко.

Лют уловил насмешку, сдержанно хмыкнул. Воевода Стрый нахмурился. Чувствуется, что сопляк посмеялся, но каким образом? Буслай смотрел открыто, чисто, мол, и в мыслях не было. Стрый рассерженно повернулся, плевок гулко упал в траву.

Лес, умытый недавним дождем, сиял чистотой, зеленая крыша просвечивала медовым светом. От изумительно свежего воздуха груди путников распирало до хруста ребер. От стволов веяло доброй силой.

Буслаю почудился девичий смех, и он завертел головой: мелькнула за деревом девичья коса, погода показалось прекрасное лицо самодивы. В черных глазах озорные огоньки, вот-вот язык покажет. Буслай в ответ тепло улыбнулся.

Кольнуло сожаление, что нет медного рожка, тогда бы заиграл, очаровал лесную красавицу звуками, руками обвил тонкий стан, прильнул бы к устам сахарным. Как знать, может, и в жены взял бы нестарющую деву.

– Буслай, хватит о бабах думать! – рявкнул Стрый.

Самодива улыбнулась проказливо и исчезла за деревом. Буслай раздраженно уставился в затылок Стрыя: что за манера лезть в неподходящий момент? Краем глаза заметил ироничную улыбку Люта.

– На себя посмотри, – огрызнулся Буслай и обиженно отвернулся.

Лют пожал плечами, и его взгляд затерялся в сплетении травы.

Маленький отряд уходил в глубь леса.

Глава третья

Юркая сорока скрылась в чаще, но в сплетении ветвей особо не полетаешь, потому сложила крылья и с дерева на дерево перебиралась прыжками. Лесные тенета прорвались утоптанной поляной: в центре язва кострища, рядом вповалку обугленные бревна.

Сорока приземлилась, грянулась о землю грудью. На месте птицы со стоном разогнулась женщина в грязных лохмотьях.

Космы закрывали лицо – глаза зло сверкали в пепельных струях пополам с землей.

– Чего попрыгались? – хрипло спросила женщина поляну. – Есть новость.

Трава у подножия могучего дуба затряслась, и сквозь стебли мелькнули пальцы. Мощная рука отбросила кусок дерна, и из землянки под корнями вылезли лохматые люди. Самый мощный подошел к женщине, спросил не приветливо:

– Чем порадуешь, вештица-сорока?

Оборотнича неприязненно оглядела кряжистую фигуру с засоренной бородой, процедила сквозь зубы:

– Пятеро их. Две вьючные лошади.

Мутные глаза главаря разбойников полыхнули радостью. Он оглянулся на вылезших подельников. Те, усевшись на траву, любовно полировали лезвия топоров, гири кистеней, а двое, кряхтя, натягивали тетивы на луки.

Главарь запустил пятерню в бороду, и на землю хлынул мелкий сор травинки и кусочков коры.

– Добро, чую, будет пожива.

Вештица-сорока тряхнула пепельными космами насмешливо, лохмы открыли на миг морщинистое лицо, похожее на печеную брюкву, злорадная ухмылка обнажила неровный частокот желтых зубов с частыми черными просветами.

– Не хвались загодя, Корчун.

Главарь скривился, взором ожег колдунью:

– Что еще? Договаривай.

– Не простые люди едут. Трое оружных витязей, один настолько могуч, что страх берет. Похоже, княжки люди, у старшего гривна серебряная, такая же у бородатого, а третий пожиже будет, гривна из биллона кручена.

Корчун нахмурился, в мутных глазах мелькнуло колебание.

– А остальные?

– Отроки безусые, ничего опасного.

Корчун оглянулся на разбойников, у тех уши вытянулись, как у зайцев, ловили каждое слово.

Как-то решит атаман? Зело храбр, смекалист, удачлив – повяжет путников, кто бы ни был. А нет, так всегда другого можно выбрать.

Вештица-сорока посмотрела на задумчивого главаря, усмехнулась. Скрип мыслей в косматой голове был слышен за версту, а суть – как на ладони.

– Они бездоспешные, – продолжила колдунья. – Брони в мешках на вьючных конях.

Главарь посветлел лицом, в бороде мелькнула ухмылка, от которой купец немедля схватится за кошель и побежит звать стражу.

– Вот дурилки! От жары умаялись, справы в мешки сунули. Разве такие воины опасны? – обратился он к подельникам.

– Нет, Корчун, – громко ответил разбойник с топором.

– Разденем догола и отпустим, то-то смеху будет, – заржал детина с луком.

Главарь напился поддержкой, сказал колдунье беспечно:

– Чего стоишь? Оборачивайся птахой, подсобишь.

Вештица-сорока покачала головой, сказала напряженно:

– Не трогал бы их, Корчун. Какая добыча с воинов? А потерять можно многое.

Корчун указал колдунье на лук в руках детины: составной, усиленный роговыми подзорами, пропитанными рыбьим клеем сухожилиями, полоса бересты надежно защищает кибить от сырости.

Такой лук натянуть, что от земли оторвать мешок камней, но, если осилишь, пробьешь воинскую броню и заодно укрытое тело – насквозь.

– Выкажут норы, припилим, как привязанных кур. А добыча... – Главарь хмыкнул глумливо. – Поверь, справные кольчуги, шеломы и мечи пригодятся.

Вештица-сорока пожала плечами:

– Как знаешь.

Главарь обернулся к подельникам, отрывисто дал указания. За спиной противно ухнуло, волосы на затылке шевельнул порыв ветра. Рассерженный стрекот и хлопанье крыльев затихли в чаще.

Лесная живность смолкла, будто леший разогнал, чтобы спать не мешали. На лесной тропинке выросли, как из-под земли, бородатые рожи с глумливыми ухмылками. Числом семь, в руках боевые топоры, кистени, а у главаря топор на длинной рукояти.

Над тропой два дерева переплелись, как любящие супруги, а на прочном помосте ветвей разогнулись в рост два стрелка: тетивы оттянуты за ухо, широкие наконечники срезней смотрели грозно. Попадет такая, разворотит рану, за мгновения изойдешь кровью.

Савка со Жданом схватились за булавы. Лют строго глянул из-под бровей, и отроки оставили гладкое дерево. Стрый разглядывал лихих людей с любопытством. Над головой мелькнула тень, скрипнула под сорочьим телом ветка, раздался сердитый стрекот.

Корчун выступил на шаг, в глазах рдело злое веселье. Подельники за спиной поигрывали дубинками в могучих руках.

– Кошель али жизнь? – щербато ухмыльнулся главарь.

Стрый молча прожег взглядом, кожа лица, не покрытая волосом, налилась дурной кровью, волосатые ноздри шумно втягивали воздух. Конь воеводы злобно фыркнул, копыто грянулось о землю, в стороны полетели влажные комья.

Корчуну захотелось отступить. Может, права вештица-сорока, лучше поискать легкую добычу, а то и наведаться в селение. Но не отступать же: подельники мигом сместят трусливого начальника... не хочется укрыться дерном.

Стрелки почуяли колебание жоака, скрип тетив придал Корчуну уверенности, и он с наглой ухмылкой повторил вопрос.

Буслай ответил чересчур серьезно:

– Дайте подумать, добрые люди, тут бы не прогадать.

Главарь снова ощерился, разбойники за спиной хохотнули, в глазах появилось презрение к неумехам: за что только им мечи дали?

– Думайте, – согласился Корчун любезно, – но поспешайте, у нас обед стынет.

Стрый втянул побольше воздуха – грудь раздалась в стороны, рубашка затрещала по швам, и разбойники невольно отступили. Лесную тишину прорезал оглушительный рев. Корчун вздрогнул, внизу живота стало горячо, будто позорно обмочился. Лошади под отроками встали на дыбы. Лес огласился испуганным ржанием.

Лют и Буслай мигом метнули поясные ножи. Дрогнувшие стрелки чуть раньше спустили тетивы. Стрелы пропороли воздух. Стрый небрежно уклонился – мимо уха просвистела смерть. За спиной глухо охнуло дерево. Лют сжал кулак – широкий наконечник застыл в пяди от лица – и переломил древко, как сухой стебель.

Буслай лихо крикнул: нож вонзился в лоб стрельцу, того отбросило на живой помост. Второй выронил лук, и его ладони сомкнулись на рукояти ножа в груди. Затрещало, стрелец свалился кулем, на бледном лице стыли удивление и обида.

Еще не утих оглушительный клич Стрыя, как воздух прорезало шипение меча. Копыта простучали по тропе, и Корчун, задетый животным, отлетел к дереву. Ствол задрожал от удара, с веток посыпались листья.

Воевода предоставил разбойников Люту с Буслаем, а на отроков с булавами в руках, что спешили помочь, шикнул строго.

Буслай стоптал конем детину с дубиной, широко замахнулся... Лезвие топора раскроило другому голову, брызнули горячие капли.

С седла Лют мечом развалил пополам разбойничью рожу с кистенем, спрыгнул наземь – лиходеи с яростным рычанием кинулись с боков.

Дубинка со свистом падала на русую голову. Разбойник почти застонал от удовольствия, что раскроит череп, как тыкву. Запястье затрещало под железной хваткой, ухмылка исчезла, обмякшая кисть выпустила оружие.

Сотоварищ взмахнул кистенем, целя в висок. Лют крутнулся, подставляя под удар ушкуйника. Бронзовая гирька на кожаном шнуре проломила лобную кость с глухим стуком. Лют ударил наискось, разбойник отступил на шаг, кистень выпал из ладони, широко распахнутыми глазами взглянул неверяще: от левого плеча до правого бока ощерилась алая борозда.

Стрый одобрительно кивнул молодецкому удару. Заслышав рассерженный стрекот, он резко задрал голову. Сорока, переминаясь на ветке, с азартом смотрела на драку, клюв ее возбужденно открывался.

Стрый метнул руку к поясу, в воздухе мелькнул нож. В шум сражения впелся глухой удар, жалобный вскрик, на траву посыпались перья.

Буслай ударил детину с вскинутым топором, лезвие легко срубило рукоять, грудь лиходея отозвалась влажным хрустом. Разбойник без звука рухнул, как подрубленное дерево.

Последний лиходеи в страхе метнулся в лес. Савка закричал азартно:

– Лови! Уйдет!

Буслай и без подсказки отрока видел удаляющуюся спину: еще немного – и пропадет в чаще. Топор, кувыркаясь, врубился в позвоночник. Удар оторвал ноги разбойника от земли и безжалостно швырнул мертвое тело о ствол.

Ждан, с трудом державший поводья вьючных лошадей, крикнул ликующе. Рядом восторженно плющил ладонь кулаком Савка – щеки покраснелись, в глазах восторг.

Стрый со скучающей миной оглядел побоище, взор его привлекло подножие дерева, куда рухнула сорока.

– Лют, посмотри там.

Гридень неспешно направился к дереву, в спину донесся хвастливый крик:

– Ты видел, Лют, как я стрельца сшиб? Прямо в лоб, а ты поосторожничал, боялся промахнуться.

Лют ответил через плечо:

– Спору нет, ты – молодец. Теперь лезь доставай оружие – или бросишь?

Стрый издевательски хохотнул баском, лицо Буслая обиженно вытянулось, как у козы. Лют услышал треск веток, сдавленные проклятья и помимо воли улыбнулся.

Под деревом лежала женщина в лохмотьях, грязную ткань на левом боку окрашивала кровь, оттуда торчала рукоять. Лют убрал заляпанным мечом с лица пепельные космы. Отшатнулся от ненавидящего взгляда. Из открытого рта ведьмы полились, пополам с темными сгустками, слова:

– Ты!.. Прокли...

Острие меча ткнуло в мягкое горло. Речь прервалась бульканьем. Ведьма дернулась, лицо стало беззащитно-жалобным, глаза устало закрылись.

Лют выдернул нож воеводы и, мрачней, отошел от трупа. Вовремя прервал ведьмино изурочье – еще чуть, и стал бы проклятым, умер позорной для воина смертью. Бр-р!

Очнувшийся главарь приподнял голову и резко отстранился, так что затылок погрузился в мягкую землю. Перед глазами торчало острие узорчатого клинка.

Скосил глаза: подельники лежали вповалку, земля набухла теплой рудой – будет пожива лесному зверью.

Корчун повернул голову на поступь копыт: зеленые кроны заслонил огромный конь. Стрый с высоты седла насмешливо спросил:

– Ты, мил человек, распутье предлагал?

Бледные губы главаря мелко задрожали, он попытался врасти в землю, стать кротом безглазым, землеройкой паршивой, лишь бы подальше от суровых гридней. Дернул леший напасть!

– Что ты, воевода, – ответил главарь ломким голосом. – Уж прости лесных людей, одичали малость, шутки стали не задорными.

Зубы Стрия хищно проглянули сквозь густую бороду, в глазах блеснуло темное пламя.

– Шутить изволили? – спросил воевода ласково. – Ну, теперь наш черед... Но сперва ответь: есть поблизости село, где можно вашу кровь и слюни смыть?

Корчун кивнул и пролепетал трясущимися губами:

– Дык скоро Березняки будут. Езжайте по тропке, прямиком на село наедете.

Стрый кивнул, натягивая поводья. Конь неспешно тронулся. Буслай спрыгнул с веток, держа в кулаке нож, заляпанный по рукоять кровью и мозгами разбойника. Лют убрал от горла Корчуна меч. Подъехавший Ждан бросил тряпицу – грубая ткань прошлась по окровавленному лезвию.

Буслай сбегал за топором, осмотрел лезвие недовольно – отмывая теперь от поганой крови благородное оружие.

Справный топор: изогнутое книзу лезвие равно хорошо рубит и режет, кузнец придал лезвию скругленную форму, как жажнешь по ворогу – и разломаются кости вместе с подставленным мечом и рукой. Такое оружие не стыдно вручить и богу Грозы, недаром зовется перунцем. Правда, Перун бьет топором Змея, а гридню приходится о дерьмо мараться.

Стрый скрылся за поворотом. Гридни вскочили в седла, конские бока промялись под пятками. Ждан молча тащил в поводу лошадей и невидяще смотрел на лес, стискивая с хрустом кулаки.

Буслай, глядя в спину воеводы, сказал Люту с неудовольствием:

– Ишь, обленился, только покричал со страху да птичку пришиб.

Лют не поддержал соратника в злословии, промолчал.

Савка успокаивающе похлопал кобылку по шее, и животное неохотно переступило труп с разрубленной головой, только земля под копытом чавкнула. Отрок оглянулся на застывшего под деревом главаря разбойников:

– Лют, а с этим что?

У Корчуна перехватило дыхание, кожу лица защипало, словно умылся и сдуру сунулся за порог в месяц сечень. Гридень бросил небрежно:

– Если считаешь, что лиходейство пустяк, то ничего.

Савка кивнул: все ясно.

Корчун с замершим сердцем смотрел, как спрыгнувший с седла отрок приближался, держа в руках шипастую булаву.

Стойгнев с семьей собирался вечерять, когда за окном раздались детские возгласы и громко залаял пес. Хозяин дома сунул в раскрытые ставни седую бороду, и сердце упало. Багровое солнце, съеденное на четверть горизонтом, грозно подсвечивало группу всадников. От вида предводителя живот скрутило. Вроде оружные. Неужто ушкуйники осмелились напасть?

Наперерез пришлым двигался войт с сыновьями и парой крепких селян. Глава чужаков остановил чудовищного коня...

Стойгнев с затаенным дыханием наблюдал за встречей, а когда войт спокойно переговорил и отъехал, испытал мальчишеское разочарование от несостоявшейся драки.

Пришлые продолжили путь в окружении сельчан. Стойгнев до хруста позвонков вытянул шею, пытаясь услышать, о чем так увлеченно спрашивают односельчане.

Стрый заметил сивобородого мужа в окне добротного дома и окинул взглядом подворье. Словно слепленные из воска, белели бревна овина, амбара, курятника. В щелях не нашлось никакой сорной травы, мха или плесени.

Дом добротный, просторный, для большой и ладной семьи. Резная причелина изукрашена нарядно, срезы пропусков хвастают по2ловой – изжелта-белой – свежестью, охлупень гордо возглавляет конская голова, ставни окон расписаны охрой, чернильным соком.

– Пожалуй, здесь заночуем, ежели хозяин пустит, – сказал воевода войту.

Тот кивнул:

– Стойгнев справный хозяин, у него отдохнете.

Стойгнев со смешанным чувством наблюдал, как во двор въехал конный отряд. Войт покосился на пришлых, затем требовательно посмотрел на Стойгнева, тот отлепился от окна и кликнул жену и дочерей.

Когда семейство вышло во двор, пришлые слезли с седел. Усатый сразу устремился к колодцу. «Журавль» покорно согнулся. Донесся слабый плюх. Гривень сбросил рубаху в пыль, потянул ведро. Веревка натянулась, ведро застыло над головой, с края ведра на спутанные волосы Буслая пал прозрачный ломоть. Льняные вихры прилипли к голове, холодная волна наткнулась на крученую гривну, сердито зашипела, шея окуталась облачками пара. Потеплевшие струйки скользнули по обнаженной спине, ласково пригладили под левой лопаткой косой шрам. Земля влажно охнула, в стороны порскнули шарики намокшей пыли.

Войт с высоты седла обратился к хозяину подворья:

– Здрав будь, Стойгнев. Не откажи принять людей князя Яромира, сегодня у них был трудный день.

Стойгнев развел руками:

– Гость в дом – бог в дом.

– Они людей Корчуна побили, разбойного нападения можно не бояться.

Жена Стойгнева – женщина с суровым лицом – всплеснула руками, две дочери в длиннополых сарафанах ойкнули. Стойгнев открыл рот – аспид пролетит, не обломав крылья.

– Отож, – только и молвил хозяин.

Войт кивнул:

– Мы щас в лес, надо зарыть останки, не хватало возле жилья умрунов.

Стойгнев бросил взгляд на багровый щит Дажьбога, брови сошлись на переносице.

– Так ночь скоро.

– Успеем, – заявил войт непререкаемо и свистнул подручным.

Конь с места взял галоп. Отряд всадников устремился к стене леса. Стойгнев отмахнулся от поднятой пыли, оглянулся на жену, та мигом исчезла в доме: придется постараться для гостей.

Отроки привязали коней, споро расстегнули подпруги, со спин животных свалились седла. Вьючные кони облегченно вздохнули, когда поклажа переместилась наземь. Стрый, наблюдая одобрительно, кивнул хозяину, а плескающемуся гридню крикнул:

– Буслай, хватит полоскаться, лягухой станешь.

– Авось, не стану, – буркнул воин и поспешно опрокинул на себя ведро. Двор заполнило шумное фыркание.

Стрый стянул рубаху, способную укрыть коня в непогоду. С довольным ревом повел плечами. Под кожей забегали упругие шары мускулов, застарелые шрамы надулись от притока крови сытыми пиявками. Воевода подставил волосатую грудь уходящему солнцу, пальцы нырнули в меховой покров, лицо сладко перекошило. Ногти чесали кожу с тонким хрустом, будто кот обдирал леща.

– Что стоишь? Окати водой! – прикрикнул он на Буслая.

Ведро спешно исчезло в прохладном срубе. Гридень выволоч наружу, взмахнул руками, и солнце окрасило струю багрецом. Воевода вздрогнул, с губ слетел довольный рык, могучие лапы растерли капельки, повисшие бусинами на волохатой груди. Стойгнев кивнул притихшим дочерям, те мигом подскочили к воеводе и со смехом и шуточками принялись обмывать мощное тело.

– Добро! – провозгласил воевода.

От мощного баса попряталась дворовая живность. Пес в конуре подумывал выломать стенку и сбежать. Даже дружинные кони беспокойно переминались.

Тонкие руки молодок зарылись в густой волос груди и спины, так что воевода скорчил довольную рожу.

Буслай завистливо прищелкнул языком и подошел к Люту; с мокрых портов стекали мутные струйки, за гриднем потянулась цепочка шариков мокрой пыли. Жена Стойгнева мигом оказалась рядом, протянула рушник.

– Благодарствую, матушка, – сказал гридень с легким поклоном.

Мягкая ткань бережно прошла по мокрой коже, неспешно выпила влагу. Буслай обтерся до хруста и с поклоном отдал рушник.

Лют переглянулся с отроками, в воздухе повисли сдержанные смешки: купание воеводы напоминало помывку матерого кабана, такого же волохатого, мощного и вонючего.

Густая волна от распаренного тела затопила двор, глаза дружинников защищало. Ждан сжал крупный нос двумя пальцами и шумно высморкался.

От колодца доносился довольный рев, в басовые звуки вплетались тонкие вскрики: воевода пустил в ход руки – толстые коренья пальцев сомкнулись на пухлых задах.

Стрый довольно захрюкал:

– Вот здесь, девоньки, потрите. О, благодать!

Девушки обтерли воеводу насухо, и жена Стойгнева повела его за руку в дом.

– Быстрее тут, – наказал Стрый Люту и отрокам.

Лют стянул рубашку. Брови Стойгнева затерялись в прическе: обнаженный торс гридня походил на латаную рубаху; грудь, спину и живот покрывала сеть белых рубцов, будто воин побывал в когтях Змея. Отроки оставили коней, принялись обливать гридня.

Буслай пошел в дом, у порога обернулся и завистливо посмотрел на Люта. По малости лет не сподобился хоробрствовать на Пепельном валу, где Лют добыл славу великого воина. Бывало, во сне являлись картины боев, где неустрашимый Буслай повергал кочевые орды ясагов, вождя брал в плен, а вражье знамя подстилал для любовных утех.

Сладкие сны! Уголки губ гридня опустились. У Люта было наяву, а он... Что ж, сейчас хотя бы за стол сядет первым.

Стойгнев изумленно разглядывал воина, от которого исходила незримая волна мощи, недоступной простому человеку. Уж на что могучаны сынки, справные охотники и силачи,

вечно в лесу пропадают, ворочают пни вековые, но поставь обоих супротив гридня – не сладят.

Да что гридни? У Стойгнева закралось подозрение, что даже отроки, прислуживающие безропотно, способны поколотить его сыновей. Как бы ни были широки в плечах и крепки сыночки, но они смиренные земледельцы, у них нет того неукротимого огня, что тек в жилах воинов. Так и бык больше и сильнее человека, но кто кого ведет на бойню?

Буслай сел за стол рядом с воеводой, перед тем уже поставили парующий чугунок щей. Воевода попросил яичницу и молока, гридень едва подавил смешок.

Воевода любил яйца и молоко без меры, что пуще сгущало слухи: его отец – Волос-Змей. Но кто скажет такое вслух, будет выковыривать голову из плеч.

Буслай взял деревянную ложку, и парующие щи, сготовленные с кусочком сала, провалились в живот. Гридень был бы рад и гречихе или просу с молоком, но хозяйка метала на стол разносолы, видать, в благодарность за разгром ушкуйников.

Хрустящий хлеб, разваристая гречневая каша, свежая и соленая рыба, яйца, свежая капуста, репа пареная, огурцы свежие, на укусе и соленые, лук и чеснок. Запивал кушанья квасом. Мелькнуло недовольство: могли налить и олуя, хоть светлого. Впрочем, и на том спасибо.

Когда в дом вошли Лют с отроками, Буслай сыто отдувался, привалившись к стене, ладони ласково поглаживали живот. Отроки разместили поклажу в углу и присоединились к пиршеству.

Лют ел вяло, подолгу пережевывал куски, ковш с квасом прилипал к губам чаще ложки. Мимходом заметил перемигивания Буслая с дочкой хозяина. Лют вздохнул: не меняется Буська, опять повезло на любовный стовор. Стойгнев, если и заметил перемигивания, виду не подал, разговаривал с воеводой степенно.

Напоследок хозяйка подала мед. Лют пригубил, прислушался к ощущениям. Ему доводилось пробовать мед смородиновый, приварный, красный, белый паточный, старый, вешний, мед с гвоздикой, обарный, вишневый, можжевеловый, малиновый. Теперь довелось попробовать черемховый.

Гридень прищелкнул языком – неплохо! Добавить бы сока свежих вишен – сомлеешь от удовольствия.

Дочь хозяина робко отпросилась, выбежала из дома. Буслай посидел немного, встал из-за стола и вразвалку вышел во двор. Лют переглянулся с Савкой и еле сдержал усмешку. Стойгнев остался безучастным. Стрый сказал между делом:

– Дочь не больно на тебя похожа.

Стойгнев пожал плечами:

– Братучадо. Братца непутевого леший обвеял вихрем, стал каженником. Ходил как не свой, бормотал под нос заумь, углы лбом стесывал, а однажды заснул и не проснулся. Вот, оставил.

Стрый кивнул и продолжил с хозяином беседу о пустяках. Лют допил мед, послушал порожний разговор хозяина и воеводы, отчаянно зевая встал из-за стола. Жена Стойгнева отвела гридня в гостевую клеть. Едва голова коснулась подушки, витязь заснул.

Проснулся под утро. В темноте, пахнувшей деревом и потом, слышалось посапывание отроков и мощный храп воеводы.

Выбрался на ощупь во двор. Утренний холод впился в голый торс, кожа покрылась гусиками, крупными, будто бородавки на жабе. Край неба быстро светлел, и четче виднелись бревна амбара и овина.

От конюшни к колодцу шел человек, в сумраке белела посконная рубаха. Лют прищурился: вроде вчера во дворе хлопца не было. Сердце забилось громче обычного, горячая волна смыла легкую дрожь.

Парень стоял у колодца. Лошадиные уши стригли прохладный воздух, о землю нетерпеливо пристукивало копыто. Гривень хмыкнул.

Вазила вытащил ведро и обернулся. Глаза радетеля лошадей светились зеленым огнем, лицо было настороженно.

– Здравствуй, – кивнул Лют.

Покровитель лошадей оставил ведро, подошел к гривню:

– Здравствуй, молодец. Не беспокойся, за конями присмотрел, готовы без усталости день скакать.

– Спасибо.

Вазила отмахнулся, мол, пустяк, глаза сощурились лукаво.

– А где такое добыли диво? – спросил о коне воеводы. – Я смотрю – и не конь вовсе, как только приручили?

Лют усмехнулся. Стрый кого хочешь приручит. Потом дошел смысл слов о Гороме. Конь у воеводы со странностями, но в голову не приходило, что это нечто другое.

Вазила помялся на месте:

– Путь держите дальний?

– К князю Вышатичу.

Лошадник поднял светящиеся глаза к небу, из груди вырвался вздох.

– Чигирь-звезда супротив пути стоит, не к добру.

Лют пожал плечами: что делать, ехать надо.

– Как будет прыгче?

Вазила запрядал ушами:

– Быстрее через Синий лес, но там зело злой нечисти, люди туда не суются. Зато, если проберетесь по тропам, будете на месте через два дня. По обходной дороге – через пять.

– Спасибо, вазила, – поблагодарил Лют, – будь здоров.

Лошадник отмахнулся:

– Пустое. Вам желаю успеха.

Вазила вернулся к колодцу, подхватил ведро, копыта затопали к конюшне. Лют оглянулся на спящий дом. Зная срочность, с какой велел Яромир доставить письмо Вышатичу, нетрудно было догадаться, какую Стрый выберет дорогу.

Глава четвертая

Лют окинул взглядом толстые стволы, ноздри вдохнули сладкий воздух, сердце стукнуло радостно.

В зеленых ветвях таяла белесая пелена, золотые лучи споро протыкали остаток тумана. В резных складках стволов суматошно бегали муравьи. Шестиногие трудолюбывы спозаранку работали: искали гусениц, тащили домой строительный материал.

Копыта утопали в мягкой траве, ступали неслышно, лишь конь воеводы глухо топал. Тропа густо заросла травой, сквозь стебли которой пробивались ввысь тонкие стволы деревьев. Если удастся им отвоевать место под солнцем, урвать корнями часть сладкого подземного сока, то через несколько лет встанут непроходимой стеной.

Лют услышал за спиной шепоток отроков.

– Савка, а почему лес Синий? – спросил Ждан.

– Сказывали сельские, что по ночам землю туман устилает, а цветом тот туман – мертвенной синевы, потому и лес Синий.

– Вот страх-то...

Лес заполняли трели птах; мягко шуршали изредка облетающие листья, порой стучал по веткам и стволу отвалившийся сук.

Лица Буслая коснулись тонкие нити и противно защекотали кожу. Гридень досадливо плюнул, заскреб пальцами по щекам, отчего подушечки пальцев стали белыми от скомканной паутины.

– Вот гадость какая! – ругнулся он вполголоса.

Потом приметил нечто в кустах, отчего седло вмиг опустело. Отроки испуганно повернули головы на треск. Из зарослей донесся довольный возглас. Стрый нехотя повернул голову – лесной шум разбавился басовитым рокотом:

– Что, на самодиву наткнулся? Мало тебе дочери Стойгнева, не угомонишься?

– Что ты, батюшка-воевода? – сказал гридень ейно. Выйдя из кустов, Буслай упруго оттолкнулся от травы – конь чуть присел от упавшей тяжести. В отроков полетела птица со сломанной шеей. – Ради тебя стараюсь.

Ждан подхватил тушку и припрятал в седельный мешок. Стрый посмотрел на гридня хмуро: в глазах настороженность, не пропустить бы подвоха.

– Что нашел?

Гридень молча протянул ладонь с сероватыми гольшами. Стрый блеснул глазами и, дернув бородой, сглотнул комок. Буслай подавил усмешку и натянул поводья. Конь подошел к угольному собрату. На широкую, как лопата, ладонь воеводы переместилось три яйца. Стрый тотчас, прокусив скорлупу, шумно выпил содержимое. Утер губы и скривился от лучащегося лица Буслая.

– Ладно, – проворчал воевода, – одну пакость прощу, ступай.

– Спасибо, воевода-батюшка!

Буслай придержал коня, а воевода отъехал на несколько шагов, и сразу раздалось шумное чавканье. Гридень перемигнулся с Лютом, и его губы неудержимо расплзлись до ушей. Лют покачал головой, оглянулся на возбужденный говорок.

Савка и Ждан заходящимся от волнения шепотом обсуждали увиденное. Для них сомнений, кто отец Стрия, не было. Известно, что Волос-Змей без меры любит молоко и яйца.

Поверху зашептала листва. Лют прислушался и в сплетении шуршащих голосов смутно различил стальную нотку. Помимо воли плечи передернулись – не зря Синий лес перестал быть хожим.

Несколько раз в затылок упирался тяжелый взгляд, но стоило обернуться, и он пропадал. Заросли иногда шумели без ветра, и доносился осколком писклявый смех анчутки.

Лют прищурился: вроде это дерево видит по второму разу... Может, блазнится? Но нет – памятное пятно мха, наплыв чаги. Уж не пушечик ли балует? Хотя до его владений – пуши непролазной – пока не добрались.

– Стрый, – позвал Лют, стараясь, чтобы голос звучал нормально. – Может, взденем брони?

Воевода спросил, не поворачивая головы:

– Чуешь что?

Лют пожал плечами:

– Как-то беспокойно.

Воевода завертел головой размером с пивной котел, от сурового взгляда ветки едва не затлели.

– Не стоит. Не нападет никто.

Лют не стал спорить – у воеводы чутье лучше. Буслай рядом колюче хмыкнул, горделиво расправил плечи – уж он-то не боится внезапных атак, надо будет, так пойдет в бой в первозданной нагоде, как ходили предки. Лицо Люта окаменело.

Заросшая тропа, петляя, уходила в глубь леса, кони покорно переставляли ноги, на их мордах застыло безучастное выражение. Лишь воеводин конь храпел сердито, и в его глазах тлели червонные искры.

Буслай от нечего делать стал рассказывать отрокам былинку о пленении Перуна Змеем-Волосом, искоса поглядывая на спину Стрыя. Ждан с Савкой и раньше слышали былинку, но в пересказе гридня история получалась куда лучше.

Отроки с блестящими глазами внимали баюну, гневно стискивая кулаки, когда Буслай загробным голосом описывал пленение и дальнейшее ослепление бога. Настал миг, когда Савка засомневался: удастся освободить Сварожича? Но сказка кончилась хорошо: храбрый кузнец разбил цепи, глаза вернулись, а Волосу досталось топором по башке.

Стрый злобно хрюкнул, когда Буслай чересчур красочно стал описывать поражение Змея. Угольно-черный Гором скакнул вперед – подальше от насмешника, и остаток пути спина воеводы маячила в полусотне шагов.

Когда зелень листьев тронул солнечный багрец, Стрый скомандовал привал. По счастью нашлась маленькая полянка с густой травой, сочной и ломкой. Привязанные к дереву, кони немедля захрустели тугими стеблями.

Из-под корней могучего дуба пробивался крохотный ручей. Лют хотел напиться, но кони замутили воду, – пришлось хлебнуть из баклажки.

Ждан сбросил с вьючной лошади поклажу, взгляд зацепился за красную бусину в траве.

– Вот счастье привалило, – сказал он. – В малинник забрели, сегодня ягодами полакомимся.

Савка кивнул, шумно сглатывая слюну:

– Возьми короб плетеный, а я за конями присмотрю.

Стрый бросил напутственно:

– Далеко не заходи. Чуть что, кричи!

– Хорошо, дядька Стрый, – кивнул Ждан покорно.

Кусты сомкнулись за худощавой спиной, и спустя некоторое время оттуда донеслись довольные возгласы.

Лют разложил на траве одеяло, прилег – сочные стебли захрустели влажно. Гридень примял траву, встал с лежбища.

Савка расчесывал костяным гребешком гриву Горома – коню воеводы почет в первую очередь. Стрый с брезгливо поджатыми губами копался в мешке, будто по ошибке залез в мешок Буслая.

Гридень положил на колени топор, из походного мешка достал точильный камень – полянку заполнило металлическое вжиканье.

Стрый хмуро наблюдал за работой гридня, пучки волос в его ноздрях грозно зашевелились.

– Что без толку правишь? – спросил воевода сердито. – Сходи за водой.

Буслай ответил раздраженно:

– Пусть Лют сходит.

– Он за хворостом пошел. Лют, в отличие от тебя, бездельника, на месте не сидит, хотя ты ему прислуживать должен.

Буслай оглядел поляну, но Люта видно не было, лишь за деревьями хрустели сухие ветки да иногда мелькала рубашка. Точильный камень исчез в мешке – воевода не поддался на уловку, мол, если воин правит оружие, то отвлекать нельзя. Лезвие и так остро, можно бриться, просто не хотелось, чтобы воевода что-то поручал. И вот на тебе...

– Да где вода? – спросил гридень в последней попытке улизнуть от урока. – И на кой идти, у нас в баклажках много?

Воевода глянул из-под бровей:

– Свежей хочю. А ручей найдешь вон там, да не утопни, бестолочь, болото рядом.

Буслай рассерженно поднялся. Савка, пряча улыбку, сунул ему в руки объемистую баклажку, почти ендову. Гридень затопал в указанном направлении с таким треском, будто сквозь бурелом ломился пьяный медведь.

Ждан так увлекся сбором ягоды, что перемазался соком. Губы его расцвели, словно у упыря. Сладкая струйка заползла под ворот. Испачканные пальцы знай себе хватали ягоды, а в глазах рябило от вкусной россыпи. Короб почти наполнился, вдобавок к малине набрел Ждан на заросли клюквы – вкусный будет взвар!

Сбоку раздался треск, отрок повернулся, руки сами собой выхватили булаву. В воздух ткнуло шипастое оголовье. С испуганным криком от оружия отпрянул старичок, из его сухоньких рук выпала корзинка, и ягоды затерялись в траве.

– Ты кто? – грозно, подражая Люту, спросил Ждан, а булаву отвел назад для мощного удара.

Старичок бухнулся на колени: бороденка мелко дрожит, печальные глаза блестят влагой.

– Не губи, добрый молодец! Худа не сделаю, захотелось старому ягод поесть.

Отрок подозрительно оглядел старца: жалкенький, на одеже заплат немерено, большая голова покрыта плешью, нос острый, что нож.

– Ты кто? – повторил Ждан.

– Голованем кличут, – сказал старик, неуклюже поднимаясь на ноги. – Живу неподалеку, место хорошее, спокойное.

– Как сюда забрался? – в голосе отрока не убавилось подозрения.

Головань помялся, пальцами накручивая седую бороду.

– Да... – отвел старик взор, – никому не нужен стал, детки померли, жена... – Из старческой груди вырвался печальный вздох. – Люди сторониться стали, ну и подался в лес, землянку вырыл, живу припеваючи.

– Далековато забрался, – хмыкнул Ждан подозрительно.

Отрок деланно супился, прожигал старика взглядом, потом сник. Нашел перед кем отвагой воинской бахвалиться, да и не видит никто. Что толку? Булава вернулась на пояс,

глухо стукнулись резные обереги в виде коней и уток. Ждан виновато посмотрел на опрокинутую корзинку – жалкий вид старичка бередил совесть. Отрок присел у корзинки:

– Дай-ка помогу тебе, старче.

Головань ответил обрадованно:

– Сделай милость.

Отрок поставил корзинку и пальцами стал ссыпать ягоды обратно. Головань, одобрительно кивая, незаметно оказался за спиной Ждана. Глаза старичка полыхнули красным...

Буслай продирался сквозь заросли. Молоденькие деревца жалобно хрустели, а упругая ветка, мстя за погубленных родичей, обожгла лицо гридня огненной плетью.

– Тьфу, пропасть! – ругнулся Буслай. Пальцы сломали ветку-обидчицу, и гридень продолжил путь к невидимому ручью.

В воздухе повеяло сыростью, на лицо будто накинули мокрый платок, под сапогами захлюпало.

– Пень волохатый! – буркнул гридень. – Ну, точно от Волоса уродился! Воду за версту чувствует.

Деревья поредели. Ноги увязали по щиколотку, подошвы отрывались от земли с противным хлюпаньем. Буслай вломился в заросли осоки и сбавил шаг, внимательно смотря под ноги. Вот уж угодил – в заболоченную местность, а чистый ручей – где-то в сторонке. Сквозь частокол сомкнутых зубов протиснулось ругательство.

Широкий ручей, почти озеро, открылся неожиданно. Буслай шагнул и едва не грянулся в заросшую ряской воду. Гридень отступил, и в сапоге явственно хлюпнуло. Над водой пронесся тяжкий стон.

Ручей наполовину зарос грязно-зеленой ряской, растительная гладь вздыбилась моховыми кочками. Пройдет немного времени, и вода совсем зарастет, то-то радости будет болотнику да жене его, злобной красавице с гусиными лапами! Запляшут ночами синие огоньки заблудших душ.

Темная гладь чистой воды отражала облака, траченные горелым золотом с щедрыми прожилками. Кудрявые подушки неба с краю чернели, а середка напиталась красой заходящего солнца. Центр ручья будто залили медом.

Буслай добрался до чистой воды. Нога его едва не провалилась сквозь обманчивую твердь; пришлось присесть на корточки и тянуть руку с баклажкой до плечевого хруста. Вода забулькала в горлышке, кисть повело вниз, гридень напряг руку и тоскливо уткнулся взглядом в заболоченный участок.

Кочка мха дрогнула, провалилась в рясковый ковер. Воздух огласило кваканье. Буслай недоуменно огляделся. Баклажка хлюпнула, и из полной горловины всплыл пузырек воздуха.

Взгляд гридня прикипел к воде: в глубине мелькнуло крупное тело... стремительно поднялось... От неожиданности Буслай отпрянул и задом плюхнулся на мокрую траву. Ткань портов мгновенно взмокла, и кожи коснулась противная сырость. Мокрая рука выпустила баклажку – сосуд канул на дно с громким плюхом.

– Проклятье! Что за день такой? Неужто вдохнул колдовское изурочье, на ветер лаженное? – сокрушался гридень.

Вода гулко плеснула, и на поверхность всплыл зеленый валун, облепленный водорослями и грязью. В центре, возле выступа, похожего на нос, блестели два камушка. Буслай подозрительно оглядел диво и презрительно скривил губы. Валун улыбнулся, будто взрезали ножом кусок дерна, блеснул черными зубами.

– Ичетика не хватало! – простонал Буслай.

Валун приподнялся – мутные струи стекали с головы ичетика на его широкие плечи, ключицы. То, что Буслай принял за грязь, оказалось пивявками. Буслая передернуло от омерзения. Вот пакость!

Глаза ичетика задержались на топоре, опасно сузились.

– Здрав будь, воин.

Буслай процедил сквозь зубы:

– И тебе подобру.

Водную гладь проткнули зеленые руки с жутковатыми желтыми ногтями, в страшенных граблях баклажка смотрелась нелепо. Гридень сплюнул с досады, ичетик слышал скрип зубов, усмехнулся гнусно:

– Не твоя?

– Ты что, дурак? – озлился гридень.

– Хочешь назад?

– Хочу, – ответил гридень без особой надежды.

Лапа с когтями протянула баклажку.

– На.

Буслай вскочил на ноги, отступил на пару шагов:

– Нашел дурака!

Младший брат водяного не так силен, помельче, но привычки поганые. Пакостит помелкому: посевы зальет, подмоет мосточки и крутой берег, а если какой дурак руку сунет, утащит, как пить дать. Эх, баклажка пропала! Стрый нагоняй задаст.

Буслай развернулся. Сочная трава захрустела под сапогами.

– погоди! – окликнул ичетик. – Бражка есть?

– Чесночная! – огрызнулся гридень на ходу.

В спину ударило так, что не удержался на ногах, упал: в лицо бросилась трава, а лопатки обдало влагой.

В воде хохотал ичетик, гнусную тварь поддерживал хор лягушек. Буслай схватил полупустую баклажку, глаза его метнули молнии в ичетика, но тот на прощание хмыкнул и скрылся, оставляя круги на воде.

– Скотина! – выругался гридень с чувством.

Савка кончил уход за конями, проверил привязь, довольно крякнул. Стрый, ерзая на одеяле, с отеческой теплотой наблюдал за отроком. Через пару лет славный будет воин.

Лют вытащил из мешка птицу, добытую Буслаем утром. Кишки и голову зашвырнул подальше в кусты и принялся рвать перья жилистыми пальцами. Костерок в яме проглатывал пушинки, и вскоре запахло паленым.

Стемнело. День завис на тонкой грани меж сумраком и ночью, кусты на дальнем краю полянки слились в серую массу. Костер бросал вокруг желтый отсвет, красно-желтая полоска отметила лицо Люта. Стрый присмотрелся, нахмурился:

– О чем думу думаешь?

Лют замаялся. Савка поймал смущенный взгляд гридня, отвернулся. Что могло взволновать сильномогучего воина?

– Из головы не выходит сказ о битве Перуна со Змеем.

Лицо воеводы потемнело, ибо не любил он упоминаний о Волосе. Пересилил себя, сказал непринужденно:

– Будто не слышал ни разу.

– Не в том дело.

Савка отошел подальше, с преувеличенным любопытством осмотрел привязь коней, сел под деревом и под шепот кроны прикрыл в полудреме глаза.

– Вот мы знаем, что Волос... – продолжил Лют и запнулся. Хотел сказать, что Змей хитростью и коварством пленил Перуна, но вовремя прикусил язык. – Волос заточил супротивника, и тот долго не мог освободиться.

– Ну? – буркнул Стрый.

Лют окончательно позабыл о птице – полуоципанная тушка свалилась в траву.

– А кто разбил цепи? Кузнец. – Лют потрясенно выдохнул последнее слово и выжидательно посмотрел на воеводу.

Стрый подвигал складками на лбу, спросил недоуменно:

– Ну и?

Лют едва сдержал вздох разочарования: неужто поблазнилось несусветствие?

Стрый смотрел требовательно, но в глазах его мелькнуло опасение: уж не повредила ли уму лучшего гридня нечистая сила?

– Мы – воины, – продолжил Лют. – Перун, бог Грозы, благоволит нам, мы – любимые его чада. Дочери его, Магуре, любы витязи. Сраженных воинов сладко целует, дает испить воды из золотого черепа, и счастливый витязь отправляется в ирий. Мы клинками охраняем мир от Кривды, на свете нет людей важнее нас. Так почему Перуна освободил не блещущий панцирем воин, а кузнец?

Стрый одобритительно кивал, в глазах затеплились огоньки, но после последней фразы он нахмурился.

– Не бери в голову, – громыхнул воевода. – Мало что придумают кощунники, может, и воин освободил, оружный молотом, а молва списала на кузнеца. Все просто.

Лют кивнул, взглядом споткнулся о тушку птицы, спохватился – и в стороны полетели перья. Задумчивый блеск в его глазах почти растаял. Стрый отметил недовольно: немного недоумения все же осталось.

Затрещали громко ветки. Испуганный Савка продрал глаза и кинул ошалелый взгляд на Буслая. Гридень зло оглядел поляну и поспешил к костру. В руки воеводы ткнулась баклажка. Стрый насмешливо оглядел гридня:

– А чой ты грязный?

Буслай вполголоса выругался, с трудом стащил с себя мокрую рубаху и повесил ее над языками пламени. Стрый хохотнул издевательски:

– Никак повстречался с водяным?

Буслай буркнул через плечо раздраженно:

– С младшим братом.

– Понятно.

Воевода наклонил баклажку, и на землю полилась ядовито-зеленая жидкость. Мерзко запахло, и тут Лют удивленно уставился на дымную лужу, трава вокруг которой сразу пожухла. Буслай принюхался, и брови его поползли вверх.

– А ты чего думал? – спросил Стрый ласково.

Гридень затараторил подсердечной бранью, обещая надругаться над ичетиком, водяным и всей их поганой семейкой. Стрый одобритительно кивал, восхищенно прицокивал.

– Эх, посуду испоганил, – вздохнул воевода. – Ну, ладно, обещал пакость простить. – Оскверненная баклажка улетела в кусты.

Лют оципал птицу, достал из мешка пахучие травы, от которых мясо станет нежным и сочным, и каждый ломтик его растает во рту сладким соком.

Савка подсел к костру и взял у Буслая рубаху.

– Э, а где Ждан? – спросил Буслай.

Лют запоздало спохватился: отроку пора вернуться. Савка поймал встревоженный взгляд, сунул рубаху обратно Буслаю и сомкнул ладони рупором у губ. Вечерний лес огласил крик:

– Ждан, где ты? Хватит собирать ягоды, возвращайся.

Эхо смолкло, легкий ветерок прошуршал листьями насмешливо, но Ждан не откликнулся. Стрый поднялся на ноги, его взгляд упал на Буслая.

– Поднимайся, сходишь с Лютом, посмотришь, куда олух запропастился.

Гридень встал с недовольным ворчанием, уронив в траву мокрую рубашку. Блики костра отразились от лезвия топора.

– Чего искать, сам придет.

Воевода смерил его тяжелым взглядом, и Буслай уронил взор и опустил плечи.

– Лют, долго тебя ждать? – буркнул он раздраженно.

Лют по знаку воеводы взял из поклажи небольшой мешок, поправил у бедра меч. Гридни с треском вломились в заросли и долго, до рези всматривались в траву, скрытую вечерним сумраком. Буслай шипел сердито – ветки так и норовили побольнее царапнуть его голый торс.

– Вот его следы, – указал Лют.

Вскоре они наткнулись на опрокинутый короб; под сапогами чавкнули раздавленные ягоды. Буслай схватил соратника за рукав и сказал холодеющими губами:

– Смотри, корзинка чья-то.

– И трава утоптана, будто медведь танцевал, – добавил Лют.

Гридни переглянулись. Буслай крепче сжал топор, а Лют распутал кожаные завязки мешка. Лес обступил людей. Почудился давящий взгляд...

– Пойдем по следу, – бросил Лют на ходу.

Буслай покорно потащился за старшим гриднем. Если дело нечистое, придется худо, подумал гридень хмуро. Никакого противника из плоти и крови он не боялся, но как сражаться с нечистью, способной отразить удар железа, наслать мару или еще что хуже? У Люта хоть гривна серебряная, воинский оберег защитит от вселения злого духа, а у него – медь с чутком серебра. Вдруг не спасет?

Лют резко остановился. Буслай едва не ткнулся носом ему в спину.

– Ты чего? – прошипел он сердито.

– Тихо! – ответил Лют еле слышно.

Буслай прислушался. Лес примолк: вот прошелестел листок... обломилась ветка... еле слышно прозвучал смешок... Раздался отзвук удара о дерево. Смех прозвучал более явственно. Ветерок в ветвях донес слабые хрипы.

– Бежим! – крикнул Лют.

Он вломился в заросли, как лось во время гона. Помрачневший лес недовольно заворчал. Буслай крепче стиснул топорище и ринулся следом. Ветки зло хлестали оголенную кожу, и гридень прикрыл лицо, едва видя спину Люта в щелке между пальцами.

Лес заохал, заулюлюкал. Глумливо ухнул филин. Лют заметил за частоколом стволов беленую рубаху и надал ходу, явственно слыша хрипы.

Отрок метался меж стволов: рука на горле, вторая тщетно пытается достать булавой старикашку, сидящего у него на плечах. От отчаяния Ждан бился спиной о деревья в надежде придавить паскуду.

Старичок мерзко хихикал и сверкал ярко-алым пламенем в глазах. Сухонькие руки его с нежданной силой стягивали на шее отрока кожаную петлю.

– Никуда не денешься, я на твоих закорках по лесу погуляю!

Лют сунул руку в мешок. Зуд в пальцах подсказал, что нащупал нужное. Сзади запыхавшийся Буслай удивленно свистнул.

– Отпусти его!

Боли-бошка резко натянул петлю, повернул отрока, как строптивного коня.

– Заступнички явились, – сказал он обрадованно. – У меня скоро будет табун.

– Я тебе кости переломаю! – прорычал Лют.

Боли-бошка с тревогой посмотрел на уверенно шагающего гридня: еще чуть – и дотянется до бороды. Странно, за меч не берется, руку прячет в мешке...

Старческие руки натянули петлю – Ждан отчаянно вскрикнул, и изо рта пополам с хрипами полилась пена.

– Стой, касатик, не то шею сверну.

Глаза боли-бошки превратились в костры; от злобного оскала попяtilась бы и свора волков; тускло сверкнули слюной клыки.

Буслай замер, пальцами стискивая бесполезный топор. Пока будешь рубить нечисть, успеет сломать шею Ждану, а то и отмахнется от честного лезвия и скроется в лесу с гнусным хохотом.

Лют молниеносно выхватил из мешка травяной веник, хлестнул им по старческим рукам, и в лесу раздался вопль громче сотни боевых труб. Буслай грянулся оземь, спину защекотали опавшие листья, рот помимо воли раскрылся в крике.

Хватка старика ослабла, и полузадушенный Ждан повалился. Лют сдернул боли-бошку, хлестнул по плечи крапивой.

– А-а-а!!!

Буслай вскочил и бросился на подмогу. Лют метнул взгляд: не надо. Гридень склонился над Жданом. Кожаная петля лопнула под лезвием топора, и отрок с трудом протолкнул воздух в измятое горло.

Лют крепко держал лесного пакостника за ногу и пуком крапивы хлестал его по плечи. Боли-бошка извивался ужом, сомкнув обожженные губы. Крик сменился поскуливанием.

– Что творишь? Больно же!

Лют тряхнул боли-бошку и прошипел в лицо, облепленное кусочками крапивы:

– Больно тебе?! Так я еще не начал!

Боли-бошка извернулся – зубы клацнули возле запястья гридня.

– Ах, ты так!

Тело нечисти со свистом проломило воздух, и могучая сосна загудела от удара. Посыпались иголки. Гридень стал околачивать стволы головой боли-бошки. В лесу злорадно зауhalо, а в сгустившейся тьме загорелись злым весельем огоньки.

Лют запихнул за пазуху боли-бошки истрепанный веник крапивы, раскрутил над головой – и нечистый с криком улетел в кусты. Протяжный вой удалился.

Гридень оглянулся на Ждана. Отрок с помощью Буслая сел и пальцами стал осторожно разминать посиневшее горло. Лют со злостью посмотрел на кусты, куда забросил боли-бошку.

– Ждан, надо идти.

Отрок осторожно кивнул. Буслай кое-как встал. Лют поднял из травы булаву и прицепил Ждану на пояс. Отрок оперся на подставленное плечо, и троица медленно зашагала к стоянке.

Лес на миг озадаченно смолк, а затем разразился ухающим хохотом. Ветви зашумели, будто от сильного ветра. Кто-то начал подхихикивать тонкими трелями, словно мышь-полевка. Траву накрыл белесый покров.

Лют недовольно поглядывал на клубящийся туман. Белые клочья стремились опутать голенища, блазнилились крохотными когтями, принимали синеватый оттенок...

Савка извелся у костра. Едва заслышав треск, метнулся встречать гридней. При виде Ждана Савка ахнул. Гридни передали раненого товарища и подошли к воеводе. Стрый посмотрел требовательно.

– Нечистая шалит, – развел руками Буслай. – Любитель быстрой езды попался.

Стрый досадливо дернул щекой и взглядом уткнулся в Люта:

– Уходить надо.

Буслай вскинулся:

– Ты что?! Только устроились, даже не ели!

– Помолчи! – рявкнул воевода. – Хоть раз головой подумай.

Савка хлопотал над Жданом, мало не квохтал. Взгляд его упал на траву, и в груди похолодело: стебли оказались переплетены лентами синей кисеи. Он потрогал одну, и пальцы обдало морозом, будто сунул руку в сугроб.

Лют оттащил Буслая от воеводы и принялся укладывать мешки на лошадей. Животные обеспокоенно фыркали и трясли гривами. Все, кроме Горома. Лют некстати вспомнил слова стойгневского вазилы, что это вовсе не конь. Спросить бы Стрый, да в ответ получишь по шее.

– На кой ляд попремся ночью? – не унимался Буслай.

Лют хмуро указал на траву, тронутую туманом:

– Думаешь, зря лес хожим быть перестал? И больно удобная полянка появилась, когда на ночлег решили устроиться.

Буслай досадливо сплюнул.

Стрый бросил взгляд на оцепеневших отроков, сказал Люту:

– Подсоби малым, а то туман пожрет. Ишь, как наступает.

Лют порылся в мешке с травами. В костер полетели ветки боярышника. Пламя лизнуло листья, и встреч туману потек дым. Синеватое покрывало испуганно отпрянуло и рассерженно зашипело. Буслай растолкал отроков и вместе с Савкой усадил Ждана в седло.

Лют погрузил поклажу и отвязал лошадей. Животные нервно переминались, разбрасывая копытами комья земли. Стрый похлопал по шее угольного Горома. Глаза громадины полыхнули багровым светом.

– Взденьте брони, – наказал воевода.

Буслай плюнул на мокрую рубашку, что так и лежала у костра, и из мешка вытащил запасную. Ткань согрела тело. Поверх льняной рубахи натянул кольчугу – полпуда плетеного железа придало уверенности.

Буслай взглянул на край полянки, поежился. Деревья скрылись за плотной стеной, иногда в клубах тумана мелькала оскаленная рожа, аж кишки от страха сводило.

Боярышник прогорел, и поляну снова уверенно стало поглощать синеватое полотно, подбираясь к костру. Пламя испуганно металось, но деваться из ямы ему было некуда, и участь его была предрешена.

Стрый оглядел отряд и неспешно забрался в седло:

– Я сзади поеду, Лют – впереди. Буська – меж Жданом и Савкой.

Буслай засопел обиженно:

– Чего я – в середине?

– Хорошо, – согласился воевода легко, – ты впереди.

– Э-э, да я просто так спросил.

Выехали на тропу. Свет луны продрался сквозь ветви и залил деревья мертвенным светом. В темноте то тут, то там вспыхивали попарно желтые огоньки. Лица обдало порывом холода, и в кустах протяжно завывало. Отроки испуганно зашептались, творя охранные знаки, и впились пальцами в обереги из можжевельника.

Буслаю захотелось подержать колючее: терновник, на худой конец репей. Нечисть боится колючих растений, ткни в рожу – убегут с воплем, да и через выложенный круг не проберутся, равно и не выберутся. Не случайно упырю в гроб ветки боярышника кладут, чтоб из могилы не вылезал.

Гридень тряхнул головой, рукой коснулся топора. Прохладный металл отозвался неожиданной теплотой. Вот единственный оберег, сказал про себя Буслай. Иных не надо.

Над головой пролетела тень, лошадь испуганно шарахнулась, гридень впустую рубанул воздух.

– Успокойся, – сказал сзади Стрый. – Пока пугают. Как начнется, скажу.

Буслай со страхом прислушался к зубовному скрежету за стволами, ответил нервно:

– Ты только не запаздывай, воевода. А то знаю я тебя.

Стрый хохотнул.

Лют разжег факел. Бледное пламя бросило дрожащие отсветы на листья. Тропа выросла из сумрака на несколько шагов. Лес был полон злобного шелканья, посвиста, справа похрюкивали, уши щекотал шелест сминаемой травы и веток. Изредка страшно скрипело, будто дерево отрывало корни и шло по лесу.

Сзади раздался печальный вздох. Лют метнул взгляд через плечо:

– Что такое, Буслай?

Гридень еще раз вздохнул:

– Поесть забыли.

Глава пятая

Бревенчатые стены, увешанные расписными полотнищами, содрогались от приветственных криков. Языки пламени в светильниках трепетали, как колосья на сильном ветру. Палата была напитана горячими запахами съестного, ароматами меда и вина. Под потолком воздух сгустился сизыми жгутами. Скоро пирующих окутает туман, если слуги забудут открыть духоводы, дабы чадную сыть разбавил свежий воздух.

Яромир склонил голову, повел дланью, и в зале поутихло. Множество глаз воззрилось на князя, устроившего пир. Кравчий вынырнул из-за спины и подал золотую чашу в россыпи жемчуга и яхонтов, до краев полную густым терпким вином.

– Други мои! – провозгласил князь. – Пью во здравие ваше! Ибо нет ничего лучше на свете – иметь таких друзей. Не богатством славен доблестный муж. Что золото? Сегодня есть, завтра идешь по миру с сумой. Но если есть друзья, такие как вы, и смерть не страшна. Пью за вас – настоящее богатство мужа!

Палата взорвалась одобрительными криками, гости поспешно вскочили с лавок и принялись вздымать серебряные чаши, украшенные жемчугом; кто-то поднял сердоликовые чарки, обложенные серебром; иные – рога буйволиные и воловьи с искусной резьбой. Запахи вина, меда и темного олуя крепко переплелись, вдохнешь – уже пьян.

– И ты будь здрав, князь! – раздалась ответные здравицы.

Хмельное исчезло в десятках глоток, палата огласилась мощным кряканьем, звоном золотой и серебряной посуды, громким чавканьем. Крепкие руки раздирали жареных лебедей, жернова зубов перемалывали нежное мясо. Чарочки с ног сбились, наполняя опустевшие кубки.

Яромир в два глотка осушил чашу. Кравчий принял пустой сосуд и притаился за спиной. Князь сед, пытливо обводя взглядом приглашенных мужей: когда кто-то поднимал кубок во славу князя, Яромир кивал ему в ответ, взглядом отыскивая следующего гостя.

По правую руку раздалось недовольное ворчание:

– На кой, княже, пригласил эту ораву? Все окрестные князья с малыми дружинами примчались. Того гляди, меж собой станут задираться.

Яромир покосился на Ратьгоя, и его губы невольно растянулись в улыбке. Суровый воевода среди роскоши палаты смотрелся как ворона в парче: зыркал исподлобья на пирующих, двигал кадыком туда-сюда, но к еде не притрагивался, а на виночерпия, сунувшегося с серебряной чаркой меда, так рыкнул, что бедняга едва не расплескал напиток.

– Чего моими гостями недоволен? – поинтересовался князь.

Ратьгой скривился, отвел взгляд.

– Не понимаю, на кой ляд потчевать лучшим? Кладовые разорил, выставив золотую и серебряную посуду. Да после каждого пира половины недосчитаемся.

Раздраженный голос воеводы резал слух. Князь поморщился, и брови его двинулись к переносице.

– Не твоя печаль, – ответил он резко. – Ешь давай, а не хочешь хмельного, выпей квасу.

Яромир дал знак кравчему, и тот с опаской протянул воеводе серебряный ковшик, украшенный искусной резьбой. Воевода нехотя принял, губами припал к краю и одним духом опростал содержимое.

– Да как не моя забота? – продолжил воевода менее сердито. – Казна полниться должна, а ты одному князю Бериславу подарил четыре золотые цепи, пояса сердоликовые, блюдо с жемчугом, золотой складень и серебряное чело. А сколько еще тут охочих на дорогие подарки? Этак в новый поход скоро пойдем, а кого на этот раз воевать? Со всеми в мире.

Яромир с нежностью посмотрел на взъерошенного воеводу, который водил походы еще до его рождения, а потом учил мальчишку держать меч. За напускной грубостью воина пряталось смущение: непривычно в роскошных палатах, жизнь провел в поле, с мечом в руке, красным словам не обучен.

Потому сторонятся седовласого воина бояре, знают, что высокое положение не спасет, коли Ратьгой осерчает. Да и князю достается – любит воевода резать правду-матку в глаза и при честном народе, скажет такое и скалится, а самому хоть под землю провалиться. Но что делать, если у преданных и честных людей такой недостаток. Мудрому следует держать при себе таких, а не сладкоустов.

Воевода смутился под теплым взглядом князя.

– Что уставился, аль не правду говорю?

– Правду, правду, дядька, – согласился Яромир. – Только ты привык мечом сражаться, в государственных делах не смыслишь. А слово, да за таким столом, может куда больше войска.

Ратьгой хмыкнул, раздраженно дернул плечом и презрительно хлестнул гуляк взглядом:

– Со стороны кажется, что откупаешься.

Князь склонился к уху, поросшему седыми кольцами волос:

– Почти угадал.

Ратьгой недоуменно уставился на загадочную улыбку князя. Лицо воина налилось дурной кровью.

– И не стыдно откупаться?! – возопил он громким шепотом. Яромир досадливо дернулся, поспешно оглядел гуляк – не услышал кто? – Откупимся мечами, – продолжал горячиться воевода. – На кой ляд отослал Стрыя, он бы один справился?

– Тише, старый пень! – зашипел князь.

Один из прибывших князей, глядя на Яромира, крикнул здравицу. Князь, растянув губы в улыбке, кликнул кравчего. Виночерпий выслушал, подозвал нарочного. Гостю подали чашу с хмельным медом.

– Годун-ста, князь жалует тебя чашей, – шепнул нарочный.

Князь Годун встал. Серебряная чаша исчезла в ладонях, приложенных к губам; кадык под паутиной бороды несколько раз дернулся. Годун довольно крякнул. Яромир принял его поклон. Нарочный вернулся к князьему столу и шепнул ненужные речи:

– Годун-ста, выпил чашу, челом бьет.

Ратьгой рявкнул недовольно:

– Иди отсюда, пока я тебе в чело не дал!

Слуга глянул испуганно и исчез, как лист, унесенный ураганом. Яромир недовольно посмотрел на воеводу. Старый воин нахально принял взгляд, воинственно топорща бороду-лопату.

– Хватит озоровать, – буркнул Яромир примирительно.

Слегка захмелевшие гости потребовали музыки. По знаку князя двери палаты распахнулись, и в створ проглянула палата для простых гостей. Там столы тоже ломились от яств на золотых и серебряных блюдах – нет ни в чем отличия меж князьями и простыми ратниками.

Открытые двери полетели приветственные возгласы. Дружинные разом встали, едва не опрокинув столы. Кубки с питьем взметнулись к потолку, а стены содрогнулись от радостных криков. Пламя затрепетало; несколько светильников погасло, всплакнув тонкими струйками сизого дыма.

В Большую палату ввалились разряженные скоморохи, чьи нелепые прыжки и ужимки вызвали дружный хохот. Музыканты что есть сил грянули разудалую мелодию; звуки рожков, свирелей и гудка сплели незримую волшбу. Несколько князей и бояр не высидели за

столом, и пол затрясся под сапогами танцующих. Двери закрылись, обрубив раздосадованный гул Малой палаты.

Ратьгой брезгливо оглядел шутов, пожевал губами, будто хотел сплюнуть. Яромир сказал успокаивающе:

– Ничего, ближе к вечеру Вереск расчехлит гусли, послушаешь любимые песни. А пока пусть веселятся.

Ратьгой из-под бровей окинул взглядом галдящий люд, ничуть не похожий на степенных князей и бояр, прибывших утром. Губы его презрительно скривились.

– И охота тебе, княже, сидеть возле животных?

– Нет, – ответил князь честно. – Но надо. Это ты, воин простой, можешь встать и уйти, а я должен улыбаться и кланяться, кланяться и улыбаться. Крепить связи за обильной едой и выпивкой, потому как такие связи крепче торжественных клятв и обещаний, данных на бранном поле.

– Срамота! – сплюнул воевода, искрививши лицо, будто вспылит болью зуб, но правоту князя принял, пусть и не по нутру была.

Гости незаметно подъели жареных лебедей, студень из говяжьих ног, разномастные окорока, колбасы, соленые и холодные мясные кушанья. Распорядитель стола подал знак – двери в палату отворились, и прежние ароматы властно смела струя запаха новой сыты.

Гости встретили слуг с блюдами довольным ревом. Ратьгой поморщился – орут так, словно никогда не ели. Чего тут радоваться? Подумаешь, подали икру, сладкие супы, копченую рыбу, балык, масло, сыр, гусиный потрох, жареных поросят, карасей с бараниной, щуку паровую, спину белорыбицы, голову щучью, уху, громадных осетров – трое красномордых отроков еле донесли, а когда с облегчением швырнули на стол, посуда подпрыгнула, – оладью тельную из рыбы, тешку белужью, пирог из рыбы, отварную говядину, курник, осыпанный яйцами, пироги с бараниной, с яйцами, лебединый папорок с шафранным взваром, холодную топаную капусту, кисель клюквенный, кашку тертую с маковым сочком, сладкие пироги с изюмом, вареньем и пряными кореньями, пироги с мясом, пряженные пироги с кислым сыром. И еще, и еще...

Ратьгой судорожно сглотнул; руки его помимо воли дернулись к жареному зайцу, фаршированному кашей. Пальцы разодрали хрустящий бок; взор заволокло густое облако пара; от изумительного запаха взбунтовались кишки, порываясь скорее согреться лакомством.

Яромир глянул на воеводу и с трудом сдержал улыбку. Кравчий наполнил Ратьгою ковш квасом – воевода выдул вмиг, попросил еще.

– Давно бы так, – проворчал Яромир. – А то строил из себя волхва.

Воевода промычал с набитым ртом, небрежно отмахнулся. С пальцев сорвались жирные капли и плюхнулись на скатерть темными пятнами. Князь улыбнулся. Его пальцы сомкнулись на чаше, бугристой от россыпи жемчуга, и нутро приятно согрел земляничный взвар.

Музыка грянула громче. Нестройный хор полупьяных голосов затянул походную песню, сильные голоса разрезали музыкальную ткань. Музыканты морщились, удваивая усилия.

Палату охватил гомон. Ратьгой упер в стену тоскливый взгляд, кулаками впустую сжимая воздух. Дубину бы сейчас, подумалось некстати.

Шум умолк, как обрубленный. Стихли музыканты, песни, звяканье посуды, даже пламя светильников затрещало чуть тише. Тяжелый воздух, насыщенный запахами жаркого, хмельных испарений и чеснока, прорезала чистая струя, словно ворвался в окно порыв бриза.

Взгляды мужчин привлекла к себе вошедшая женщина. Ратьгой против воли расплылся в улыбке. Глянул на князя: тот вскочил на ноги, на щеках румянец, грудь выгнул колесом.

Приезжие князья с завистью посмотрели на Яромира, сожалея, что не досталось им такой прекрасной жены. Яромир неотрывно глядел на Умилу, и сердце его наполнилось щенячьим восторгом.

Супруга заметила взгляд мужа, и алые губы раздвинулись в мягкой улыбке. В палате будто сверкнула молния – мужчины ошалело трясли головами, пальцами терли ослепленные глаза. Восхищенный шепот наполнил палату шмелиным жужжанием.

Княгиня легкой походкой шла к трону. Серебряные височные кольца при ходьбе отзывались чистым звуком, щемящим сердце. Подошла. Яромир с любовью оглядел ладную фигуру жены, укрытую шелковыми одеждами, ожерелье из цветного бисера на груди, медовую косу толщиной в руку почти до пят. Мужчины, как замороженные мальчишки, смотрели на косу княгини, в их глазах застыл благоговейный восторг.

Умила улыбнулась мужу, и в ее синих глазах сверкнули теплые искорки. Князь едва устоял на ногах, глазами жадно пожирая чистое лицо, словно видел жену в первый раз. Или в последний.

Красота Умилы представляла такую редкость, что простолудины давно пустили слух о том, что Яромир взял в жены самодиву. Ратьгой прекрасно знал ее родителей, не раз видел девчушкой, но, когда Умила расцвела, усомнился: не богиня ли?

Княгиня оперлась на руку Яромира, села подле мужа, благостно кивнула:

– Продолжайте, гости дорогие.

Первыми опомнились кравчий с чарниками.

– Славься княгиня! – заорали они.

К потолку взметнулись десятки чаш, мужчины наперебой заорали здравицы, и стены опасно задрожали. Каждый хотел мелькнуть перед взором княгини: пусть ничто не сулил ответный взгляд, но все равно в сердце расцветал пламенный цветок из первородного огня, создавшего мир.

Палата вновь наполнилась звуками веселья. Гости пировали чинно, выказывая руминское вежество – пальцы об одежду и бороду не вытирали. Музыканты вместо разухабистых плясовых заиграли светлые мелодии, подобные журчанию лесных родников и пению птиц на заре. В зале посветлело, словно Дажьбог пристроил на стене щит.

Княгине наполнили чару фруктовым взваром, поставили курицу во щах богатых. Умила переглянулась с мужем, и ее полные губы тронула улыбка. Потом поднялась. Тонкие пальцы оплели чашу. Серебряный ободок ярко блеснул.

– За вас, гости дорогие. Великая честь потчевать славных мужей.

Князья и бояре вскочили на ноги, от рева мощных глоток затрясся свод, пламя светильников жалко скукожилось, погода несмело расправив смятые лепестки.

Заздравные крики посыпались горохом.

– И ты будь здрава, княгиня!

– Многие лета княжьей чете!

– Вот свезло Яромиру!

– Слава княгине, слава князю!

Яромир улыбнулся. Ратьгой что-то не понравилось в возгласах, но воевода не понял, что именно, и уткнулся в золотой поднос с жареным фазаном. Князю до смерти захотелось обнять девичий стан, прильнуть к губам, но приходилось сидеть с каменным лицом, наблюдать за гостями, улыбаться и кланяться в ответ.

Ладони Яромира коснулись мягкие пальчики, и раздражение смыло горячей волной, будто запруду в половодье. Умила без слов поняла мужа, глазами сказала: «Терпи».

Яромир вздохнул и с хрустом поднялся. Руку оттягивала золотая чара. В ответ на княжью здравицу гости заорали свои, и Яромир сел. Казалось, кожа на лице одеревенела от улыбки. Все знакомо, привычно, скучно до ломоты в челюстях, но пир надо продолжать.

Княгиня ела чинно. Сидящие рядом с нею гости устаивались разговора и дивились осведомленности прекрасной женщины. Отроки сбились с ног, таская блюда из поварни. Палата была полна клубами ароматного пара: воздух загустел, еще чуть-чуть – и можно было бы его пить.

Музыканты сделали небольшой перерыв. Луженые глотки зашипели под потоками кваса. И людской гомон вновь разбавила музыка.

Ратьгой заприметил крадущегося у стенки паренька в простой рубахе, бледного. Палата отражалась в его больших глазах. Крылышко тетерева застыло у лоснящихся жиром губ – воевода хмуро наблюдал за учеником волхва, непонятно зачем зашедшего на пир, перехватил взгляд, нахмурился.

Паренек приблизился к князю, но его рукав схватили пальцы Ратьгой, и в уши ученика противно ввинтился грубый голос:

– Куды?

– Я, э-э...

Паренек побледнел еще больше. Яромир, заприметив неладное, взглянул хмуро:

– Пусти, Ратьгой.

Воевода вытер жирные пальцы о рубаху парня и с ворчанием вгрызся в крылышко – под гнетом желтоватых зубов тонкие косточки раскололись на мелкие щепки. Потом слуха отрока коснулись неличеприятные слова о волхвах и их приспешниках.

Яромир поглядел на покрасневшее лицо ученика волхва, спросил насмешливо:

– Чего пришел?

Парень справился с волнением и необычным для юного возраста густым голосом заглушил звуки веселья:

– Вольга просит прийти, дело очень важное.

Умила с любопытством глянула на мужа: в последнее время муж часто общался со служителем богов, бывал тревожным. Яромир успокоил любимую взглядом и встал из-за стола:

– Гости мои, пируйте, а я пока отлучусь ненадолго.

В ответ раздались пожелания поскорее возвращаться, добродушные смешки. Ученик Вольги направился к выходу. Князь, взглядом держа худую спину, хлопал гостей по плечам, говорил лстивые слова. Шею вдруг ожгла горячая волна, приправленная чесночным духом.

– Ты зачем потащился? – спросил князь не оглядываясь.

Ратьгой буркнул неприязненно:

– Мало ли чего?

– Да ты чего? Вольга отечеству служит не хуже тебя.

– Еще скажи – лучше! – огрызнулся воевода. По его морщинистому лицу скользнуло несколько любопытных взглядов, и Ратьгой оскалился. Гости уткнулись в подносы. – Просто волхвам не доверяю.

Яромир махнул рукой: ну, не любит старый воин кудесников, больше уповает на остроту меча и крепость щита. А что Вольгу не любит особо, так – уведут у тебя женщину, еще не то испытает. Как только не убили друг друга?

У выхода князь обернулся. Умила тепло улыбнулась, и Яромир посветлел лицом, но, заметив в глазах любимой тщательно скрытую печаль, помрачнел, как небо по осени.

Малая палата встретила князя оглушительным ревом. Яромир остановился, потряс дланями. Лицо онемело в улыбке. Витязи, прибывшие с приглашенными князьями, славили гостеприимство Яромира. Ратьгой сердито отметил, что крикнули здравицу для приличия, тут же уткнувшись в подносы. Палата потонула в чавканье.

Князь вышел за учеником волхва во двор. Солнце яро ударило в глаза, и рука Яромира невольно дернулась к лицу. Во дворе под навесами пировали те, кому не хватило места в княжьих палатах, горожане.

Город второй день утопал в хмельном веселье. Несколько человек с уханьем катили пузатую бочку, под дальним навесом нетерпеливо кричали. Звучал женский смех, шлепки по мясистым задкам, фальшиво-оскорбленный писк.

Ратьгой вознегодовал, что простолюдины не обращают на князя внимания. Сидят, жрут!

Худой ученик просочился сквозь гомонящую толпу, как рыбешка через крупноячеистую сеть. Князь потолкался плечами с праздным человеком. Некоторые доверительно обнимали его, приглашали подсесть к ним. Яромир спешно отказывал и шел дальше, чтобы разъяренный воевода не размазал гуляку по стенкам.

Глава шестая

Вольга обосновался в укромном уголке детинца, поближе к источнику воды, надобной в чародейных нуждах. Возле небольшой избы было пусто – челядь и гости пугливо огибали обитель волхва.

За пару шагов до крыльца ученик остановился и посмотрел на князя с отсутствующим выражением:

– Вольга ожидает, князь, просил быть одному.

Яромир кивнул, слыша за плечом сердитое сопение воеводы. Воздух от выдоха воеводы насытился парами чеснока – муха пролетела сквозь темное марево, пала на землю безжизненным комком.

– Что за тайны, княже?

Яромир обернулся – насупленный вид воеводы едва не вызвал у него улыбку.

– Не яришь понапрасну, дядька. Пора забыть раздор с Вольгой.

Ратьгой потемнел, как грозовая туча, в глазах мелькнули злые сполохи. Ученик волхва испуганно попятился.

– Эт наше дело, не лезь, князь, – сказал воевода грубовато. – Ладно, ступай, но в случь чего я рядом.

Яромир с трудом остановил расползающиеся в улыбке губы.

– Хорошо, дядька Ратьгой, как изволишь.

Пошел – ступеньки крыльца отозвались легким скрипом, а сзади раздалось невнятное ворчание.

Из-за открытой двери пахло сладковатым тленом, терпким ароматом трав. Ноздри от резких запахов отчаянно зачесались, а в лицо бросилась прохладная волна: за окном кожа горела, а в дом волхва вошел – словно в Навь.

В середине комнаты располагался холодный очаг, обложенный камнем. Пепел в очаге застыл уродливыми буграми. Стены были увешаны оберегами, пучками трав, сушеными тушками зверей. Стол был завален рухлядью: лоскутами медвежьих шкур, волчьих и барсучьих, раскрашенными горшками с мутным варевом. Яромир осторожно втянул воздух и скривился от гадостного запаха.

Князь прикрыл дверь, взглядом обшарил пустую комнату – брови сдвинулись к переносице.

– Я тебе сколько раз говорил, бестолочь?!

Яромир повернул голову на приглушенный крик, прищурился: в полутемной комнате еле заметил дверь. Пальцами ухватил железную ручку в виде диковинного зверя – явилось нутро комнаты без окон, полное пыльных мешков, полки со свитками. Пламя плошки с жиром тускло отражалось на разбросанных амулетах, в уши ворвалась яростная речь волхва.

– Ты хоть знаешь, что спалил? – рыкнул Вольга люто. На миг сквозь челоуечьи черты лица проглянул волчий оскал.

Худенький парнишка, почти не отличимый от того, что привел князя, дрожал, будто в сечень вылез из проруби. Руки вытянул по швам, шею упрятал в плечи, глазами не мигал.

– Знаю, нечуй-ветер, – ответил ученик дрожащим голосом.

Рассерженный волхв махнул рукой. Яромир отпрянул от вспышки света, а стены содрогнулись от крика боли.

– Ай, больше не буду! – верещал ученик.

Ярость Вольги отбросила парнишку к стене – нерадивый скрючился и закрыл голову руками. Волхв сдержал вспышку ярости, продолжил холодным голосом:

– Знаешь, что нечуй-ветер остановит ветер на воде?

Ученик всхлипнул:

– Да.

– Коли есть эта трава, спасешь корабль от потопления, да и рыбу без неводов ловить сможешь. Как угораздило сжечь запасы? Теперь жди первого дня просинеца, лазай у берегов по снегу.

Испуганный ученик простонал с пола:

– Да я соберу до травиночки.

Вольга растянул губы, и клыки влажно блеснули.

– Бестолочь, – сказал он почти беззлобно, – лишь слепые от рождения могут собрать нечуй, им тогда в бельма словно ножом тычут. И не руками траву собирают, а пастью разверстой, чтобы сила не ушла. Где таких людей взять? Последний, чей сбор ты, болван, пустил прахом, поперхнулся снегом, застудил нутро и шагнул к звездному мосту.

Волхв с досады рыкнул. Князя от этого рыка пробрал холодок, а ученик едва не проломил пол в попытке провалиться сквозь землю. Вольга глянул в угол, где прислонил посох, сжал пальцы в кулак, но сменил гнев на милость, буркнул с тоской:

– Теперь придется торговать с Красиней, чтоб ему провалиться, жмоту острорылому!

Яромир осторожно кашлянул, внутри сжался в комок, напряжинил ноги, готовясь отпрыгнуть от огнешара. Волхв преобразился лицом – в комнате будто вспыхнуло второе солнце.

– Княже! Что стоишь, как сирота?

Яромир пожал плечами, взглядом невзначай скользнул по скрюченному ученику.

– Поднимайся, оболтус, – прикрикнул волхв с отеческой укоризной, – поклонись князю да выметайся на улицу.

Парнишка взлетел с пола, словно обладал крыльями, качнул вихрастой головой в поклоне. Князь посторонился, и ученик пролетел мимо смерчем. Вольга недовольно качнул головой, возвел очи горе. Яромир поморщился лицедейству и спросил грубовато:

– Чего хочешь сказать?

Волхв посерьезнел, глянул в первую комнату и понизил голос:

– Дурные вести, княже.

В нутре Яромира смерзлась градина, щека судорожно дернулась.

– Что такое? – спросил он сипло.

– Кромешники сказывают: к границам княжества Путяты стягивается орда степняков. Сплошь закаленные воины, как войска ясагов на Пепельном валу.

Волхв замолчал, озадаченный переменой лица князя. Из того будто кровь сцедили; складки на лбу глубокие, как борозды весенней пашни.

– Продолжай, чего замолк? – выдавил Яромир.

Волхв пожал плечами, в глазах мелькнул огонек.

– Покуда стягивают силы, ждут обозы, а где-то через неделку нападут.

– Ясно, – кивнул князь. Глаза его невидяще уставились в плоску жира с желтым языком пламени.

Вольга помедлил, начал осторожно:

– Не сегодня-завтра Путятя пришлет гонцов. Будем дружину собирать?

– Нет.

Вольга запнулся, седые кусты бровей поползли вверх.

– Откажем в помощи?

Яромир кивнул с мрачным лицом, взглядом прошелся по различным оберегам и амулетам.

Вольга молча ждал. Огонь в плоске с жиром трепетал, как сердце испуганного зайца.

Князь долго молчал, набрав в грудь воздуха. Выдох взметнул облачко пыли, оторвал корень пламени от горячего жира, и тот растаял в воздухе. В комнате потемнело; волхв с трудом различал бороду князя.

– Не у Путяты степняков остановим, большую рать не соберешь так быстро.

– В землях Твердыты?

– Нет, на нашей земле.

Волхв сердито пристукнул ногой, щелкнул пальцами – плошка запылала, как погребальный костер.

– И Твердыте не поможем? Почему думаешь, что до нас дойдут? Степняки больше одного набега не совершают.

– Тогда зачем им обозы? Война себя кормит, они знают, что идут в сытый край, но задерживают наступление до подхода обозов. Нет, Вольга, – вздохнул Яромир горестно, – у них цель – земли разорить, а наше княжество стереть с лица земли.

Волхв прислушался к словам. Чутье кудесника пыталось уловить, где князь творит лжу, но Яромир сказал правду, вернее, в сказанное верил. Вольга буркнул с сомнением:

– С чего взял? Опять друг весточку подал?

Князь серьезно кивнул. Волхв хрюкнул досадливо, и его лицо перекошилось, как от приступа зубной боли.

– Что за друг? Княже, по ночам балуешь колдовством?

– Нет.

Князь замолчал, давая понять, что больше о таинственном изветнике не скажет ничего. Волхв рассерженно сопел. Яромир обвел рукой полки с оберегами и травами.

– Тебе особый наказ: запасы побольше чародейных штук, пригодятся. А лучше меч-самосек найди, чтоб враз супостатов порубил.

Вольга хохотнул натужно:

– Может, Перуна призвать или Рода?

– А можешь? – спросил Яромир нарочито серьезно.

Волхв поперхнулся смехом и недобро блеснул глазами.

– Не шути, княже. Боги помогают тем, кто не сидит на печи. На своей земле сдюжим.

Волхв неожиданно замолчал и напряженно прислушался. Яромир обшарил взглядом стены, выглянул из кладовой, но никого не увидел.

– Ты чего?

Вольга поднял палец, наморщил лоб – тесьма исчезла в складках кожи. Князь озадаченно замолчал: ничего не слышно, кроме дыхания и треска пламени. Волхв потушил огонь, забрал посох и поволол князя из кладовой.

– Слышишь, княже? – спросил он посередине комнаты.

Яромир прислушался: сквозь бревна просачивался гомон пирующих во дворе, рядом сопел волхв... На грани слуха возник новый звук. Князь насторожился. Сердце екнуло, будто он услышал пение стрел.

Грозный звук нарастал.

– Что это?

Волхв открыл рот, но тут дверь с треском слетела с петель, грянулась о пол, и в проеме выросла фигура Ратьгоя. Воевода неприязненно мазнул взглядом волчью шкуру Вольги и сморщил нос. Кудесник ответил неприветливым взглядом.

– Что случилось? – спросил Яромир поспешно.

Ратьгой нехотя отлепил жгучий взгляд от волхва:

– Сам смотри, княже, хрень какая-то с восхода летит.

Князь быстро вышел во двор, сзади стучал посохом Вольга. От взгляда на восход в груди похолодело.

Небесный ситец стремительно темнел, пасмурные плиты мостили буревую дорогу, в воздухе запахло зимой. Волхв позади охнул, князь прищурился, двор загомонил испуганно. Свинцовые плиты прошила золотая нить, которая тянулась за огненным шаром.

Яромир оглядел потемневший мир. Из терема выбежали хмельные воины и остолбенело уставились на диво. Грянул гром, некоторые горожане попадали, зажимая уши. Ратьгой рядом с князем ругнулся и скривился от бормотания Вольги. Гром повторился – без вспышек молнии... словно рушился небесный свод... того и гляди, попадают глыбы хрустала.

От грохота заложило уши, и Яромир открыл рот. Полегчало. Гром повторялся и повторялся. Потрясенный князь осознал, что тучи молчат, а страшный голос произносит: «БОЮ БЫТЬ!!! БОЮ БЫТЬ!!!»

Князь оглянулся на волхва. Ошеломленный вид кудесника показал, что ничего хорошего ждать не приходится.

Огненный шар пронесся над головами: в пламенном облаке мелькнули гигантские крылья, почудилось женское лицо... Диковинная птица промчалась быстрее солнечного зайчика от зеркальца в проказливой руке, небо аккуратно посерединке разделила тлеющая нить. Слова стихли.

Князь проводил взглядом диво и схватил волхва за грудки. Вольга, как и остальные, пребывал в ступоре и уставил на князя полубезумные глаза.

– Что это было? – рявкнул Яромир.

– Га-гамаюн, – выдавил волхв трясущимися губами.

– Что за гагамаюн?

От возмущения Вольга пришел в себя.

– Гамаюн, княже! Вещая птица, посланница богов.

Яромир оглядел остолбенелый двор, сердито сплюнул.

– Ну, такое будущее мне известно, – сказал он тихо.

Губы волхва плясали от испуга.

– Ты не понимаешь, княже, – зашептал он, – если является Гамаюн, то дело плохо! Очень плохо! Пожалуй, придется поискать чудо-оружие.

Ратьгой встрепенулся: взглядом ошпарил Вольгу, на князя посмотрел вопросительно. Яромир отмахнулся:

– Потом, дядька, потом.

Воевода обиженно насупился, сплюнул под ноги волхву и загрохотал сапожищами по двору.

Люди постепенно оживали, чесали затылки. Двор наполнился испуганным гулом.

Яромир насупленно смотрел на волхва.

– Что за оружие?

– Свиток у меня есть один, – начал волхв, – зело интересен, очень древний...

– Вольга! – прорычал князь.

Волхв опомнился, деланно оперся на клюку, продолжил:

– К югу от нас, близко от булгар, Железные горы. Бают, что там запрятаны неисчислимые сокровища, а среди них и чудо-оружие, способное разом уничтожить огромное войско.

– Но добраться нелегко?

Волхв развел руками, огорченно вздохнул:

– А то. Да и сторожит всякая нежить, куда без нее?

– А как достать?

– Записано, что клад сокрыт в пасти зверя.

Князь нахмурился. Несколько людей обратились к нему, но Яромир отмахнулся:

– В пасти зверя?

– Что сие значит – неведомо.

Яромир крикнул досадливо. Его взгляд приковали свинцовые тучи, не желающие рассеиваться.

– Это недалеко от князя Вышатича?

Волхв кивнул, добавил осторожно:

– Стрый доберется туда не сегодня-завтра. Да и как услатить на неведомое дело, когда он тут позарез будет нужен?

Отдаленный звук грома пронесся над двором, ветерок взъерошил волосы, люди озадаченно примолкли.

– Надобно отослать гонца к Вышатичу, пусть на поиски отправится Лют с Буськой, а Стрый вертается.

Вольга сморщился, будто пожевал горсть волчьих ягод.

– Буська?

– Лучше побеспокойся о гонце, – отмахнулся князь. – Если можешь, то и остальным послам вели поторопиться.

Волхв развел руками:

– Княже, я не колдун. Одного курдуша сумею спеленать – ночью будет у Вышатича, – но не больше.

Небо на восходе было чернее угля, в складках туч блеснула молния, свинцовые глыбы озарил яркий сполох. Холодные струи ветра вмиг выбили тепло лета. Яромир клацнул зубами. В небе заворчало грозно.

Люди испуганно заголосили, потянулись со двора, на землю со звоном упала посуда, добрая снедь вывалилась в пыль. С влажным хрустом лопнула бочка олуя, с бульканьем вспенилась лужа, похолодевший воздух стал кислым.

– Что такое? – спросил князь Вольгу.

– После прилета Гамаюн приходит буря.

Яромир простонал:

– Город уцелеет?

Волхв поплевал на ладони, выпрямился – патлы повисли в воздухе белыми змеями, блеск в глазах не уступал грозным сполохам.

– Не бойсь, стороной поведу, может, заденет краешком.

– А?..

– Княже, ступай к гостям, – прервал Вольга напряженно. – Подготовь их к моему выступлению, мол, боги указывают на беду, вы, как гости, помогите отстоять дом и все такое. Наплети про долг, честь и мужество.

– Но-но! – возмутился Яромир.

Волхв повернулся лицом к буре. В ладони закрипел посох. На висках вздулись толстые жилы. В нескольких верстах в землю ударил слепящий ветвистый столб, брызнули дымящиеся комья, ветер донес грохот расколотого неба.

Молнии стали бить чаще. Люди оглохли от грома, такого же сильного, как в тот день, когда Перун молотил топором по башке Змея-Волоса.

Воздух скрутился в узел, гигантская воронка сорвала слой земли, размолочила в пыль. Почерневший жгут двинулся на город. Яромир с остановившимся сердцем наблюдал за воздуховоротом, потом взгляд его упал на фигуру волхва с раскинутыми руками.

Князь сжал кулаки, взглядом принялся буравить спину кудесника – волевым усилием попытался передать часть своей жизненной силы. Налетел визжащий порыв ветра. Яромира покатило по земле, как пустую бочку. Небо и земля поменялись местами. В локоть больно впился камушек...

Над головой раздался сердитый рык Ратьгоя – будто туча громыхнула. Кудесник подхватил князя под мышки, вздернул на ноги.

– ...растудить!!

Яромир промямлил:

– Как с князем разговариваешь?

Ответные слова заглушил хохот туч. Яромир глянул недовольно на воеводу и прикипел взглядом к воронке, облизывающей край городской стены. Ровный строй бревен смялся, взметнулись обломки с девственно-белыми изломами. Близстоящие дома содрогнулись, невидимая рука содрала крыши, плеснула на улицы дождем из соломин.

Люди спешно покидали дома, улицы были запружены... Толпа двигалась прочь от смерча.

Волхв захрипел, из последних сил выкрикнул что-то на зауми и завалился набок. Яромир метнулся к кудеснику, но его опередили. Жилистые руки подхватили обмякшее тело, как пушинку. Князь раскрыл рот – каравай залезет – и распахнутыми глазами смотрел на Ратьгоя.

Воевода, держа на руках Вольгу, провожал взглядом вихрь, миновавший город. Силы оставили воронку: распались невидимые скрепы, на землю хлынула пыль и мусор. Ратьгой встретился глазами с князем, скривился.

– Это ничего не значит, – буркнул он, направляясь к жилищу волхва.

Глава седьмая

Деревья расступились, лунный свет ударил ярко. На миг глазам, привыкшим к ночной тьме, стало больно. Лют запалил новый факел, отправив в кусты тлеющий огрызок. Сзади удивленно присвистнули.

– И куда мы выехали? – поинтересовался Буслай.

Лют остолбенело разглядывал деревню: неказистые дома спят, ставни закрыты, лишь из одного окна сочится свет. Деревня небольшая – с десятков домов на одной улице, общий колодец. Рядом с колодезным срубом – ветхая телега: передних колес нет, стоит косо, как щит, прислоненный к стене.

Лес кончился.

Цепочка отряда распалась на опушке, кони встали в ряд, из их ноздрей сочились туманные струи, как пар из-под крышки котла. Стрый оглянулся на лес: оттуда злорадно смотрели многочисленные огоньки. Вдруг раздался глумливый смех, и призрачные глаза растаяли. Отроки испуганно поежились.

Буслай переглянулся с Лютом, подбодрил соратника:

– Видать, и вправду в лесу тропы быстрые. Как быстро добрались до окраины!

– Мы не могли за полночи пересечь лес, – раздраженно ответил Лют. – Леший, что ли, кругом обошел? Что делать, воевода?

Стрый пожал плечами, облитыми железными кольцами:

– В дома стучать, узнавать, где оказались. Только осторожно, чтоб не приняли за упырей – выковыривай потом от кольев занозы.

Савка вытянул вперед чуть дрожащий палец:

– Вон в том доме вроде свет горит.

Ждан потер синее горло, кивнул – горит.

– Двинулись потихоньку, – сказал Стрый.

Кони понуро тронулись с места: за ночь животные устали, страшный лес вымотал силы, ноги едва не подламывались, лишь Гором шел как ни в чем не бывало.

Из леса донесся протяжный вой. Лошади взвились на дыбы, испуганное ржание огласило деревню. Ждан кубарем скатился с седла, затылком больно шмякнулся – в ночном небе прибавилось звезд.

Буслай с руганью натянул поводья, утихомирил скотину. Мельком взглянул на спокойного Горомы. Расспросить бы воеводу, где взял такое чудо, или оженить угольную громаду, может, приплод унаследует толику отцовской мощи. Правда, не мог вспомнить, чтобы Гором миловался с кобылами, будто и нет могучей стати.

Савка спрыгнул, помог Ждану подняться. Отроки не вернулись в седла и до дома шли пешком. Лют остановил коня возле гнутаго плетня: свет луны превратил ветки в сплетенные кости, горшок на жерди – в череп. Пригляделся к закрытым ставням, и точно – щели сочились желтоватым светом.

Стрый оглядел близстоящие дома, сказал хмуро:

– Крепко спят. Каждую ночь, что ли, у них так воют?

Лют добавил воеводе в тон:

– Собак нет – странно.

Буслай соскочил на землю. Савка подошел, взял поводья. Гридень обратился к спешившемуся Люту:

– Как думаешь, что это в лесу выло?

– Не знаю. Неспроста выли, будто звали кого-то.

Буслай сдержал дрожь. Руки привычно сомкнулись на топорище.

– Кто в хату пойдет? – спросил он у Стрыя.

Воевода улыбнулся. Жутковато отразился от зубов лунный свет.

– Еще не догадался? – удивился Стрый деланно.

Гридень вполголоса ругнулся и выхватил топор.

– Савку возьми, а мы тут на всякий случай постоим, – добавил воевода.

Отрок поспешно кивнул. В свете луны лицо его было белее муки, булава в руке тряслась. Буслай взглядом велел держаться сзади и открыл калитку. Противный скрип петель хлестнул ночной воздух словно бичом. Гридень стиснул зубы, черные ругательства уткнулись в крепкий частокол и осыпались в горло.

Мелкими шагами Буслай пошел к крыльцу, Савка двигался на три шага позади. Его льняная голова постоянно вертелась, древко булавки жалобно скрипело под судорожным хватом пальцев.

– Чего таитесь? – громыхнул воевода. – Если есть кто живой, давно проснулся.

Буслай игнорировал оклик и пару раз ругнулся. Савка услышал ругань и покраснел так, что кончики ушей задымились.

Гридень подошел к крыльцу. Стена дома скрыла ночное светило, и в грянувшей темноте он едва отыскивал дверь. В воздухе растаяли три стука. Буслай отступил, звеня кольчугой, расположил топор поперек груди, чтобы в случь чего...

Из-за двери раздался еле слышный голос:

– Входи, не заперто.

Буслай сглотнул ком, оглянулся на воеводу. Стрый насмешливо изломил бровь: мол, чего от меня хочешь? Да еще Лют, зараза, лыбится ехидно, его бы сюда... Савка глянул вопросительно.

– Держись сзади, – буркнул гридень.

Дверь со скрипом отворила нутро избы, освещенное лучинами: широкая лавка, рядом пустой стол, столешница покрыта многочисленными царапинами, по краю зарубки. Из правого угла на вход взглянуло устье печи, из вороха шкур и одеял наверху уставились глаза на бледном лице.

Буслай подозрительно уставился на худого хозяина избы. Да и как глядеть на гладко выбритого молодого человека? Хорошо хоть есть копна волос цвета потемневшей пшеницы, а то уличил бы ведьмака. Тот глянул насмешливо, взгляд ушел за спину Буслаю. Савка благовоспитанно поздоровался.

– И ты будь здоров, – кивнул хозяин.

Буслай, скрипя половицами, прошел в середину горницы. Оглядел углы, скривился при виде косм паутины.

– Запустил дом, хозяин.

Лежащий на печи молча кивнул. Буслай повертел в руках топор, опустил.

– Молчалив ты, – пробормотал гридень. – Он, – ткнул пальцем в сторону отрока, – зовет меня Буслаем, а я его – Савкой.

Хозяин разлепил бескровные губы:

– Меня Нежеланом кличут.

Гридень потоптался: захотелось сесть на лавку – нелепо стоять и вести беседу с лежащим. Но что-то его удержало. Савка почтительно молчал, ждал, что старший скажет. А Буслаю и сказать было нечего, брякнул невпопад:

– Чего не спишь, лучины палишь? Рарога, что ли, высиживаешь?

Савка представил, как по истечении девяти дней и ночей лопается яичная скорлупа и из-под... э-э... седалища мужика вырывается пламенная птица с хищным клювом, и усмехнулся. Лицо Нежелана осталось спокойным, глаза в свете лучины ярко блеснули. Улыбку отрока как ветром сдуло, и он невольно попятился.

Буслай взглядом успокоил Савку и обратился к Нежелану:

– Мы из леса вышли, не знаем, где оказались. Скажи, как называется деревня и где ближайший город?

Невозмутимое лицо исказилось удивлением. Нежелан приподнялся на локте:

– Из леса? Так вы не из Дубков?

– Каких еще Дубков?

Шкуры мягко зашуршали. Нежелан свесил босые ноги с печи, но спрыгнуть побоялся. Буслай напрягся, готовый к неожиданному.

– Как прошли через лес? – спросил Нежелан с жарким любопытством. – Туда почитай лет сто никто не ходил.

Буслай небрежно пожал плечами:

– Прошли, и все. Хоть нечисть пыталась пакостить, но не тронула, лишь ухала глумливо.

– С вами ведьмак?

Буслай чуть не выругался, но прикусил язык – не хватало, чтобы бранился при государыне-печи.

– Сказал бы тебе, да печь в избе, – процедил гридень. – Отродясь воины с ведьмаками не водились, наша защита – честная сталь, а не силы колдовские.

Нежелан промолчал, но огонек любопытства в его глазах разгорелся.

– А куда путь держали?

Савка ответил прежде, чем Буслай успел шикнуть:

– К князю Вышатичу.

Нежелан кивнул, и Буслай перевел дух: имя знакомо – значит, хотя бы в соседних землях находятся.

– До стольного града два дня пути.

Обманул вазила, подумал гридень. Напарил Люту, что будут через двое суток, а тут один день истратили на блуждание, осталось два.

– Спасибо, Нежелан, за ответ. Позволь заночевать, коней пристроить, а поутру мы тебя оставим.

Нежелан горько усмехнулся. Лицо приобрело такое выражение, что Буслай вскинул топор, а Савка – булаву.

– Теперь вижу, что вы чужеземцы. Но не злые, – усмехнулся хозяин.

– А ты кого ждал? – спросил Буслай настороженно. – Если не хочешь пускать ночевать, сделай милость, разбуди соседей, может, они дружелюбнее будут.

На лице Нежелана заиграла печальная улыбка.

– Не стоит, кольями забьют. Побоятся, что съедят, как других, – добавил он буднично.

Савка едва булаву не уронил – так колени задрожали. Буслай крепче стиснул топориче и процедил сквозь зубы:

– А кто людей ест, не ты? То-то у тебя свет горит.

Хозяин мотнул головой, спрыгнул с печи и босой прошлепал по половицам, скрипнул лавкой и локтями уткнулся в столешницу.

– Садитесь, гости нежданные.

Савка и Буслай осторожно присели на лавку. Нежелан повел речь:

– У нас люди стали пропадать по ночам. Вечером ляжет семья в полном сборе, а наутро одного недосчитаются. И ни звука, ни следа. Потом нашли разорванное пополам тело девочки. Взял страх. Коситься друг на друга начали, а староста смекнул, что упырь лютует.

Делать нечего – пошли на кладбище, взяли жеребенка. Ходили вокруг могил, ждали, что запрыгает коняга в стороны, заржет от страха, а мы эту могилку вскроем, вобьем кровопийце осиноый кол.

Савка спросил с затаенным дыханием:

– И что?

– А ничего. Ходит жеребенок спокойно, будто по заливному лугу, травинки с могил срывает, жрет.

Буслай спросил заинтересованно:

– А кто людей губит?

– Лет пять тому пришел к нам мужик с семьей да полгода назад обулся в плесницы. С той поры и стали пропадать люди, причем сперва из его семьи! Кто ж знал, что он колдун, а после смерти стал хлопотуном, по ночам сосет кровь, людьми живыми заедает. Когда вы пришли, подумал, что и мне выпал кон – вон как за стенами взвыло!

– Что ж ты, дурень, позвал, хотя думал на хлопотуна?! – изумился Буслай.

Нежелан усмехнулся горько. Тяжкий вздох качнул в углу космы паутины.

– Да чего от судьбы бежать? Из-за меня хлопотун пришел, так мне и ответ держать.

Буслай подумал, что не расслышал, и переспросил:

– Из-за тебя?

Нежелан кивнул:

– Да, соседи уже сняли обвязи боярышника на окнах и двери, чтоб меня сожрал и успокоился. Садитесь поудобнее, гости дорогие, сейчас расскажу. Времени хватит, пока хлопотун доест коней, а там, глядишь, успокоится, к нам ломиться не будет.

Буслай вскочил как ошпаренный:

– К Нию твои сказки! Там же...

Гридень заголошно взмахнул руками, как хозяйка на убежавшее молоко, и стремглав вылетел из дома. Хрустнула дверь, отлетела отброшенным щитом – Буслай прыжками помчался к соратникам.

После ярко освещенной комнаты он не сразу разглядел, что кони бросились врассыпную, а Ждана тащило по земле. Отрок напрасно пытался остановить обезумевшее животное, округу оглашало испуганное ржание. Лишь Гором стоял спокойно – Стрый в седле напряженно наблюдал схватку Люта с каким-то мужиком.

Супротивник появился из ниоткуда. Лют с воеводой и Жданом ожидали Буслая с отроком, уже забеспокоились: что так долго? Лошади первыми почували неладное, шарахнулись с диким ржанием, тут же объявился бледный как смерть мужик с рыжим пламенем в глазах.

Лют выхватил меч. Лезвие с костным стуком врубилось в руку мужика. Черные когти остановились в пяди от глаз. Гридень крикнул изумленно: отменная сталь увязла в мясе, хотя рука должна отлететь, как полено от удара колуном. Пахнуло гнилью.

Пришелец зашипел страшно и второй рукой нацелился в лицо. Лют, присев, выдернул меч из вязкой плоти, клинок со свистом подрубил мертвецкое колено. Мужик взвыл, взмахнул разорванными рукавами, и земля со стоном приняла его тело.

– Лют, берегись!

Гридень обернулся на крик Буслая и пропустил удар в грудь. Жалобно зазвенела кольчуга, ноги Люта без толку дернулись в воздухе, луна зависла перед глазами, в спину ударило.

Буслай мельком отметил, что Лют жив после падения, и перемахнул плетень. Топором вспорол ночной воздух – череп хлопотуна отозвался мерзким хрустом.

– Получай, тварь! – прошипел гридень с ненавистью.

Багрец в глазах мертвого колдуна притих, затем полыхнул ярче солнца. Буслай улетел дальше Люта, смахнув плетень. Горшок звонко разлетелся на мелкие черепки.

Хлопотун с топором в голове обратил взор на огромного воеводу. Стрый слез с коня, расправил могучие плечи. Оставив меч в ножнах, воевода молча смотрел на приближающегося колдуна.

Мертвец взвыл, черные когти нацелились в бороду могучана. Со злобным ржанием прыгнул конь и копытом, размером с блюдо, проломил мертвецу лобную кость. Хлопотун рухнул на землю и закрыл пылающие глаза.

Лют подковылял к труп, с раскачки вытащил топор. Буслай поднялся, коснулся пальцами груди и охнул от боли, потом замер в удивлении – под подушечками были не железные кольца, а порванная рубаха.

Стрый бухнул обеспокоенно:

– Берегись, Лют, чую, тварь жива.

Гридень едва успел отскочить – колдун поднялся со злобным воем.

Буслай с холодком в груди наблюдал, как мертвец теснил соратника к ветхой телеге у колодезного сруба. Кулаки гридня впустую сжимали воздух.

Лют отступил на пару шагов, замелькал мечом и топором – в стороны полетели лохмотья одежды колдуна, отчего запах гнили усилился. Хлопотун завыл, от его глаз в ночном воздухе повисли красные полосы, когти со скрежетом сталкивались с лезвиями.

Лют ударил страшно, накрест, оружие завязло в руках мертвеца, будто в корне столетнего дуба. Гридень дернул оружие на себя, но вытащить не успел. Мертвец ударил его в живот коленом. От острой судороги Лют разжал пальцы и полетел: ноги оторвались от земли, в ушах засвистел ветер. Хлипкая телега без передних колес с хрустом разлетелась мелкой щепой, а гридень застыл на ее месте бесформенной грудой.

Буслай вскрикнул – ярая кровь бросилась в голову – и с голыми руками бросился на хлопотуна. Стрый запоздало крикнул, но предостережение Буслай услышал уже в воздухе. Земля приветила его жестко, в глазах закрутилось звездное небо вперемешку с травой, и вращение гридня остановила бревенчатая стена.

Хлопотун засмеялся жутко, и рана на его черепе с хрустом срослась. Уставился на воеводу, рявкнул:

– Съем!

Стрый громыхнул неприязненно:

– Не поймавши, лебеда кушаешь.

Мертвяк ответил загробным смехом и гнусно ухмыльнулся. Потом вырвал оружие из предплечий и довольно ловко им взмахнул. Стрый шагнул под удар, пальцами оплеть запястье колдуна, а второй рукой схватил топориче.

– Отдай, не твое, – произнес воевода буднично.

Топор и меч легко перекочевали к воеводе. Хлопотун взвыл и ударил испытанным приемом. Кольчуга на животе Стрия звякнула, одновременно хрустнуло мертвецкое колено.

– Не шкодь! – произнес воевода ласково.

– Съем, съе-ем!!!

Воевода впечатал кулак в бледную челюсть, откуда полетели в траву осколки зубов. Колдун зашипел котом рассерженным и нацелился когтями в лицо. Воевода перехватил кисть одной рукой, а второй сломал черные ножи.

– А теперь – как ты.

Пинок подбросил мертвяка в воздух. Хлопотун промял землю, но ловко выскочил из ямы. Пламя в его глазах приутихло, на могучего смертного он глядел настороженно.

Буслай увидел, как шевельнулся Лют, и бросился на помощь. Хлопотун проводил глазами легкую добычу и синей лентой языка облизал губы. Но сперва надо было разделаться с великаном.

Лют с трудом, прижимая ладони к животу, поднялся. Буслай поддержал его заботливо.

– Что за напасть? – прохрипел Лют.

– Хозяин говорит, что хлопотун.

Лют, преодолевая боль, пошарил в разбитой телеге и выпрямился с обломком оси в руках:

– Стрый, это хлопотун.

Стрый молча пошел на колдуна. Тот, зачуяв неладное, метнулся в сторону. Уйти не дал железный хват пальцев на плече. Воевода отмахнулся от зажившей руки, поднял в воздух тело мертвяка, с хрустом сложил пополам – затылок уткнулся в пятки. Неприятно сломанное тело мелькнуло в воздухе и упало под ноги Люту. Гридень взмахнул тележной осью, и шея колдуна хрустнула.

Буслай посмотрел на сложенного хлопотуна, по сердцу царапнул страх.

– Он мертв? Дай-ка еще раз стукну.

Лют посмотрел в погасшие глаза мертвяка и покачал головой:

– Нельзя. От повторного удара оживет.

Буслай сплюнул:

– Вот гадость!

Стрый подошел вразвалочку, с усмешкой протянул меч и топор:

– Ваше?

Гридни, не поднимая глаз, забрали оружие. Воевода понимающе хохотнул. Стрый взглянул на освещенный проем двери с двумя фигурами:

– Савка, помоги Ждану лошадей поймать, пока его по кустам не затаскали.

Отрок на негнущихся ногах сбежал с крыльца, мельком глянул на хлопотуна – лицо стало белее снега. Ждан нашелся в кустах, руки его намертво вцепились в повод, рядом обеспокоенно фыркала лошадь. Савка поспешно перехватил узду – и в ухо лошадке полились ласковые слова.

Ждан шевельнулся в кустах и прохрипел измятым горлом:

– Спасибо, друг.

– Да ну тебя, – отмахнулся Савка. – С тобой ничё не стряется, а бедная животина умом тронется. Хватит валяться, остальных коней ловить надо.

Ждан изможденно простонал.

Стрый оглянулся на гридней: ошеломлены – особенно Лют, бывалый боец – но постепенно отходят от схватки. Воевода повернулся к хозяину:

– Здрав будь, мил человек. Хватит на крыльце стоять, подойди, не обидим.

Нежелан робко подошел к воеводе. Оно понятно – головой едва до груди достает, а вширь раза в три у2же. Бросил взгляд на сложенного хлопотуна, передернул худыми плечами и сказал робко:

– Благодарствую, восторжествовала Правда. Хоть и запоздало.

– Что сами не побили? – спросил воевода хмуро. – Аль не знаете, как надо?

Нежелан вздохнул. В его глазах блеснуло лунное серебро.

– Знать-то знали, да как к нему подойти? Вон и твои могутные воины не сладили, куда уж простой деревенщине.

– Ладно, – буркнул Стрый благодушно, – пошли в хату, утром дела доделаем.

Витязей услал на помощь отрокам, а сам подхватил под мышку хлопотуна. Нежелан засеменял за ним к дому.

Глава восьмая

В избе устраивались долго. Гридни охали при каждом движении, поэтому отроки подогрели воды для целебного отвара. Хозяин любезно дал берестяные ковшики. Стрый ехидно поглядывал на витязей, что процеживали питье, как ослы негодную воду. Отроки примостились на лавке, взгляды их притягивал сложенный в углу хлопотун.

Буслай допил отвар, осмотрел кольчугу и, увидев порванные кольца, выдохнул разочарованно:

– Крепок, скотина!

Лют кивнул с кислой миной.

Стрый глянул на лицо хозяина, странно безбородое, без намека на щетину. Если бы не брови, то можно было заподозрить в нем ведьмака.

– Прости, что беспокоим.

Хозяин отмахнулся, заговорил часто, как дробь ливня по крыше:

– Что вы, добрые люди, это я вам по гроб жизни обязан, да и селяне тоже. Благодарю, что от напасти спасли.

Он понурил голову и опустил уголки губ:

– Правда, мне от этого не легче. Не хлопотун, так селяне прибьют.

Стрый спросил с интересом:

– Почто так?

– Бедовик я. Беды постоянно притягиваю, а стоит кому оказаться рядом, так и к ним липнет горе. Деревенские уверены, что колдун из-за меня явился.

Воевода хмыкнул:

– Сам как думаешь?

Хозяин вздохнул горестно, махнул рукой.

Буслай выслушал болтовню бедовика, пригладил ладонью усы-подкову, пряча усмешку. Лют безучастно прикрыл глаза и мерно засопел. Ждан переглянулся с Савкой. В глазах отроков мелькнул страх, даже дыхание задержали: мало ли что вдохнут в бедовом жилище!

С мягким шорохом опустив на лавку железную рубашку, Буслай сладко повел плечами и спросил, давая зевоту:

– Хозяин, как тебя... Нежелан, найдется что постелить?

Бедовик истоиво закивал и кинулся в угол, к ларю. Крышка открылась с противным скрипом. Стрый сделал знак отрокам, и те с опаской помогли достать мягкие шкуры. После Ждан отправился за дверью, кое-как пристроил в проеме – осталась щелища в пол-ладони.

Нежелан хотел уступить печь воеводе, но могучан возлег на полу, заполнив полгорницы. Витязи улеглись на лавках, хозяин – на печи, отроки – неподалеку от Стрия.

Лучины гасли – в темноте слабо тлели красные огоньки не крупнее обрезка ногтя. Гости наполнили избу мерным сапом, лишь на печи беспокойно шуршали одеялами, да отроки, клацая зубами, вглядывались до рези в глазах в угол с мертвым хлопотуном и зажимали в кулаках обереги.

Грохот ударов в ставни прозвучал противно, гнусно. Благостная дрема исчезла, как наледь под потоком кипятка. Нежелан распахнул глаза, с испугом посмотрел на вооруженных людей, стоящих посреди избы.

– Отворяй, собака!

Нежелан ощутил твердый взгляд трех оружных мужчин, сполз с печи. Отроки воинственно сжимали дубинки, выдвинув челюсти до упора. В избе сумрачно, края окон про-

ткнуты бледными лучами, труп колдуна в углу похож на тюк тряпок. Отроки глянули на скрюченного хлопотуна, опустили руки и передернули плечами.

Стрый обратился к хозяину:

– Ты пойдешь первым или нам разогнать мужичье?

Нежелан вздохнул, мотнул головой:

– Не надо, а то кинутся с перепугу, а вы порубите.

Бедовик приоделся, проскрипел половицами и легким толчком опрокинул дверь. Нежелан шагнул на улицу.

Гомон стих на миг, бедовик поздоровался с «добрыми людьми», затем толпа взорвалась бранью:

– Хватай его!

– Бей душегуба!

– Прощка, иди домой!

В проем ворвался испуганный вскрик Нежелана, сочные хряски дреколя по телу. Толпа приветила боль криками радости.

– Он приютил нас, надо помочь, – сказал Лют встревоженно.

Буслай заметил ехидно:

– А хлопотуна кто приголубил?

– Он на нас напал, себя защищали, не его, – возразил Лют.

Стрый сказал командным тоном:

– Лют, Буслай.

Гридни отложили оружие, отроки со вздохами разочарования расстались с булавами и подались вслед за витязями к двери.

Деревенщина не сразу заметила пришлых. Сперва они не обращали внимания на падающих, неотрывно глядя на окровавленное лицо Нежелана. Затем вместо беспомощного бедовика появился бородач с дубинкой, лихо швыряющий мужиков, ему ловко помогал муж с усами подковой.

Толпа на миг опешила, попятилась, опустила колья.

– Кто вы? – спросили самые сообразительные.

Пока гридни думали, как ответить половчее, селянин с разбитым носом поднялся с земли и яростно высморкался красными соплями. Налитыми кровью глазами он с ненавистью пробуравил пришлых:

– Что стоите, дурни? Ублюдок вызвал подмогу из Пекла! Бей их!

Толпа в едином порыве бросилась на чужаков, с протяжным свистом рассекая воздух кольями. Гридни завертелись, как белки у ограбленных медведем кладовых, ныряли под удары, булавами отшибали колья, впечатывали их в оскаленные хари.

Захлопали крыльями ранние птицы, напуганные стонами, ругательствами, жутковатым хряском дерева о плоть. Мужичье отлетало с воплями, в воздухе дробились красные капли, зубы в тусклой пелене рассвета разлетались комками серой соли.

Гридням тоже досталось: рубашка на плече Люта порвана, кожа в прорехе нездорово побাগровела, Буслай тряс ушибленной кистью.

Натиск толпы ослаб. Многие сплевывали в траву темные сгустки, обломки зубов, шатаясь, уходили прочь от схватки.

К уходившим подлетали супружницы с белыми лицами, кудахтали, как куры, и тащили мужей к домам. Но местный заводила раззявил щербатый рот и воспламенил угасший было боевой дух:

– Тащи вилы, щас нечистые попляшут!

Лют буркнул обиженно:

– На себя посмотри, чумазый!

Откуда ни возьмись в руках мужиков оказались вилы, топоры. Колья отбросили, в глазах появилась жажда крови. Гридни переглянулись: придется разить насмерть.

Стрый со вздохом покинул наблюдательный пост у порога Нежелановой избы. Ступеньки под весом могучана пронзительно скрипнули.

– Косорукие, – пробормотал воевода, – даже с мужичьем справиться не могут.

По деревне прокатился грозный раскатистый рык, и озверелая толпа испуганно смолкла. Кто-то выронил оружие, кому-то обух сплющил пальцы, но тот даже не охнул. Умолкли звуки: петухи, готовые заорать извечное, порскнули за курятники, притаились в бурьяне; смолкли бабы; лишь в дальней избе раздался детский плач.

– А ну стой! – повторил Стрый тише. – Бросай дрыны, будем говорить.

Топорища и черенки глухо попадали на землю. Мужики почесали затылки, переглянулись. Старший, детина с окровавленной бородой, спросил несмело:

– Ты кто будешь, боярин?

Стрый подошел к гридням. За спинами коленапреклоненный бедовик ладонью размазывал юшку по безбородому лицу. Могучан глянул на притихшую толпу:

– Я воевода, мил человек, из соседнего княжества.

Мужики зашептались взволнованно. Лют брезгливо поморщился: деревенские и знать не знали о соседнем княжестве; наверное, кроме деревни, и жилых мест не ведали; мир для них – улица с десятком домов, стена леса да огороды.

Староста хлопнул носом, оглянулся на соседей, будто почерпнул сил для разговора, и продолжил более уверенно:

– А почто людей другого князя бьешь? Так нельзя.

Кустистые заросли на лице воеводы раздвинулись, даже в неярком свете зари зубы блеснули хищно, пугающе. Толпа невольно подалась назад.

– Вас не тронул и пальцем, неча возводить напраслину. А ты почему чинишь произвол, людей подбиваешь на убийство?

Староста не смутился, наоборот: глаза полыхнули радостно, плечи раздались в стороны, – и он заговорил с осознанием правоты:

– Дык как не прибить гадину, что несчастья приваживает? От него одни беды: неурожай, засуха, морозы трескучие, да еще хлопотуна навел. Мы ночью едва со страха не померли, так выл, вражина! Диво, что никого не заграбастал.

Стрый улыбнулся довольно и махнул отрокам. Те с неохотой принесли на дрожащих руках хлопотуна. Сложенное тело бухнулось оземь оскаленным лицом кверху.

Селяне ахнули в голос, бабы испарились с улицы, по деревне прокатился перестук закрываемых дверей и ставень. Староста побледнел. По его горлу прошел комок, застрял в середине, нехотя канул вниз.

– Э-э...х-ма...

Стрый кивнул:

– А то как же. Теперь спите спокойно.

Староста быстро пришел в себя – не зря руководил деревней, природная смекалка у него восполняла умственные недостатки.

– Звенько, Будан, тащите дрова, запалим подлюгу!

За дровами отправились почти все, лишь самые храбрые остались со старостой, рядом со страшноватыми чужаками. Кабы не оказались эти чужаки страшнее мертвого колдуна...

Воевода без труда прочел нехитрые мысли мужиков, про себя хмыкнул, а вслух сказал серьезно:

– Едем через ваши земли мирно, с посольством. Сейчас умоемся и дальше поедем.

Буслай, потирая ушиб, сказал из-за спины негромко:

– Можно и без полоскания обойтись. Мне лучше сразу уехать, а то не утерплю – найду ту сволочь, пересчитаю ребра.

Староста кивнул воеводе, потоптался на месте – сказать нечего, так бы и паялился, но Стрый повернулся, махнул отрокам и гридням и вальяжно затопал в избу. Лют поднял избытого бедовика, Савка с готовностью подхватил его с другой стороны. За Нежеланом оставалась цепочка густых капель. Словно стеклянные бусины сорвались с нитки, улеглись в дворовой пыли.

Буслай наказал Ждану:

– Проверь коней, кабы не попортили, морды лесные.

Отрок умчался с поручением. Гридень зло поводит налитыми кровью глазами по ожившей деревне и скрылся в избе.

Деревенские быстро натаскали дров – куча в человеческий рост возвысилась у окраины. Несколько смельчаков палками закатали труп в дерюгу и понесли на вытянутых руках. Морды красные – лишний раз вдохнуть бояться.

Стрый в полном облачении с порога смотрел, как дерево сочно и густо задымилось. Хлопотун скрылся под зыбким саваном. Красные языки, будто перья лука, помалу пробивали белесый покров. Вскоре с яростным ревом среди горящих дров вспыхнул оранжевый шар. Деревенские разразились криками радости. Воевода обернулся, спросил буднично:

– Готовы?

Буслай молча вышел – в руке походный мешок, ладонь на топорнице. Савка семенил следом. Лют отвел взгляд от помятого Нежелана, сказал с сомнением:

– Может, с собой возьмем? Его все одно забьют.

Стрый осмотрел расквашенное лицо бедовика и пожал плечами:

– Забьют – сказал верно. Народец тут мелочный, даже спасибо не сказали, аспиды. Насчет него сам решай.

– Мы – воины, наш долг защищать слабых, тем более обвиненных облыжно. Придумают ведь такое – бедовик. – Лют фыркнул презрительно. – Больше не на кого беды списать.

– Добро, берем с собой, если восхочет. Оставим в ближайшем селе. С вьючной лошади уберу мешок с поклажей, ко мне прицепи, пуцай покатается.

Стрый гулко хохотнул и вышел во двор. Нежелан посмотрел на Люта и криво улыбнулся разбитыми губами:

– Спасибо, добрый человек. Только я и впрямь приношу несчастье.

Витязь отмахнулся:

– Бабы сказки!

Взгляд Люта упал на доску с зарубками, и его брови взлетели на край лба. Нежелан воззрился с недоумением на поперхнувшегося возгласом гридня:

– Тут счет дней?

Бедовик подивился вопросу, но кивнул:

– Неточный, вчера зарубку сделать забыл.

Лют выругался, припечатал ладонь кулаком:

– Два дня блудили по лесу! А показалось меньше ночи. Э-эх!

Расстроенный витязь махнул рукой и поторопил Нежелана. Бедовик похватал скудные пожитки, у порога обернулся и, поклонившись в пояс дому, со вздохом сожаления покинул жилище навсегда.

Буслай с высоты седла глянул удивленно на бедовика и изломил ехидно бровь:

– Обузы нам не хватало, мы вроде спешим?

Нежелан выслушал это с горькой обидой.

Савка помог бедовому забраться на смирную кобылу. Нежелан заерзал на конской спине: седла нет, но если галопом мчаться не будут – удержится.

Лют скороговоркой поведал воеводе о потерянном времени. Стрый нахмурился, прикрикнул на Буслая, невесть с чего ополченного на нежданного попутчика. Конь воеводы – угольная громада с тлеющими глазами – проломил землю острым копытом и тронулся, оставляя цепь рваных ям.

Жители деревни оставили пляски у снопа огня и с облегчением смотрели вслед пришлым, увозящим источник бед. Смотрели молча – спугнуть нежданное счастье боялись.

Отряд проехал с полверсты от деревни. Лют обернулся и скривил губы: застилая молодое солнце, в небо бил столб дыма, перевитый черными лентами. Изба Нежелана занялась неохотно.

Глава девятая

Кони остановились на вершине холма, раздувая бока, как дудошник щеки. Стольный град Вышатича пристроился в низине, окруженный светлыми квадратами хлебных полей. Солнце превратило соломенные крыши весей в слитки золота. Путникам издали показалось, что ров, опоясавший город, залит стеклом – лучами полуденного солнца играла вода. Казалось, что дома из лучин сложены. Чудилось, что поместишь город на ладонь, и хватит места приютить на кончиках пальцев изумрудную стену леса.

– Красиво! – протянул Лют восхищенно. – Почти как наш Кременчуг. Глаз радуется. Дивно, что человечьи руки сподобились на такое.

Стрый хмыкнул в бороду:

– Говорят, по весне здесь кажется, что попал в ирий.

Буслай буркнул кисло:

– Град как град. Чего ахаете, словно девки на базаре? Поехали, страсть хочу в корчму. – И тронулся первым, бросив на подобранного оборвыша хмурый взгляд. Нежелан съезжился, упрятав голову в плечи, и внимательно рассматривал зыбь сочной травы.

Отроки переглянулись. Лица их от уха до уха прорезали ухмылки: бедового пытались сбегать в первом селе, во втором и в третьем. Но старосты мельком глядели на опухшую и посиневшую рожу безбородого парня, смущенно кашляли и разводили руками. И Нежелан продолжал путь с воинами. Условились оставить в городе, авось, приживется.

Нежелан пытался помочь с уходом за конями, справлялся неумело, но старался. Правда, потом недосчитались гребня, да повод неожиданно лопнул в руках Буслая – гридень едва не распластался на земле и больше бедовику коня не доверял, только поглядывал искоса. Мелкие пропажи, что постигли отряд, гридень приписывал попутчику.

Нежелан и не отрицал, но Буслай не очень-то и слушал. А после того как бедовик ненароком опрокинул котел с похлебкой на штаны гридня, тот перестал якшаться, лишь прожигал взглядом, будто хотел утыкать бедовика дырами, как злобная мышь мешок зерна.

Крестьяне в поле отрывались ненадолго от забот, провожали путников любопытными взглядами. Стрый кивал приветственно и получал в ответ поклоны.

К городу неспешно тянулись торговые поезда, отряд влился в вереницу повозок. Воевода завязал беседу с пожилым горшечником, а гридни скучающе смотрели по сторонам.

Нежелан с завистью прислушивался к беседе Савки и Ждана. Отроки обсуждали чужеземный град, уговаривались о враках, коими попотчуют дружков по возвращению.

Стражи у ворот лениво поглядывали на торговцев, хмуро смотрели на мытаря, что с брезгливым лицом осматривал повозки, назначал цену, ругался, спорил до хрипоты, но законное получал – вместе с такими словами, что любой пергамент сторит, ежели кто осмелится написать. Правда, говорят втихомолку: мытари народ обидчивый, чуть что – пожалуются стражнику, а тот влепит тупым концом копья меж лопаток.

Завидев огромного всадника, похожего на ожившую гору, на угольно-черном коне небывалых размеров, стражи встrepенулись, подобрались. Воеводу внимательно прощупали шесть пар глаз. Взгляды застыли на исполинском мече, нехотя отлепились от него с почти слышимым чмоком. Гридням же достался прежний скучающий взгляд. На отроков и Нежелана вовсе не глянули.

Мытарь утер пот со лба, тряхнул кистью – на землю, мощенную досками, плюхнулись мутные капли. Вдруг ярое светило померкло, и на лицо упала благодатная тень. Сборщик задрал голову, сощуренные глаза уставились на приезжего.

– Опять приперся, Стрый, – сказал мытарь со вздохом. – Что на этот раз?

– Здравствуй, Несмеян, – ответил воевода. – Я с посольством, к князю.

Мытарь кивнул и сжал губы.

– А потом? Опять полгорода разнесешь?

Гридни удивленно воззрились на смущенного воеводу.

– Что ты, забыть не можешь? Когда это было, я с той поры поседел, не помню ничего... почти.

Несмеян хмыкнул:

– Зато я помню! Каждый день у ворот стоять на солнцепеке, в морозы и слякоть, вместо того чтобы быть княжьим постельничим, – и хочешь, но не забудешь.

Стрый засопел смущенно и с нарочитым любопытством уставился в проем ворот, на мостовую, запруженную людом. Мытарь махнул рукой, сплюнул под ноги Горому. Конь всхрапнул оскорбленно, в глазах разгорелось рыжее пламя.

– Проезжай, с вас три серебряные монеты да шесть медяков.

Стрый возмутился:

– Почто так дорого?

Несмеян пожал плечами:

– На всякий случай.

Могучан отсчитал пошлину за въезд и с достоинством проехал через ворота. Буслай стегнул злобным взглядом наглеца-мытаря, что посмел дерзить воеводе-батюшке, и невзначай направил коня в его сторону. Несмеян отскочил с проклятьями, но стражу не кликнул. А вместо того с утроенной яростью набросился на горшечника: руку сунул в повозку – горшки жалобно задребезжали, один перевалился через борт, и доски усеяли черепки. Лют оглянулся на крики – ему тоже захотелось проучить мытаря, – но стиснул зубы и отвернулся.

Горожане тарасили глаза на Стрия. Женщины останавливались, жадно смотрели ему вслед, а затем, сблизив головы, что-то обсуждали со звонким смехом. Мужчины косились ревниво, невзначай напрягали мускулы, выпячивали грудь, но статному воеводе явно проигрывали. Женатые поспешно сворачивали с супружницами в переулки, одиночки бессильно скрежетали зубами. Лишь когда статный, похожий на башню, воевода пропал из виду, все облегченно вздохнули.

Стрый скалился, кому-то приветственно махал мускулистой дланью. Витязи с отроками ехали следом, чувствуя себя теньями.

Воевода свернул на шумную улицу: из домов доносился металлический лязг, над крышами вился дым, из дверей вырывались полуголые люди, чумазы, тела от пота блестят.

Чуть погода появились лавки с оружием, здесь обитали люди постепеннее: ходили от прилавка к прилавку, продавцы втискивали в руки отточенную сталь. Горожане цокали, как сердитые белки, шли дальше.

Стрый ткнул пальцем в потрепанную вывеску:

– Здесь кольчугу починишь, мастер хороший, берет недорого.

Буслай пригляделся, кивнул, воевода продолжил:

– Сейчас устройтесь в корчме, а я к Вышатичу.

Лют буркнул недовольно:

– Зачем тащились, если ты будешь говорить с князем наедине?

– Для числа понадобится, когда Вышатич передаст ответную грамоту. Яромир вас послал, чтоб старика охраняли, в обиду не дали.

Стрый захохотал довольно, запрокидывая голову, подставляя солнечным лучам красный зев, обрамленный белоснежным частоколом. Глянул на кислые лица гридней и захохотал еще пуще.

Витязи переглянулись, одновременно вздохнули и покачали головами.

Отряд миновал оружейную улицу. Воевода завернул во двор корчмы, высокой, аж в два яруса, и нехотя буркнул:

– Располагайтесь. Комнат снимите на всякий случай три, я, может, у князя засиживаться не стану. Не шалите, – добавил он и снова захохотал так, что из окон высунулись любопытные морды постояльцев, а лица гридней пошли морщинами, как у замшелых дедов.

Гором звонко стукнул копытом, и воевода покинул постоялый двор. Гридни глянули вслед и прыгнули наземь. Их ноздри жадно растопырились, ловя запахи съестного. Не глядя, гридни отдали поводья отрокам и шагнули в дверной проем, огороженный заляпанной занавесью.

Нежелан неуклюже спешился, свалив потник в пыль. Отроки хохотнули и потащили коней. Животные раздули ноздри и потянули головы к поилке, полной прозрачной и холодной воды, не понимая, почему нельзя жадно припасть к питью, вместо нарезания бессмысленных кругов по двору.

– Нежелан, – сказал Савка, – пригляди за мешками, чтоб не сперли, а кобылу сюда давай.

Местный мальчишка-конюх глянул обиженно – на кой ему пыльные мешки – и фыркнул оскорбленно, не отличишь от лошади...

Гул в корчме на миг утих, десятки любопытных глаз обшарили двух мужчин, затем тишина наполнилась речью, чавканьем, звоном посуды.

Лют оглядел посетителей: городских хватает, но еще больше звероватого вида дядей, с поясными ножами в локоть, кое у кого мечи пристроены на лавке под рукой, чтоб случь чего удобнее было рубануть.

Посетители отвечали свирепыми взглядами. Корчма пропиталась крепким мужским потом. Воздух был густой от запахов снеди – идешь, будто через воду, – и витал в нем неуловимый запах удали, озорства, безудержного лихачества. Понятно, почему Стрый частенько отправлялся в земли Вышатича по всяким надобностям.

Корчмарь, грузный мужчина, с мясистым лицом и грязными метелками усов, протер руки о фартук и уставился на посетителей выжидательно.

Буслай, отвергая старшинство, заговорил первым:

– Поесть бы, попить бы.

– Заплатить бы, – сказал хозяин в тон.

Лют поморщился, а Буслай недовольно хрюкнул, отстраненный соратником от греха подальше.

– Заплатить чем найдется, – сказал Лют, и на его ладони блеснули серебряные кругляши. – Любезный, уважь доброй едой и дай на постой три комнаты.

Монеты переместились в потную ладонь. Корчмарь ссыпал их со звоном в карман передника и кивнул на свободный стол:

– Щ-щас все будет.

Потертая лавка, отполированная сотнями безвестных задов, прогнулась под гриднями – сели рядом, лицом к двери. Лют отцепил от пояса ножны, чтобы не мешали, и пристроил их поудобнее, под десницу. Буслай положил топор поперек колен, локти уткнулись в столешницу с обколотыми краями и испещренную зарубками.

Лют глянул мельком на едоков, цепко ухватил количество мечей, топориков и прочего оружия и покачал головой. В княжестве Вышатича нравы оказались буйные, город был полон оружных, мечи носили не только дружинные, а... не поймешь кто: обнищавший купец или того хуже – наемник. В Кременчуге свободное ношение оружия дозволялось дружинным, остальные довольствовались ножами в ладонь, в городе больше не надо. А тут...

На Люта уставился детина с разбойничьей рожей: пропеченное солнцем лицо обрамляла нечесаная борода, полная сора и залитая пивом, на виске пузырился шрам. Одет он в выделанную шкуру без рукавов. Его жилистые руки лежали бревнами на столе, в правой –

нож с куском мяса на острие. Взгляд его был пристальный, тяжелый, будто детина повстречал человека, насильничавшего его сестру.

Лют встретил взгляд спокойно. Верзила цокнул, выковырял пальцем из желтых зубов кусок мяса. Затем отвел взгляд от гридня, с ленцой разглядывая ошметок.

Буслай заметил погляделки, шумно засопел:

– Чего ему надо?

Лют отмахнулся:

– Драки, чего еще? Давно в корчме не был?

– Наши не такие.

– Да, у нас скучно, – согласился Лют.

Вместо юной розовощекой подавальщицы, которую гридни привыкли видеть в Кременчуге, у стола возникла угрюмая бабища в неопрятной одежде. Буслай скривился и глянул с надеждой: может, если отмыть, она будет и ничего? Но колючая поросль на женском подбородке надежду убила.

По столешнице небрежно прошла грязная тряпка, доски заблестели жирно, в носсах гридней засвербело от резкого запаха. Бухнув обгрызенный поднос на стол, баба перетасила парующие плоски. Похлебка перехлестнула через края, и Лют еле успел спасти штаны от жирного пятна.

Буслай наклонился над чашкой и принялся подозрительно.

– А хлеб?

– Щ-щас будет.

Подавальщица двинулась через зал ко входу в кухню, собирая грязную посуду со встречных столов на поднос. За угрюмой бабищей осталась цепочка объедков, жирных капель. Буслай проводил необъятную корму брезгливым взглядом и пожаловался Люту:

– Что они, других слов не знают? Куда нас Стрый привел? Какой-то гадюшник.

Лют ответил с кислой миной:

– Ты в дороге хохмил – он здесь решил пошутить.

Гридни лениво похлебали жирное варево и одновременно отложили ложки. Плоски прошуршали дном, отъезжая на середину стола.

Гул в корчме смолк, когда на пороге возникли отроки с поклажей, из-за спин которых робко выглядывал Нежелан. Лют вяло махнул рукой, и троица осторожно пошла, недоуменно оглядываясь.

– Как-то тут... грязно, – сказал Савка шепотом, опустившись на лавку.

Буслай пожал плечами, на его лице написано презрение к мелким неудобствам. Савка устыдился своей нежности и запунцовел щеками, затем и голову склонил под злорадным взором Ждана – тому-то на чистоту наплевать.

У стола объявился хозяин и растянул губы в подобие улыбки. Лют за прибывших распорядился, что подать.

– Пока готовится, займите комнаты, – сказал он отрокам. – Хозяин, покажи хоромы.

Корчмарь кликнул помощника. Вместе с отроками на второй поверх ушел и Нежелан.

Отроки еще размещались в покоях, а стол уже запаровал блюдами со снедью. Буслай шумно сглотнул слюну, пальцами разорвал жареного гуся и половину засунул в пасть. Затрещали кости.

Лют поспешно ухватился за бараний бок с кашей. От тягучих ароматов в голове помутилось, кишки буйно танцевали. Пожар в глотках тушили молодым кисловатым вином. Пили жадно – ворота рубах потяжелели темными пятнами – и набрасывались на говядину, приправленную острыми травами, разжигающими в крови огонь.

Когда отроки спустились к разоренному столу, гридни вяло доедали молочного поросенка, ковыряясь в зубах. Их ладони поглаживали раздутые животы.

– Кхе... – только и вымолвил Ждан.

Гридни ответили невинными взглядами. Хозяин будто пророс из немывтого пола: согнут в почтительном поклоне, на воинов посматривает с уважением. Лют отсыпал в подставленную ладонь горсть монет и приказал подать еще еды и питья. Корчмарь исчез, звякнув полным карманом.

Савка схватил кувшин, потряс и посветлел лицом.

– Эй, и мне оставь! – спохватился Ждан, но вырвал посуду уже пустую.

Буслай лениво хмыкнул и нехотя поднялся:

– Пойду к оружейнику. Может, развеюсь. Что-то княжье поручение оказалось скучновато, дорога была куда интересней.

– Не забудь, завтра в обратный путь, – напутствовал Лют.

Буслай поморщился:

– Что ты со мной, как с маленьким? Расслабься! Вечно хмурый, шутки сроду не сказал.

Лют мог ответить, что с героем Пепельного вала так разговаривать не след и он не скоморох, чтобы зубоскалить, но промолчал.

Буслай забрал порванную кольчугу, вышел в залитый ярим солнцем двор и неспешно затопал по мостовой.

Лют остался присматривать за юнцами. Взгляд его упал на бедовика, в груди ворохнулось сочувствие.

– Вот и пришло время расставаться, Нежелан.

Бедовик вздрогнул; куриная лапка в руке застыла у губ; опухшее от побоев лицо потемнело. Савка глянул и прервал шумное чавканье невнятной речью:

– Что, непутевый, не хочется быть одному? То-то.

Лют посмотрел с укором. Ждан надолго прилепился к кувшину, потом отставил его нетвердой рукой и предложил добродушно:

– Может, с собой тебя взять? Стрыю будешь прислуживать.

В глазах Нежелана вспыхнула такая надежда, что воин даже смутился и хмуро поглядел на языкастого отрока.

– Не можем, – сказал Лют твердо.

Бедовик кивнул горестно:

– И правильно. Я приношу беды. Негоже худом оплачивать спасителю.

Лют поморщился, обозрел зал с постепенно хмелеющим народом, хозяина, с жадной улыбкой считающего деньги, и посмотрел в глаза нежданного попутчика:

– Перестань, такого быть не может.

– Но в деревне приносил несчастья, – возразил Нежелан.

– Да ты жил в других местах? Нет? То-то. Деревенские нашли на кого спихнуть вину, а ты и поверил.

Нежелан понурил голову. Он был не согласен, но покорно молчал. Отроки с ухмылками переглянулись, одновременно перемальвая зубами птичьи кости и выплевывая на стол огрызки с маковое зернышко.

Со двора донесся хохот дюжих мужей. Вскоре корчма загрохотала под сапогами ватаги закопченных солнцем молодцев. Лют мельком окинул пояса прибывших, украшенные широкой узорчатой бляхой – переверни такую и пей, как из ковша. В кожаных ножнах ютились ножи в две пяди длиной.

Мужик с разбойничьей рожей, что пялился на гридня неприязненно, встал со скамьи и замахал рукой прибывшим. Вошедшие приблизились к нему, и корчма наполнилась сочными шлепками по спинам и звуками рукопожатий. Смех грянул с удвоенной силой. От мужчин разлило крепким потом – по залу поплыли незримые волны животной ярости.

Посетители разом заторопились, некоторые оставляли недоеденные блюда. Хозяин едва успевал подставлять ладонь под монеты. Остались, наверно, самые крепкие, чья мощь не уступала разбойничьей ватаге, да пьяные, которым бояться нечем.

Лют неспешно сместил взгляд, но успел заметить злорадство в глазах бородатого, тот аж грудь выпятил и вздул жилы на оголенных руках, но отвлекся от созерцания гридня, когда похожий на него дядя припечатал ладонью его спину так, что из бороды сор выпал.

К компании, занявшей два стола, подошла угрюмая подавальщица и молча выслушала пожелания. Лют понял, почему здесь не было красивых девушек, – с такими посетителями лучше общаться бородатым женщинам.

Гридень поторопил отроков, но те будто три месяца с голоду пухли – ели так, что за ушами трещало, давились. Морды красные, глаза выпучены. Подавальщица едва успевала приносить кувшины кваса взамен пустых. Нежелан ел мало, клевал, как мелкая птичка; на лице его застыло горестное выражение, от предстоящего одиночества в глазах поселился страх.

Лют старался пореже смотреть на бедовика – что-то царапало ему сердце, как будто он бросает беспомощного старика в лесу. Добро бы в голодную зиму, а не в сытое лето. Но не брать же с собой! Стрию отрок без надобности, Савка со Жданом без подмоги управятся, на что лишний рот?

Думы развеял хриплый, пропитый голос:

– Гляди, какие бусы у девки, да еще мечом обзавелась.

Говорил тот самый бородач, успевший снова запачкать бороду недожеванным мясом. Пристальный взгляд, направленный на Люта, не оставлял сомнений, о ком шла речь.

Гридень машинально коснулся серебряной гривны – подвыпившие гуляки разразились лошадиным ржанием. Гулко попадали чарки с хмельным медом, по столу прошла пахучая волна, низринулась на пол бусинами.

Отроки оторвались от еды и нарочито грозно повернулись к зубоскалам. Посмотрели немного и не спеша обернулись: уверенность сдуло с лиц, как пивную пену, косились на стены растерянно. Лют повел ладонью успокаивающе, лицо его было полно спокойствия.

Гуляки продолжали состязаться в остроумии. От насмешек у отроков вскипела кровь, и они готовы были броситься на обидчиков. Но Лют удерживал их на месте строгим взглядом. Скоро слова кончились, пиво и вино заплели языки, и под потолком забились пьяная песня.

Савка бросил на Люта непонимающий взгляд: почему доблестный воин не заткнет хулителей? Буслай бы давно топором порубил! И в глазах Ждана появилось разочарование, он даже устыдился, что подражал манерам Люта.

Гридень глянул на отроков – без труда прочел их нехитрые мысли, – с виду не изменился, лишь веки чуть дрогнули.

– Поели? Ступайте.

Отроки молча встали, ладонями бережно поддерживая вздутые животы. Еле взобрались по лестнице на второй ярус. Нежелан остался в зале, демонстрируя неподдельный интерес к еде.

Лют встал – Нежелан кивнул на его просьбу присмотреть за мечом. Корчмарь, орудующий лапой в кармане передника, посмотрел выжидательно. Принял монеты с достоинством, поинтересовался: не желает ли воин чего-нибудь еще?

– Нет, благодарю. Пришли в комнаты пирогов да квасу.

– Щ-щас будет, – ответил корчмарь местной присказкой.

Лют прошел мимо столов, занятых гуляющей ватагой. Не понять, чем они занимаются и на какие пьют? Корчмарь поглядывал на них брезгливо, но без тревоги, и Лют решил, что такие люди в княжестве Вышатича не редкость.

Поднялась волна насмешек. Пьянчуги отмачивали смешные лишь им остроты. Пальцы, корявые и грязные, указывали на гридня, как на диковинного зверя.

Лют вздохнул – пусть их. Вон Савка не понимает, как можно смолчать, когда оскорбляют. А надо не оскорбляться – мало ли на свете дураков, что жить не могут без насмешек над людьми? На каждого злости не хватит. Не обращай внимания – чести урону не будет. Да и вообще отвечать негодяям на их языке...

Пространные рассуждения прервал жалкий всхлип, громкий плеск и грохот тяжелого тела. Лют поспешно выстрелил кулаком в следующую бородатую рожу. Костяшки уткнулись в твердое, но через миг увязли в теплом и горячем. Красные капли просочились сквозь пальцы, ладони коснулась противная сырость.

Гридень отпихнул пьянчугу и пальцами вцепился в грязные волосы рядом сидящего. Пропитое лицо встретилось с заляпанной столешницей. Хрустнуло. Дитина слабо простонал и с грохотом опрокинулся на спину. Его лицо сочилось кровью, будто половинка сочной свеклы. Ошалелые собутыльники наконец осознали, что с ними делают, и, отяжелевшие от выпивки, грузно поднялись.

Лют пинком вышиб лавку. Не успевшие встать горохом раскатились по полу, один улетел под стол. На гридня бросились пятеро. Лют пригнул голову, выстреливая кулаками... зашатался под ударами... какой-то ловкий заехал по затылку, больно защемив клочок волос...

Лют зарычал. Глаза застилала багровая пелена. Кулаки были облиты чужой кровью. Саднил порез, когда от удара в смрадный рот зубы супротивника разлетелись кусками застывшего меда.

Когда перестало потряхивать, гридень опустил кулаки и с удивлением заметил разбросанных по углам мужиков: уже щербатых, с лицами, похожими на отбивную. Они лежали вповалку, судорожно дергая конечностями, и стонали, как безусые мальцы.

Компания с испугом посмотрела на мужчину с окладистой бородой – лицо перекошено яростью, с кулаков на пол падают тягучие капли – и поспешно отвела взгляд. Лишь главный задира глядел с радостной ухмылкой – в руке его блестел длинный нож.

Пьянчуги загудели робко:

– Давай, Друль, покажи ему. А мы посмотрим.

Бугай криво усмехнулся и двинулся уверенным шагом, красиво играя тугими мускулами обнаженных рук.

– Нежелан, – сказал Лют чуть сдавленным голосом, – подай меч.

Пора приструнить задиру, не затевать же двобой по пустяку.

Бедовик сбросил оцепенение, крепко сжал в руке ножны и метнулся к воину. Друль замедлил шаг, с опаской прикинув длину меча, и дернул головой в замешательстве.

Лют отвел растопыренную десницу за спину, цепко держа взглядом растерянного мордovorота и оскорбляюще ухмыляясь. Глаза Друля расширились. Гридень дернулся, с трудом одолев желание обернуться: пусть пьянчуга дурит кого-нибудь другого.

В ноги ударило, разбойничья рожа канула вниз, перед глазами возникли закопченные балки потолка. Поскользнувшийся на пролитом пиве Нежелан глухо ойкнул, придавленный втязем.

– Айда, братцы!

Воодушевленный крик сбросил ступор с ватаги, и бородатые рожи ощерились злобными ухмылками. Гоня волну крепкого пота, разом бросились десяток мужиков. Приподнявшегося Люта накрыло лавиной немых тел. Нежелана крепкая рука взяла за шиворот и отшвырнула. Беспомощность полета прервал жестокий удар столешницы в спину.

Хозяин опрометью выбежал на улицу звать стражу: чесание кулаков и битье посуды – еще куда ни шло, но резать постояльцев нельзя.

Лют задергался, но держали его крепко. С торжествующей ухмылкой над ним навис Друль, игриво перебрасывая нож из ладони в ладонь. Помощники погрузили в бока витязя мозолистые кулаки. Лют зашипел рассерженным котом.

– Ну, гад, не взыщи! – прохрипел Друль.

Нежелан ахнул, когда мордovorот занес оружную руку и острое ножа хищно нацелилось в горло распростертого гридня. Бедовик скатился со стола и широко размахнулся ножнами, будто прилипшими к ладони. Окованное медью дно ткнулось Друлю в висок. Тот поперхнулся и рухнул на пол рыхлым тюком.

Подельники удивленно глянули на щуплого мужчинку. Один тут же взвыл, вскинул ладони к глазу – меж пальцев просочилась мутная жижа. Пьянчуги отпрянули испуганно. Хват их пальцев ослаб.

Лют одним движением вырвался и перекатился через плечо, ударив ногой бородача. Того унесло, как пушинку, а через миг и остальные буяны распростерлись ниц.

Гридень скользким шагом приблизился к бедовику. Ножны перекочевали из рук в руки, потом с тихим шорохом обнажилась полоса стали. Уцелевших гуляк приморозил холодный взгляд, в зале воцарилась тишина, даже раненые стонать прекратили. Лют заметил, что остальные посетители испарились, никто не попытался заступиться. Да что там заступиться – никто не присоединился к ватаге, дабы намять бока чужаку! Мельчают...

На втором ярусе загрохотало, с лестницы кубарем скатились оружные дубинками отроки: лица бледные, в широко распахнутых глазах отражается картина драки.

– Лют свет Радимич, что ж ты?.. – У Савки кончились слова, и он с изумленным видом развел руками.

Ждан оглядел зал блестящими глазами и посмотрел восхищенно на Люта. Гридень дернул щекой досадливо: мальчишки – уважают тех, кто может одним ударом расквасить морду, и не понимают, что ловко морды бить может и плохой человек. А вдруг возьмут дурной пример, поскольку думать не умеют?

Со двора донеслись резкие голоса, топот ног, и в зал, бряцая доспехами, ввалился отряд городской стражи: рожи потные, из-под клепаных шлемов текут мутные струи, древки копий едва не выскальзывают из мокрых пальцев.

– Кого рубить? – спросил один запыхавшимся голосом.

Грузный дядька с побитыми серебром усами отмахнулся досадливо:

– Погоди.

Хозяин корчмы протиснулся через кольчужные спины и горячо зашептал что-то на ухо старшине. Лют от греха подальше упрятал меч и спокойно скрестил руки на груди.

Старшой выслушал корчмаря, кивнул с уважительным смешком. По его знаку стражи подлетели к пьянчугам. Те согнулись в поясе, пытаясь ослабить боль в заломленных руках, заскулили жалобно.

Глава отряда снял шлем – переплетенные сединой волосы упали на плечи слипшимися прядями. Немолодой воин поймал в прицел темно-синих глаз гридня. Отроки сгрудились за спиной витязя, ревниво отпихнув от него Нежелана. Лют коротко поклонился старшому.

– Неплохо кулаками машешь, молодец, да и голову держишь холодной, – сказал начальник сильным мужественным голосом. – Не знаю, куда держишь путь, но, если удержишься в нашем славном граде, приходи в городскую стражу, заработок хороший.

Лют ответил с легким кивком:

– Благодарю.

Старшой покивал, пальцами, крепкими, без единого старческого пятна, крутанул ус и в замешательстве принялся рассматривать гридня. Тот разрешил неловкую паузу – откланялся. Движение по ступенькам отдалось в помятых боках резкими уколами, но терпеть можно.

Нежелан шел тихо, как мышка. Его била крупная дрожь. В памяти его держался страшный вид обезображенной глазницы, что мелькнула на миг перед тем, как ее закрыли ладони.

Отроки воинственно поглядывали в зал, выгнув грудь колесом, но в их глазах затаилась горечь: как же им стать справными воинами, если даже драки проходят без них?

Забились в одну комнату. Лют сел на кровать, потянул через голову рубаху. Отроки захлопотали над гриднем, как заполошные насадки над цыпленком. Лют поморщился и отогнал их. Нежелан подошел на пригласительный мах руки ближе.

– Благодарю за помощь, – сказал гридень с легким поклоном.

Отроки ревниво пробуравили затылок бедовика, засопели обиженно: проклятый оборванец украл подвиг!

Нежелан сглотнул ком и, преодолев неожиданную сухость в горле, сказал хрипло:

– Но сначала едва не погубил. Я приношу беды.

Отроки кивнули. Лют потемнел лицом. От его жесткого взгляда Нежелан поежился.

– Отбрось глупые рассказы о проклятии, укрепись духом. Если силен, то никакая порча не липнет. Каждый отвечает за поступки и делает их сам, никакая нечистая сила тут ни при чем.

Нежелан вставил робко:

– А если кара богов?

– Богам будто делать больше нечего, как по-мелкому человеку пакостить. Они не злые соседи, что день и ночь думают, как навредить. Ладно, хватит трепаться насчет бедовости, – махнул рукой гридень. – Завтра сторгуем тебе лошадь – если захочешь, поедешь с нами.

Лицо Нежелана светилось, будто внутри черепа зажегся сигнальный костер. Савка и Ждан обменялись кислыми взглядами. Лют услал всех прочь: Савка бросился с поручением поторопить корчмаря с пирогами и квасом, а Нежелан робко отправился за Жданом в комнату отроков.

Закипевшая от схватки кровь нехотя остыла, время потянулось медленно, будто смазанное рыбьим клеем. Лют успел вздремнуть, а проснулся уже в мире с багровым солнцем.

«Буслая нет и вряд ли будет. Стрый тоже весело проводит время у старого князя, а тут сиди с тремя юнцами, словно старая нянька», – подумал Лют сердито.

Вяло повечеряли и вернулись в комнаты. Город в распахнутом окне укутался в темный плащ, далеко у кромки неба и земли были видны последние солнечные отсветы. Лют дождался, покуда светило не уйдет под землю окончательно, и мельком посочувствовал огненному шару – придется ползти в холодном подземном царстве. Кровать скрипнула под весом расслабленного тела. Сон подкрался мягко, незаметно.

Вырвал из временного небытия громкий стук. Лют распахнул во тьму глаза и ощутил в комнате присутствие другого человека.

Стрый отшатнулся от направленного в лицо клинка:

– Чего балуешь?

Лют молча убрал меч, босыми ногами прошлепал по половицам и кликнул от двери Савку. Заспанный отрок разжег огонь в масляных плошках и хотел было остаться, но воевода его вытолкал.

– А где обормот? – удивился Стрый.

– Пошел к броннику, – ответил витязь, пожимая плечами.

– Понятно.

Лют взгляделся в хмурое лицо воеводы, и сердце кольнуло в предчувствии беды. Могучан поднял голову – нервные языки пламени бросили на заросшее лицо загадочные отсветы, бледным пламенем загорелись глаза.

– Плохи дела, Лют, – сказал Стрый тяжело. – Князь вдогонку письмо прислал...
Лют напрягся и затаил дыхание.
Воевода сказал тяжело:
– Степняки идут войной.

Глава десятая

В маленькой палате царило напряженное молчание. Искусно отлитые медвежьи головы на бревенчатых стенах щерились языками пламени, комната была залита светом, дорогое масло горело с душистым ароматом.

Стол был уставлен кувшинами, чарами, ковшами, от жареной дичи шел теплый и сытный дух, но дюжине мужчин было не до еды. Лица потемнели, брови переплелись волосами на переносице, сквозь бороды отчетливо виднелись желваки.

Яромир окинул взглядом приглашенных князей, заскрежетал в руке серебряной чарой. Князья встрепенулись на звук, нарушивший тягостное молчание. Яромир поднялся, заговорил голосом холоднее льда:

– Ужасно стыдно, други мои, что затеянное празднество кончилось худо. Тяжко, что омячил вас, мои дорогие и желанные гости.

Князь Годун, седой, кряжистый муж, брякнул досадливо:

– Кончай виниться, не девка красная, дело говори.

Яромир медленно склонил голову:

– Ты прав, старый друг. Волхв прочитал ужасное знамение...

Князья разом хмыкнули: что там читать, младенцу ясно.

– Двигается на наши земли ворог несметными полчищами, хочет разорить цветущие земли, мужчин порубить на корм волкам и воронам, а женщин увести в рабство и использовать для утех.

Князья потемнели лицами и сжали кулаки: у рожденных защищать слабых при мысли, что чужаки отберут самое святое, что есть у народа, – женщин, сердце колет.

– Нелегко говорить, – продолжил Яромир, – но надо собирать объединенную рать. Скоро враг достигнет окраины нашего союза, земли Путяты подпадают под удар первыми.

Князья хмуро покивали.

– Завтра выступлю с дружиной на подмогу. Заставить вас не могу, но прошу присоединиться.

Яромир обвел пытливым взглядом князей, ни один не отвел глаза, смотрят прямо, лица чуть посветлели.

– Разумеется, присоединимся.

– А то как же!

– За кого нас имеешь, князь?

– Поперед твоей дружины будем.

Губы Яромира чуть искривились, в глазах мелькнул задорный огонек. Князь простер длань с чашей, и от сильного голоса затрепетало пламя светильников:

– Добро! Двинемся по заре, разошлем гонцов, чтобы воины, оставшиеся дома, спешно присоединились. Вместе растопчем супостатов! Пью за вас, смелые други!

Князья поддержали Яромира дружным ревом: грудные клетки раздуты, в глазах плещется ярость, голыми руками готовы разорвать посмевших посягнуть на союз северных княжеств.

Гости едва успели стукнуть дном пустых чар о стол и протянуть руки к мясу, как с грохотом распахнулась дверь. Князья удивленно уставились на растрепанного старца в волчьей шкуре.

Волхв тяжело дышал, от выдохов трепетал огонь, белоснежная борода растрепалась, волосы пятнали полосы сажи.

Яромир грозно сдвинул брови:

– В чем дело, Вольга? Почто врываешься, как в кабак?

Волхв подскочил к князю и склонился в почтительном поклоне. Мужчины с любопытством прислушались к частому бормотанию:

– Княже, приносил я жертвы богам светлым, спрашивал о судьбе дальнейшей: как быть и что делать?

Яромир спросил упавшим голосом:

– Что узнал?

Вольга перевел дух. Князья затаили дыхание, а волхв дождался, когда напряжение достигло пика, и затараторил:

– Перун всеблагой снизошел до ничтожного служителя, дал видение. Раскрылись пред мной небеса, красота ирия едва не ослепила: дивные птицы поют на сказочных деревьях, животные красы невиданной и благородной стати, наши мужественные предки, пирующие за золотым столом. Ты бы видел, что жрут... ээ... едят, а чем запивают, запахи дивные.

Князья слушали заворуженно, едва рты не раскрывали, но Яромир нахмурился и строго спросил:

– Что еще видел?

Вольга спохватился:

– И предстал передо мной Перун, а одесную и ошуюю доблестные герои, среди них видел и твоих славных предков. Сказали они, что темную силу, идущую войной, одолеть можно лишь у стен Кременчуга, великим союзом соседних племен. Иначе никак.

Яромир воскликнул:

– Но как же Путята?! А земли Твердыты, что перед моим княжеством?

Волхв сурово покачал головой, ответил твердо, непреклонно:

– Если помчишься на выручку, то погибнешь и их земли погибнут. Перун ясно сказал, что лишь у нашего города враг будет разбит. Пока они будут двигаться к нам, успеем собрать великую рать.

Князья загомонили, как напуганные гуси. Волхв склонился в глубоком поклоне. Яромир вскинул длань – правители, как по команде, умолкли.

– Не могу я спокойно жить, зная, что купил жизнь гибелью соседей, – сказал он с мрачным торжеством. – Лучше погибну, но плечом к плечу с Путятой, громя врагов.

Князья загомонили одобрительно. Волхв потемнел лицом, слова вырвались с тяжким вздохом:

– Не хотел говорить, но ты вынудил. Княже, Перун сказал, если падет Яромир, то падет Северный союз.

Яромир качнулся и прижал ладони к сердцу. Князья озадаченно смолкли. Силослав после недолгого молчания сказал с мрачной убежденностью:

– Князь, в детстве мужчину учат защищать семью, в юности – слабых, а в зрелости – жертвовать собой для спасения рода. Нелегко говорить, но... что толку, если кинуться на помощь, не успев собрать большие силы. Конечно, на миру смерть красна, и о славной гибели будут петь века, но ты правитель и Путята правитель, а князьям надлежит поступать так, как надо, не слушая голос ретивого сердца. Наши предки заключили союз, скрепив дружбу племен, и каждый князь должен понимать, что для сохранения нашего братства надо пожертвовать собой и своей землей, коли припрет нужда.

Годун напыщенно кивнул и продолжил за умолкшего Силослава:

– Будь здесь Путята с Твердытой, первыми бы предложили такой расклад. Да, города будут разорены, веся, но сожженное можно восстановить, а если наши земли падут, кто это сделает? От нас даже памяти не останется. Ты как хошь, князь, но к Путяте не пойдем. Я срочно отправлю нарочных в княжество, пусть большая дружина идет в Кременчуг.

Князья закивали:

– И я!

– Я тоже!

Яромир тяжело опустился в кресло и уткнул подбородок в кулак – будто в голову залили свинец и требуется опора. Лицо князя отражало тяжелую внутреннюю борьбу.

– Мне выпал выбор, которого и врагу не пожелаешь, – сказал он медленно. – Великое испытание предстоит нам, други. Я должен подумать.

Силослав поморщился досадливо:

– Да что думать? Или мы будем жить, или дружно помрем. Князь, я сам буду таскать бревна в землях Путятты после разгрома врага, быстро восстановим, да и люди в большинстве уйдут в леса, не будут же враги их прочесывать. Отсилятся, земля наполнится народом.

Его поддержал гул князей. Яромир покивал задумчиво, сказал с явной неохотой, через силу, будто каждое слово цеплялось за горло острыми шипами:

– Пусть будет так, как мы решили. А теперь мне надо побыть одному, да и вам разослать гонцов – медлить нельзя.

Князья разом встали и так же – гурьбой – вышли из палаты, даже малость потолкавшись в дверях. В проем заглянул Ратьгой. Любопытство на лице воеводы при виде волхва сменилось брезгливой гримасой, и дверь захлопнулась с громким стуком.

Яромир с Вольгой долго молчали, прислушиваясь к шуму за стенами: со двора через сомкнутые на ночь ставни раздавались резкие команды и отголоски переполоха. Потихоньку шум стих.

Вольга крикнул, расправил плечи, схватил жареное крылышко, и тонкие косточки слабо хрустнули под крепкими зубами.

– Да, княже, удивил так удивил, – сказал волхв с насмешкой.

– А что такого? – огрызнулся Яромир. – Зато теперь не будут спрашивать, почему откажем соседям в помощи, да и войск придет больше. А то разбежались бы по углам, выжидали, кто кого. Сам знаешь: треть князей сейчас уедет и хрен вернется, несмотря на обещания. А если б узнали, что степняки не пойдут дальше моих земель, то на помощь бы не пришли.

Вольга пожал плечами, пальцами легко разорвал румяного гуся пополам. Взвились клубы пара, и кусок нежного мяса с грудки исчез в волховьем рту. Яромир глянул раздраженно:

– Что, в ирии не наелся? Ты что нес про предков, пиры? Еще улыбался, скотина! Едва задуманное не испортил.

Волхв улыбнулся виновато:

– Не серчай на старого, жизнь скучная, развлекаюсь, как могу. Но ты и впрямь настоящий князь. На Пепельном валу стал настоящим воином, а теперь, зрю, не зря батюшка отдал престол тебе, младшему сыну, изрядно старшего обидев.

Яромир отмахнулся, глянул на жрущего волхва и слотнул слюну.

– Не до семейной грызни, лучше скажи о послании Вышатичу.

– Курдуш письмо доставил, но объявился ли там Стрый – не ведаю.

– Скорей бы возвращался, он очень нужен.

Волхв глянул ехидно:

– А Лют, твой побратим, стал быть, не нужен?

Князь припечатал служителя богов тяжелым взглядом, но кудеснику что с гуся вода – жрет и запивает дорогими винами.

– Есть ли в Железных горах волшебное оружие – вопрос спорный. Не могу же я впустую послать Стрия, но и упускать такой дармовой возможности нельзя, – сказал Яромир рассудительно. – Исходить надо из худшего, тогда боги будут благосклонны. Стрый для поднятия духа войска предпочтительнее, потому посылаю не самого худшего витязя, побратима, если в самом деле оружие есть – привезет. Ты сам то знаешь и не морочь голову, лучше передай куропаток.

Солнце не спеша выкатилось на небо. Видно, Дажьбог еще пребывал в божественной дремоте, коней не понукал. Княжий двор Вышатича был окутан весенней прохладой, что в такое жаркое лето было дивным.

Князь по торжественному случаю сидел в центре двора в парадной одежде. Резную спинку кресла окружили ближние советники, бояре. На красном языке ковра стоял Стрый, по бокам – Лют с Буслаем, все в кольчужном доспехе, мечи пристегнуты к поясу: так гости стоят перед князем в случае военного союза.

Вышатич перемигнулся со Стрыем и неспешно начал плавную речь. Лют молча слушал сладкие звуки – тело расслаблено, мысли далеко. Но иногда прорывались багровые клочки ярости. И тогда он с трудом сдерживался, чтобы не зарычать по-звериному. На родную землю напали!

Стрый ночью был мрачнее тучи: он узнал о послании довольно поздно. Подвыпивший Вышатич внезапно спохватился и велел принести письмо, доставленное столь необычно...

Воеводу опечалила больше не новость о грядущих битвах, а необходимость услатить Люта с Буслаем в Железные горы на поиски чудо-оружия, что находится в «пасти у зверя», а самому вернуться. Буслай вовсе, когда отошел от гневного помешательства, предложил отбросить бредовое поручение и скакать на защиту Кременчуга.

– Лазать по горам незнамо сколько времени, когда на родину напали! – возмущался гридень. – И неизвестно, найдем ли колдовскую штуку. Вдруг ее вообще нет? Или вернемся с ней, когда от княжества останется пепелище? К тому же на колдовство уповаешь слабый, у воина один оберег – острая сталь.

Лют помалкивал. Он знал побратима куда лучше строптивного Буськи. Если князь решил послать его на такое дело, значит, оно трудное, маловероятное, но возможное. И нужное. А что на колдовство уповать – дело зряшное, Яромир сам показал, наказав Стрию обязательно вернуться. Как воин, воевода заткнет за пояс десятков лютов и буслаев, если не сотню. И неумех посылать – пустое. Князю не откажешь в разумности.

– И порукой нашей дружбы с князем Яромиром будет дружина во главе со мной, что отправится в Кременчуг через два дня, – сказал Вышатич торжественно. Придворные облегченно вздохнули.

Вышатич встал, взял в растопыренную пятерню внушительную грамоту, нарядными сапогами примял ворс ковра. Вышатич остановился за шаг от Стрия, задрал голову.

– Доблестный Стрый, – начал он торжественно, – вручаю тебе грамоту, передай ее своему князю, моему другу. Хоть эта телячья шкура – знак символический. Нам достаточно крепкого мужского слова.

Воевода опустил на колено, сравнившись с князем в росте. Свиток утонул в ладони. Лют прослушал слова благодарности, сперва отвлекся на скрип зубов Буслая – тому вновь ударила в голову кипящая кровь, – затем на придворных, что за ритуалом почти не наблюдают, а косят куда-то в сторону.

Гридень проследил за взглядами и уткнулся в повозку, укрытую плотными шкурами. Ухо от напряжения задергалось, но различило звериное сопение, а слабый ветерок донес запах лесного зверя.

Стрый встал. Грамота исчезла в поясном кошелье из воценой кожи. Вышатич отметил окончание посольства дружественным хлопком по плечу могучана.

– Слышал, тебе срочно надо возвращаться, – сказал князь с сожалением. – Может, удержишься немного? У нас намечается развлечение.

Стрый пожал плечами – глыбы грудных мышц четко обрисовались под кольчугой, и бояре восхищенно зацокали.

– Что за забава?

Вышатиц со смехом дал знак рукой, и к накрытой повозке подбежали челядины. Сорванные шкуры обнажили клетку – свет потревожил томившегося в сумраке медведя. Огромный зверь облапил прутья, из пасти, обрамленной желтоватыми кинжалами зубов, вырвался недовольный рык.

Челядины взялись за оглобли, повозка рывком тронулась, упавший от толчка зверь заворчал обиженно.

– Куда его, к псам? – спросил Стрый с ленцой, наблюдая, как клетка исчезает за углом княжьих хором.

Вышатиц энергично тряхнул головой:

– Лучше. Испытаем силу человеческого духа.

– У тебя дружинных девать некуда? Не боишься выставять против такой громадины?

Князь удивился:

– Кто сказал, что выставлю гридня? Тогда и забавы не будет.

– А кого? – хмыкнул воевода.

– Пойдем поглядим.

Лют с неудовольствием отметил азартный огонек в глазах Стрия, Буслай тоже заинтересовался. Да и самому хотелось глянуть на медвежьего соперника.

Вышатиц увел Стрия на задний двор, просторный, как покосное поле. Бояре окружили их пестрой галдящей толпой, и утренняя тишина потонула в гомоне. Гридни ступали позади. Поочередно их охватывали то мысли о доме, то мальчишеское любопытство.

За спинами свиты были видны лавки, сделанные недавно из ошкуренных бревен, – сочный запах дерева еще не засох. Стайка челядинов кинулась к лавкам, и мягкие шкуры укрыли бревна в два слоя. Вышатиц вальяжно сел, рядом опустился Стрый, и лавка, жалобно всхлипнув, опасно прогнулась. Бояре расселись по местам, как куры на насестах, и только тогда гридни увидели ристалище, огороженное широким рвом с дном, утыканным острыми кольями. Ристалище со двором соединяли две широкие доски.

Челядины поднатужились. Повозка, оставив глубокие колеи, простукала по доскам и неохотно вползла в круг. Медведь притих и глядел сквозь прутья настороженно. Челядины застыли по сторонам и ждали указаний.

Вышатиц хохотнул. Проворный гридень умчался по мановению руки. Князь сказал Стрию:

– А сейчас увидишь смельчака, что бросил вызов.

Взгляды присутствующих приклеились к двум молодым воинам, что вели под микитки бледного крестьянина. Лют недоуменно порыскал взглядом, но сомнений не было: биться с медведем будет широкоплечий, но до смерти напуганный землепашец.

Крестьянин еле передвигался, ковыряя тупыми носами лаптей землю, мелко тряс бородой. Княжьи люди подвели землепашца к мостку через ров, а со стороны подбежал еще один – с рогатиной в руках.

Лют со смешанным чувством смотрел, как копьё с перекладиной насильно вручили в мощные руки, перевитые жилами. Ладони крестьянина были украшены мозолями, размером с монеты, но руки тряслись от страха, и древко выскальзывало из пальцев, словно смазанное жиром.

Рядом шмыгнул носом Буслай.

– Тоже мне развлечение, – сказал он буднично. – На что смотреть? Медведь разорвет его в мгновение ока.

Лют сказал с неясным чувством горечи:

– И не стыдно ли?

Буслай глянул недоуменно и сказал:

– Что имеешь в виду? Скажи еще, что убивать животных ради забавы – грех.

Лют засопел обиженно:

– Ты полегче. Сразить такого хозяина леса – большая честь, и биться надо по-честному.

Буслай отмахнулся: хоть Лют и постарше, и славы воинской немереной, но тут чудит.

Вышатич встал с бревна. Гомон бояр умолк. Дрожащий землешапец с рогатиной посмотрел на князя со страхом.

– Люди, – начал Вышатич чистым голосом, – хоть я и очень добр, даже добер, но всякому терпению приходит конец. Два года я не взимал с него податей – думал, образуется, поправит хозяйство, тогда будет платить исправно. Но негодник так и не дал казне денег, хотя хозяйство у него справное.

Землешапец с трудом поднял голову, будто на затылок давила каменная ладонь, и тихо молвил дрожащими губами:

– Князь... я с нынешнего урожая все восполню, князь.

Вышатич отмахнулся, лицо исказила гримаса пренебрежения.

– Извини, но люди давно схваток не видели, пора подданных побаловать.

Землешапец рванулся из крепких рук воинов, но тычок локтем под ребра его угомонил. Князь оглядел хохочущих бояр, его глаза лучились лукавством.

– Ну, полно убиваться. Мужик ты здоровый, я ведь тебя не с голыми руками посылаю, крепче держи рогатину – останешься жив.

Воины по кивку князя потащили крестьянина через деревянные мостки, отчаянные крики рвали воздух: землешапцу, какой бы он ни был могучий, надурняк медведя не одолеть. Этому учат отважных охотников и воинов, и то раз на раз не приходится.

Бояре на бревнах оживленно загудели, зашептались: сумеет ли недотепа поцарапать медведя? Самые горячие затрясли кошельками. Вышатич глянул на скучающее лицо Стрыя, сел рядом.

Воевода спросил с легкой зевотой:

– И что тут интересного?

– Согласен, жаркой схватки не будет, – шепнул Вышатич. – Но посмотри на бояр – они в воинских схватках неискушенные, с удовольствием посмотрят на кровь и растерзанное тело. Пусть потешатся, приятно видеть, когда бьют или убивают не тебя. К тому же будут меньше роптать, что посылаю дружину в соседнее княжество.

Стрый пожал плечами и посмотрел на ристалище: трясущийся землешапец стоял столбом, рогатину держал неумело, как косу. Челядины тыкали в медведя сквозь прутья копьями. Медведь расвирепел, кинулся на клетку с яростным ревом.

Лют нехорошо посмотрел на Вышатича. По его мнению, человек, давший обязательство защищать безоружных, так поступать не должен. К чему губить возделывателя земли, плодами которой кормятся люди? Кто пахать будет, гридни?

Буслай удивленно посмотрел на яростно сопящего соратника. Лют тяжело выдохнул и сам изумился своему странному порыву.

Вышатич спохватился, досадливо хлопнул себя ладонью по лбу.

– Чуть не забыл, – сказал он со смешком. – Есть кто-нибудь, кто хочет заместить пахаря в поединке?

Бояре ответили раскатистым хохотом, будто князь сказал невероятно смешную вещь, поэтому не сразу слышали твердый голос:

– Есть.

Двор смолк, лишь в тишине кричал разъяренный зверь да натужно скрипели прутья клетки. Изумленные взгляды проводили прибывшего с посольством воина. Тот быстрым шагом вошел в ристалище. Землешапец вздрогнул от тычка. Рогатина перекочевала из рук в руки.

Стрый хмуро посмотрел на Люта, и в его глазах отразилась бешеная работа мысли: как бы князь не счел за оскорбление! Буслай стоял с распахнутым ртом и зажатой в руках Лютовой кольчугой: такой дурасти он не ожидал.

Вышатич потемнел лицом.

– Стрый, кто это?

Воевода ответил медленно, взвешивая каждое слово, как златокузнец металл при покупке:

– Один из лучших хоробров Яромира. На Пепельном валу сразил вождя ясагов и захватил прапор. Ты уж прости, жаден до драк без меры. Вот и сейчас решил позабавить тебя и бояр настоящей схваткой, а не бойней, – выказывает уважение. Но если хочешь...

Вышатич выставил ладони и замотал головой, при взгляде на Люта из его глаз брызнуло глубокое уважение.

– Нет-нет. Почему раньше не сказал, с кем приехал? Прислал бы спелых девок постель согреть. Людскую породу надо улучшать, а лучшие дети, понятно, от великого воителя.

Стрый виновато развел руками. Вышатич с блестящими от возбуждения глазами уставился на Люта, махнул слугам.

Дверь клетки распахнулась, и челядь со всех ног кинулась прочь. Преодолев ров, убрали доски: человек и зверь остались один на один.

Лют со спокойным лицом крепче сжал древко. От грозного рыка свободного медведя бояре вздрогнули, но гридень оставался неподвижен.

Зверь налитыми кровью глазами смотрел на человека с острой палкой. В его сознании всплыла картинка таких же существ с похожими палками и боль... Сильная боль!

Медведь рывкнул и бросился вперед. Под густой шерстью играли чудовищные бугры мускулов. Зеваки заворожено смотрели на хищный бег животного.

Лют поморщился от тяжелого лесного духа и сжал побелевшими пальцами шероховатое древко, приподнял острие. Зверь налетел, как падающий ствол столетнего дуба. Поднялся на задние лапы и нацелил пасть на плечо Люта. Когтистые лапы разошлись в желании разорвать человека пополам.

Широкий наконечник с размаху впился в мохнатую грудь. Лют упер конец рогатины в землю, для пущей надежности придерживая рогатину ногой. Двор огласился возбужденными криками – князь и бояре вскочили и заорали неистово.

Медведь люто зарычал. Мощное тело продвинулось вперед. Захрустела разрываемая плоть. Оскаленная пасть ухватила за рогатину.

По древку скатилась волна крови и пены. На руках гридня вздулись жилы. Липкие струи коварно затекали под пальцы. Зверь в ярости пер вперед с целью разорвать обидчика. Грудь медведя уперлась в перекладину. Железо внутри зверя металось, как сердитый шмель, жутко хрустя плотью.

Пасть в бешенстве сомкнулась на заляпанном древке, когти сняли стружку. Лапы схватили рогатину и дернули в сторону. Лют застонал от чудовищного напряжения: на висках вздулись жилы, затрещали руки, пытаясь удержать рогатину.

Медвежья кровь растеклась под пальцами скользкой пленкой, древко неистово рванулось из рук. Толпа встревоженно ахнула. Рассвирепевший зверь вырвал рогатину, могучие лапы переломили ее, как сухую веточку. Из последних сил медведь кинулся на человека.

Лют ушел в сторону, но бок обожгла боль. Земля закрутилась перед глазами вперемежку с небом.

Витязь вскочил, и зрители радостно заорали. В воздух полетели шапки. Промажнувшийся медведь упал. Обломок копья исчез у него в груди. Раздался хлопок – будто лопнул бурдюк с водой. Из мохнатой спины вылезло окровавленное острие. Зверь вздохнул жалобно и повалился набок – жизнь покидала могучее тело неохотно.

Стрый поднялся. Среди лиц, искривленных радостью, его лицо казалось грозовой тучей в ясном небе – острым глазом заметил быстро расплывающееся красное пятно на левом боку гридня.

Лют прижал ладонь к ране, под крики ликования подошел ко рву и с разбега перемахнул. Зрители заорали пуще – народу было немного, но казалось, от криков небосвод рухнет.

Вышатич поспешно крикнул:

– Эй, вы, лекаря сюда, хоробру надо помочь! – Обернулся к хмурому Стрию и сказал с восторгом: – Жаль, у меня таких воинов нет.

Воевода тяжело смотрел на гридня, вокруг которого суетился люд – обрабатывал рану. Витязь выглядел бледно, грудь тяжело вздымалась, голова опустилась.

Стрый оценил размеры раны и выругался про себя: поправляться будет долго, а впереди трудный путь. Вышатич по картам показал кратчайший путь, но честно предупредил, что такой дорогой люди не ходят, опасности начинаются в первом же лесу, но в обход рискованных дорог добираться до Железных гор больше месяца.

Придется проводить их через таинственный лес, а то загнутся в начале пути. Буська не помощник, себя не оборонит, не говоря о раненом. А там Люту должно полегчать.

Стена леса выростала медленно: темные деревья отливали синевой, даже на расстоянии веяло холодом. Стрый оглянулся на бледного Люта, что едва не падал с коня.

Витязь отвел глаза. К раненому подъехал участливый Савка:

– Все хорошо?

Лют рявкнул раздраженно:

– Да, и хватит спрашивать!

Отрок насупился и отъехал в сторону. Ждан оказался рядом и успокаивающе опустил ладонь отроку на плечо: взялся ехать с отрядом – терпи. Отроки могли вернуться с дружиной Вышатича, но отчаянно воспротивились. На коленях умолили воеводу разрешить помочь Люту и Буслаю в великом деянии. Стрый плюнул с досады, разрешил.

Отроки ради такого случая приобрели мощные составные луки, в мечтах представляя, как будут поражать врагов в походе, а что враги будут, сомневаться не приходилось. Как же иначе?

Единственное оставалось непонятным: зачем Лют настоял взять Нежелана? Буслай прямо сказал, невзирая на старшинство:

– Совсем рехнулся, от него одни беды! Он нам еще покажет.

Лют смерил его злобным взглядом, но на своем настоял: тихий бедовик тащился на купленной лошадке в хвосте, лишний раз не дыша.

Рану остро кольнуло, и Лют подавил стон, чтобы не услышали, но от Буслая не утаишь. Глянул на соратника с жалостью, в глазах было недоумение: ну как можно так учудить?!

Лют внутренне поморщился: сколько можно? Ночью доставал, не унялся. И так от Стрия попало, что безрассудно вступился за землепашца, которой потом и спасибо не сказал, испарился. Подверг опасности срыва важное княжье поручение. Глубокая рана перестанет мешать жаркой болью через седмицу, если лежать на перинах, а в пути может и погубить.

– Воин, конечно, должен защищать слабых, – бухтел Стрый, – но нельзя спасать каждого встречного: пуп порвешь и княжьего поручения не выполнишь.

«Ну и пусть, – подумал Лют, упрямо набычившись. – Пусть я не прав, а они правы. Тогда почему на душе покой, словно сделал богоугодное дело? И в груди горит приятный огонек, странным образом умиряющий боль в боку?»

Глава одиннадцатая

Буслай оглянулся на подозрительный шорох в ветвях – не сразу различил в листве белку. Зверек вцепился лапками в ветку и подозрительно смотрел на небольшой отряд. Гридень скорчил рожу, белка отпрянула, в ветвях раздался сердитый цокот. Зверек зашумел листвою и скрылся на другом дереве.

Стрый во главе отряда пробурчал через плечо:

– Никак не угомонишься?

Буслай ответил покаянно:

– Никак, воевода-батюшка.

Лют через силу улыбнулся. Ждан глянул с заботой на бледное лицо, в глазах мелькнуло сочувствие. Рану растрясло. Лют осторожно шевельнул левой рукой, по коже скатилась холодная струйка. Конь споткнулся в небольшой ямке, толчок разбередил рану, и сквозь зубы протиснулся стон.

Савка глянул тревожно, сглотнул комок и с надеждой уставился в спину воеводы.

– Может, привал сделаем? – бросил он в пустоту.

Лют ответил раздраженно:

– Нет.

Савка огорченно вздохнул.

Буслай хмыкнул – он-то ничуть не жалел раненого. Коли ума нет, пусть страдает. Время от времени бросал недоуменные взгляды на Люта, словно спрашивая: как можно так учудить? Лют отводил взгляд, хмурился.

Буслай махнул рукой на раненого и обратил взор на Нежелана. Бедовик за дорогу проронил от силы пару слов, но работу исполнял исправно, нареканий не вызывал.

Отроки сторонились молчуна, украдкой споря: ведьмак или нет? Не может у взрослого мужа не расти борода и усы. Правда, урожденные ведьмаки безволосы, в зрачках отражение перевернуто, вдобавок есть хвостик с четырьмя волосками.

Савка со Жданом пытались подглядеть за Нежеланом, но Стрый увидел и рывкнул так, что чуть в штаны не наложили. Больше попыток выявить ведьмачью сущность не было, но на ночь отроки доставали крапиву и боярышник и выкладывали защитный круг.

Буслай пригладил усы-подкову, глаза озарились озорным огоньком. Нежелан произвольно придержал поводья, но гридень поравнялся, спросил невинно:

– Нежелан, а чего за нами увязался?

Плечи бедовика приподнялись, горестный вздох прозвучал едва слышно. Посмотрел в поисках помощи на Люта, но бледному, как репа, витязю самому не помешала бы подмога. Пот с висков тек ручьями, синева под глазами загустела до угольной черноты, он несколько раз качнулся в седле.

Бедовик пожевал губами, наткнувшись на лукавый взгляд Буслая.

– Чего молчишь? Может, брезгуешь?..

Гридня прервал раскатистый бас Стрыя, от которого ветки деревьев задрожали и исчез свист птиц.

– Ты угомонишься? Лучше Люту помоги, сейчас свалится.

Лют хрюкнул возмущенно:

– Ничего не свалюсь!

Но слова прозвучали бледно. Сжимая пальцами луку седла, Лют уже качался. Стрый словно глаза имел на затылке! Ждан лихо спрыгнул. Ветки кустарника сердито затрещали, влажно переломились. В стволах деревьев-могучанов затерялся крик досады.

– Что там? – спросил Буслай насмешливо. – Пальчик прищемил?

Ждан в ярости пнул измочаленный куст, ладонью зажав прореху рубахи длиной в пядь.
– Новая рубаха! – воскликнул отрок горестно.

Буслай обидно хохотнул, даже верный Савка оскалил зубы. С сердитым шипением отрок подошел к Люту. Сразу отметил, что не бросалось с расстояния в глаза, – край рубашки, торчащий из-под железных колец, напился красным. Витязь раздраженно отмахнулся:

– Ничего страшного! – И покачнулся от малого движения.

Отрок заботливо поддержал его. Буслай переменялся в лице... Конь не успел заметить, как со спины исчезла ноша, и недоуменно фыркнул. Отряд остановился. Люта усадили на заросшую тропку под раскидистым деревом. Буслай потянул вверх кольчугу.

– Да будет вам, – пытался отмахнуться Лют.

Воевода грянул с высоты седла:

– Я думал, ты поумнее будешь! Ладно, сунулся к медведю вместо незнакомца, могу понять, выказал удаль. Но истекать рудой, боясь пожаловаться, – глупо. Каково мне будет вернуться к Яромиру и сказать, что могучий хоробр, сдюживший на Пепельном вале, сел в сани от царапины?

Лют уронил голову на грудь и сжал губы. Буслай хотел возразить: какая царапина, медвежий коготь вскрыл бок не хуже степняцкой сабли? Но, сравнив витязя и воеводу, промолчал. Стрью такая рана и впрямь за царапину.

Нежелан подал мешок с лекарственными травами и чистыми тряпицами. Савка споро смыл загустевшую кровь, умытая рана ощерилась порванным швом. Отрок переложил рану травами и стянул тугими повязками бок гридня.

– Шуйцей особо не маши, – посоветовал Ждан.

Лют кивнул покорно. Буслай с облегчением выдохнул, одобрительно глядя на шутника.

Листья над головами задрожали. Лесное зверье озадаченно примолкло, а отроки нервно положили ладони на булавы, глазами впившись в зеленый шатер. Стрый глумливо хохотнул:

– Дождя испужались!

Савка густо покраснел, словно через поры вышла кровь. Ждан буркнул неразборчивое. Лют поднялся с мягкой травы, Буслай помог ему натянуть кольчугу.

– Чего скалишься? – буркнул Лют.

– Да ничего! – ответил гридень с наглой усмешкой.

Голос воеводы раздался над тропой, будто раскат грома, заглушив шум дождя:

– Пошевеливайтесь, зубоскалы! Времени в обрез, мне у князя надо быть, а приходится нянчиться с косоруками.

Буслай пискнул храбро:

– Так мы тебя не задерживаем, воевода, сами управимся.

– Поговори у меня, тетеря, – беззлобно рявкнул Стрый. – Не больно с хлопотуном без меня управились.

Буслай закрыл рот со стуком. Конь едва устоял на ногах, когда на спину ему обрушился рассерженный гридень. Савка попытался помочь Люту взобраться в седло, но витязь глянул свирепо и тяжело примостился в седле.

Тяжелые капли дождя дробно стучали по листьям, пригибали ветви, с глухим треском пробивали зеленый покров.

Буслай провел ладонью по лицу, ругнулся на холодную каплю на подушечке пальца. В ответ за шиворот упала прозрачная горошина. Гридень против воли зашипел и натянул поводья. Конь оскорбленно всхрапнул.

Дробный перестук слился в шум, на людей, как с худой кровли, посыпались капли.

– Как бы на ходу не заржаветь в бронях, – сказал Буслай тоскливо. – Поскорее бы кончился.

Нежелан глянул на хмурое небо в просвете листьев, сказал безучастно:

– Надолго зарядил, утихнет к вечеру.

Буслай с трудом сдержал стон, хмуро глянул на бедовика:

– Ты накликал?

Нежелан пожал плечами:

– Может быть.

Дождь перестал ближе к вечеру.

Буслай зябко подергивал плечами, от сырого воздуха чесалось в носу, изредка с мокрых ветвей падали капли – и все на него! Кисейная взвесь меж замшелых стволов окрасилась червью, лес потемнел, гомон птах затих. Наступил промежуток, когда дневные летуны утихают, а ночные еще не проснулись.

Савка со Жданом ехали по бокам от Люта – поводья в одной руке, вторая наготове подхватить падающего воина.

– Мне лучше, – раздраженно отвечал Лют на немые вопросы. Краска прилила к щекам, в глазах появился блеск, в седле не шатался.

Буслай коротко глянул на стойка; с губ готовилась сорваться острота, но за шиворот плюхнулась капля размером с тыкву, и судорога сомкнула челюсти с клацаньем. Оглянулся на Нежелана: бедовик с понурым лицом осматривал мокрые ветви, грудь часто вздымалась, насыщая тело лесной прохладой. На Буслая он старался не смотреть – мало ли чего удумает языкастый гридень.

Конь воеводы во главе отряда проламывал просеку в зарослях, пастью с желтыми зубами изредка срывал молоденькие ветки. Воевода возвышался в седле, как скала, неподвижный, головой по сторонам не вертел, даже поводьев не касался, со спины не понять – не заснул ли?

– Воевода, – окликнул Буслай. – Долго нам по лесам мотаться?

Стрый не оборачиваясь ответил:

– Долго.

Ветви всколыхнул огорченный вздох, воевода глянул через плечо, в густой бороде сверкнула россыпь жемчуга.

– Надоело получать по морде ветками?

Гридень оскорбленно вскинулся:

– За что срамишь, воевода?! Просто в поле поспокойнее, никто из-за дерева не кинется, а то ляжешь целым, а проснешься без головы.

Стрый басовито хохотнул. Кони испуганно прижали уши, сбили шаг.

– Тебе, Буська, то не грозит.

Буслай спросил заинтересованно:

– Почему?

– Ты и так безголовый, куда еще?

Заросшую тропку огласил смех. Задремавшие было птахи встрепенулись, засвистели сердито. Буслай зло оглядел смеющиеся лица, надвинул брови на глаза, оставив блестящие щелочки.

Вдруг в глаза плеснуло красным светом, и смех застрял в горле. Отроки сноровисто выхватили булавы. Лезвие топора Буслая зардело в лесном сумраке.

Нежелан с опаской всмотрелся в сияние, потом переместил взгляд на воеводу. Стрый даже не придержал коня, и меч размером со стропило остался в ножнах. Лют, видя спокойствие воеводы, оставил рукоять, разлепил бледные, как поганки, губы:

– Что там, Стрый?

– Кажись, нашли место для ночлега, – ответил воевода спокойно.

Буслай поинтересовался:

– У кого заночуем в такой глуши?

Стрый не удостоил ответом. Буслай открыл рот, но, так ничего и не сказав, со стуком захлопнул. Впереди затрещали ветви. Фыркнула лошадь, сияние усилилось, будто под нос сунули кусок закатного солнца.

Отряд остановился. Лют прикрыл слезящиеся глаза и сквозь щелочку пальцев рассмотрел всадника. Нежелан ахнул в голос с отроками: конь цвета раскаленного металла, грива брызжет золотыми искрами, от следов поднимаются струйки пара, глаза залиты солнечным медом, какой появляется в озерах ближе к закату. Одежда красного, как редис, всадника была сделана будто из свежесодранных шкур, кольчуга – из раскаленной меди, вместо глаз торчало по куску угля.

Мир вокруг покраснел, и отряд с изумлением уставился на встречного, опустив оружие. Стрый двинул Горому в сторону. Угольный конь злобно фыркнул; багровый огонь в глазах разгорелся ярче сияния всадника.

Всадник проехал мимо, пахнуло жаром: лицо надменное, губы презрительно поджаты. Буслай яростно выдохнул, забурлившая кровь бросилась в глаза, окутав взор пеленой, топор в руке задрожал.

Всадник почувствовал это: голова его повернулась, и гридня обдала волна презрения. Буслай едва не взвыл, топор взмыл над головой. Но кисть оплели слабые пальцы, и Буслай наткнулся на осуждающий взгляд Люта. Горячее варево в голове остудил стыд.

Красный конь насмешливо фыркнул, горячий дым от следов повалил гуще. Золотой хвост приподнялся, и на траву тяжело плюхнулись смердящие куски угля. Буслай плюнул вдогонку и пальцами сжал нос, остальные поспешили прикрыться рукавами от вьедливой вони.

Стрый посмотрел вслед красному всаднику. Гором тронулся с места. Отряд молча последовал за воеводой. Черное сияние истончилось, как ледышка на языке, и пропало, отчего в глазах сразу потемнело.

– Тьфу, пропасть! – откашлялся Буслай. – Что за тварь?!

Стрый промолчал. Гридень перевел горящий взгляд на соратника. Лют ответил недоуменным взглядом, пожал правым плечом.

– Воевода, – взмолился Буслай, – ну скажи хоть что-нибудь!

– Колбаса, – ответил Стрый.

Гридень поперхнулся слюной – желудок кинулся на ребра, напоминая глупому хозяину, что пора поесть. Буслай стукнул по животу кулаком, кольца кольчуги противно звякнули. Отроки переглянулись, рты разъехались до ушей. Нежелан остался безучастным, ровно вьючный конь, плетущийся сзади.

Буслай строго зыркнул на отроков. Улыбки слетели с лиц, губы плотно сжались. Гридень глянул удовлетворенно, обратился к Люту:

– Вот потому не люблю лес. Полно нечисти, что норовит обидеть.

– Тебя обидишь, – проворчал Лют. – Лес – сила благостная, надо лишь с уважением относиться. А в поле можно встретить существ пострашнее.

Буслай напрягся, пальцы заохлодил обух топора.

– Кого?

– Людей злых.

Гридень выдохнул шумно, на лице появилась насмешливая гримаса.

– А, людей, это да! Нет страшнее человека зверя. Но с ними можно управиться, – смеялся Буслай шуточный тон, похлопав ладонью по топору, – а как с этим драться? Забыл хлопотуна?

Щека Люта болезненно дернулась, кожа зазудела от торжествующего взгляда Буслая. Рана противно ныла, каждое неосторожное движение отдавалось в глазах сполохами пламени. Иногда деревья хороводили. Осторожно наваливался на гриву коня, чтобы не заметили.

Хуже от того, что даже Стрый не понял: зачем сиганул к медведю? Подумаешь, решил потешить двор Вышатич, выставить за недоимки хлебопашца с рогатиной супротив матерого зверя. Много на свете подобных смердов, а воинов, равных Люту, наперечет. И не объяснить никак, что сам неясный позыв понимает смутно.

Лют набрал полную грудь воздуха, левый бок мстительно кольнул, вздох растаял над тропкой.

Стволы деревьев почернели, лишь макушки крон тлели червью. Внизу угнездился мрак переплетенных теней.

Потихоньку оживали ночные звери: в ветвях шелестело, кто-то ползал по деревьям, с тихим шорохом падали кусочки коры, сколотые острыми когтями. Близкая ночь усиливала прохладу после дождя, воздух вырывался изо рта клубами пара все гуще и гуще.

У Савки заболели челюсти от постоянной дрожи, и он достал из мешка свиту. Потом едва не свалился с седла, натягивая теплую одежду. Ждан дернулся было к мешку, но посмотрел на невозмутимых воинов – даже Нежелан хоть и скрючился, но за свитой не полез. Рука отрока оставила завязки. Горделиво выпрямился, нижняя челюсть выпятилась до хруста мышц. Савка глянул на друга, в глазах мелькнуло сожаление, что поддался холоду, но не снимать же свиту! Буслай насмешками испепелит дотла.

Конь воеводы остановился у двух близстоящих деревьев, в нерешительности потрянул головой. Стрый пятками сдвинул угольную гору с места. Меж деревьями можно пронести Ждана поперек, но воевода едва протиснулся. Плечи, облитые кольчугой, со скрежетом сорвали куски коры, стволы забелели свежими срезами.

Отряд проник за стену стволов – лошади упрямылись, пришлось понукать, а Нежелан до плечевого хруста натянул поводья вьючных лошадей.

– Чего упрямитесь, волчья сыть! – буркнул Буслай. И осекся.

Они оказались на большой поляне, окруженной стеной могучих деревьев с раскидистыми кронами, способными укрыть тенью княжий двор. У дальней стены леса ютилась ветхая изба со странно плоской крышей, огороженная высоким тыном из толстых веток. На жердях в ряд выстроились странные горшки. Изба была повернута дверью к лесу, пахло едой.

Кони отпрянули и испуганно заржали. Под копытами струились черные ленты, в траве жутко шипело. Буслай с проклятьями удержал на месте дрожащую лошадь и плюнул в пасть угрожающе вставшей змеи.

По всей поляне кишели мерзкие гады, посланцы Чернобога, мерзкие и коварные, опасные настолько, что настоящее имя гадов стерлось в памяти людей, как и имя медведя. Заменяли, чтобы не накликают беду, на обтекаемое «змея», ползущая по земле.

Потревоженные гады расступились перед отрядом и улеглись по краям тропы. От холодного немигающего взгляда Савке сделалось дурно. Лют оглядел шевелящуюся поляну, в сердце вполз холодок, но взгляд на невозмутимого воеводу дрожь унял.

Стрый оглядел гадов. Там, куда падал его взгляд, шипение стихало, змеи сворачивались кольцами, засыпали. Воевода оглянулся на спутников.

– Чего встали? Решили здесь заночевать? Тогда ладно.

Гором фыркнул, копыта промяли мягкую землю, за конем протянулась цепь следов размером с блюдце. Буслай переглянулся с Лютом и недовольно буркнул:

– Вот бес волохатый, все нипочем!

Лют вспомнил разговоры об отце Стрыя. Увидев такое, задумался: может, и впрямь Волос-Змей постарался?

Отряд нехотя двинулся. Бедные кони на подламывающихся ногах подошли к тыну. В лицо пахло холодом, кишки в животах скрутило морским узлом, почудилось, что встала за плечом смерть, дохнула в шею тленом и ужасом.

Буслай пригляделся к тыну, глаза поползли на лоб. За спиной испуганно ахнули отроки с Нежеланом – ограда состояла из человеческих костей. На горшках вспыхнули яркие точки. Лют невольно натянул поводья, испуганный конь замесил воздух копытами. Черепа на жердях клацнули щербатыми челюстями, со скрипом шевельнулись, оглядывая путников плотоядно, рты раскрылись.

– Может, в лесу заночуем? – спросил Буслай робко.

Голос Стрыя прогрохотал в темноте. Лошади, раньше пугавшиеся его, теперь успокоенно притихли.

– Не бойсь. Будем проявлять вежество – останемся целы.

Савка спросил с надеждой:

– Правда?

– Наверное.

Воевода распахнул калитку. Череп глянул зло, зубы клацнули, в следующий миг землю усеяли обломки костей. Буслай нервно хохотнул:

– Люблю такое вежество.

Стрый буркнул хмуро:

– Не скалься, а то будешь на жерди зубы сушить.

Въехавший последним, Нежелан прикрыл дверцу. Запоры в виде рук хватили за края одежды, но бедовик увернулся от обглоданных пальцев. Отряд заполнил небольшой двор. Стрый грузно спешился, оглядел оробевших спутников, глаза блеснули лукаво.

– Что к седлам приросли?

Насмешливый голос воеводы вывел из ступора. Буслай лихо спрыгнул. Люту помогли спешиться заботливые отроки. Нежелан скатился с седла, как капля, и застыл в нерешительности.

Буслай пригляделся к крыше, по горлу прошел комок, в желудке заурчало – таких блинов он еще не видал. Настроение упало, когда припомнил, что блины – поминальная еда, а стало быть, хозяин избы...

– Воевода, она нас сожрет!

Стрый глянул хмуро. Ночь вступила в права. Если бы не мертвенный свет глазниц людских черепов, то лица не разглядишь. Но лучше было бы не видеть, как в мертвенном свете на лице воеводы проглянула маска смерти.

– Авось не сожрет, – ответил воевода.

Ждан переглянулся с Савкой, шумно сглотнул.

– Вот почему изба передом к лесу стоит. Как там кошунники баяли: избушка, избушка, встань ко мне передом, а к лесу задом.

Ночной воздух прорезал насмешливый возглас Буслая:

– И немного наклонись.

Глава двенадцатая

От громкого скрипа сердца застыли. Изба задрожала, клацнула бревнами, сруб с треском оторвался от земли. В лесу заухало. Черепа застучали зубами, будто свора голодных детей ложками.

Лют позабыл о ране, глазами впился в два изломанных посередине столба под срубом. Чешуйчатые столбы шевельнулись; изба, гремя бревнами, повернулась; в стороны полетели комья земли. Лют перевел взгляд с трехпалых лап, увенчанных гигантскими когтями, на дверь с прибитым черепом.

Куриные ноги еще раз переступили и вытянулись в струнку – изба со скрипом накренилась. Внутри загрохотало: бились горшки, сдавленно ругались, оглушительно визжал поросенок. Дверь слетела с петель, из нутра выпал ком грязной рухляди, сверху рухнул визжащий свин, скатился кубарем на землю, копытца простукали по утопанной земле, и визг затих за стеной деревьев.

Буслай от души расхохотался. Лют глянул на него, как на пришибленного. Воевода сплюнул под ноги. Отроки с Нежеланом переглянулись испуганно.

Ком рухляди зашевелился. Буслай поперхнулся смехом, отроки попятнулись, лошади попытались вырваться. Из вороха шкур проглянул горящий ненавистью глаз, смерил пришлых. К щеке Буслая будто приложили раскаленную болванку, и он с криком схватился за лицо. Воевода загородил гридня.

Лют невольно отступил, когда фигура в лохмотьях встала вровень со Стрыем. Отроки глянули на уродливое лицо с закушенной кривым зубом верхней губой, бельмом на глазу, носом крючком, как у влетевшего в скалу орла. Отроки в страхе попятнулись и схватили обереги.

Лют брезгливо смотрел на спутанные космы, в носу зачесалось от вони. Когда старуха шевельнулась, полы ее одеяния распахнулись, и Нежелан крикнул ошеломленно:

– Вот это титьки!

Воевода глянул строго, и бедовик умолк. Стрый поглядел на хозяйку диковинной избы и согнулся в поклоне:

– Здрав будь, Ягйнишна.

Буслай распахнул рот: как это воевода ухитрился выгов... выговр... тьфу!.. сказать?

Старуха недовольно уставилась на Стрыя, верхняя губа приподнялась, обнажив ряд острых зубов, белых, как снежные пики. Ноздри, такие же волохатые, как у воеводы, шумно втянули воздух. Прозвучал противный до жути скрипящий голос:

– Какие гости пожаловали! С добром али с худом?

Лошади задрожали при первых звуках, рванулись из рук, но Баба-яга шикнула – и двор покрылся конскими статуями. Гором сердито всхрапнул. Ночь запылала огнем лошадиных глаз. Яга с интересом уставилась на угольного коня, посмотрела на воеводу. Стрый кивнул.

– Вижу, гости непростые пожаловали. Сказывайте: дело пытаете аль от дела мытаете?

Буслай вставил из-за плеча воеводы:

– А как же гостей напоить-накормить, в баньке попарить, а потом вопросы задавать?

– Да где ты баню видишь? Наслушаются сказок, озоруют, – проворчала старуха.

Яга глянула злобно. Буслай отшатнулся от бельмового лица, к горлу подкатил рвотный комок. Стрый несильно съездил гридня по затылку, а к Яге обратился с почтением:

– Извиняй, матушка, нерадивого, в детстве головой ушибся, да леший вихрем обошел, вот и лепит невесть что. Худого не сделаем, пусть переночевать, а харч свой имеется.

Испещренное морщинами лицо смягчилось, бельмо будто прояснилось, огненная злоба в здоровом глазу утихла. Буслай зашипел сердитым котом, но Лют наступил ему на ногу, глянул свирепо, и гридень притих.

– Давненько гостей не привечала, – проскрипела Яга. Буслай поежился от взгляда. – Да, много воды утекло. Как всюду был лес, так молились, обряды свершали, а стоило на плешах Великого Леса покопаться в земле, как червям, так в нечисть записали.

Стрый горестно развел руками, в глазу бабки мелькнула грусть.

– Ладно, родич, проходи в хату, подельников тоже приму.

Отряд вздрогнул, на Стрые скрестились пять изумленных взглядов. Воевода строго зыркнул из-под бровей, а Яге отвесил поклон:

– Благодарствую, матушка.

Старуха довольно оскалилась. Бегающие глаза конских соляных столпов наполнились страхом. Яга глянула за спины, махнула рукой. Гридни сморщились от волны вони.

– Ступай, касатик, не пригодилась помощь.

Нежелан смутился под ошеломленными взглядами, вопросительно уставился на Ягу. Лют присмотрелся внимательней к ночи за тыном, волосы на затылке шевельнулись.

Стук копыт. Глаза с трудом вычленили движущийся кусок мрака – от избушки удалялся черный всадник на коне, чернее Горома. Ветерок донес звук вложенного в ножны меча. В ночи вспыхнули ярко две серебряные звезды – всадник смерил путников через плечо взглядом, полным угрозы. Обратного поворота шеи никто не заметил, просто звезды растворились во тьме.

Ноги отроков задрожали, мышцы скрутила судорога. Лют с Буслаем держались на воинской гордости. Нежелан, похоже, потерял сознание, но устоял на ногах потому, что держался за поводья остолбеневшей лошади. Стрый понимающе переглянулся с бабкой. Усмехнулись. Лют с холодком отметил общие черты любимого воеводы и лесного страшилища.

Яга хмыкнула, сказала потеплевшим голосом:

– Заходите в хату, гости дорогие. Чую: тебе, касатик, – сказала она, ткнув пальцем в Люта, – помощь нужна.

Лют нехотя кивнул, на лице появилось сомнение. Яга озорно оскалилась и перевела взгляд на отроков. Ждан шумно сглотнул, язык превратился в кусок вяленого мяса.

– Да и у тебя шея синяя, небось, ягодки собирал, на злодея нарвался? – хохотнула Баба-яга.

Ждан деревянно кивнул. Яга всплеснула руками и развеселилась настолько, что почти перестала внушать страх. Черепа на тыне пригасили злобный блеск в глазах, глазницы полыхнули чистым светом, на дворе посветлело, будто на восходе.

Взгляд Яги упал на Нежелана.

– О, касатик, – сказала она горестно, – как угораздило?

Бедовик помялся, ответил чуть слышно:

– Не знаю. Мамка, наверно, нагуляла.

– Ишь ты! – пригорюнилась Яга. Она вдруг превратилась в сердобольную старуху, но от ее участия страха не убавилось.

Яга заковыляла к избе. По мановению руки сруб рухнул на землю, остатки посуды жалобно зазвенели. Буслай во все глаза уставился на странную ходьбу: шла бабка словно на одной ноге, или вторая не сгибалась. Стрый глянул на спутников, в кой-то веки заговорил шепотом:

– Внутри ни одного лишнего движения, ничего не трогать, а то пойдете на укрепление тына. Тебя, Буська, касается в первую очередь.

Гридень смутился:

– Да я чё, я ничё.

– Вот и ладно.

Стрый затопал за бабкой, на ходу отвешивая комплименты. Таким воеводу никто не видел. Яга кокетливо хихикала, запыленно отмахивалась, скалилась благодушно.

– Что стоите, касатики? Проходите! О лошадаках не беспокойтесь, слуги расседлают, накормят, напоят, ступайте в хату, ну же!

Буслай дернулся, будто уязвленный плетью, и, выказывая бесстрашие, шагнул. Лют, пошатываясь, тоже направился в избу. Под сапогами хрустнула дверь. От вида засова из человеческого ноги замутило. Отроки с Нежеланом нерешительно переминались, пока над головами не каркнуло оглушительно. Опрометью кинулись с места, опередив у входа Буслая.

Лют оглянулся на коней: лошади были едва живы от страха. Узловатые руки неведомых существ снимали сбрую, поклажу. Костяные гребешки висели в воздухе, будто держали их невидимки, гривы и хвосты укладывались ровными прядями, сыпался накопившийся сор и колючки.

Витязь обернулся к избе, шаги отозвались в боку болью. Буслай вернулся с порога, помог соратнику. В избе Яга засветила светец в виде человеческого черепа. Н-да, в виде...

Свет превратил темное нутро в уютное убранство, мало отличимое от жилищ крестьян. С потолочной балки полыхнули два зеленых огня, комок пушистого мрака недовольно оглядел пришлых, сверху донеслось сердитое шипение.

– Тю на тебя, бес усатый! – взмахнула руками бабка. – Не моги на гостей яриться.

Яга притопнула ногой, но гнев был притворен: вздумай Буслай озоровать с хвостом кота, оказался бы в печи, и заступничество Стрыя не спасло бы.

Отроки с Нежеланом робко присели на лавку, руки нырнули под стол, сидели настороженные, готовые от любого шороха шарахнуться. Стрый оглядел просторы избы, запутал пальцы в густой бороде, спросил недоуменно:

– Ягйнишна, а где кожаны?

– Не сезон, – ответила бабка меланхолично.

– А сыночки где, подобру ли, поздорову?

Яга расплылась в улыбке, морщинистое лицо чуть разгладилось, даже бельмо страшным не выглядело.

– Живы, благодарствую на добром слове. Шляются, оболтусы, где-то пару веков, весточку послать не могут, но сердце материнское не обманешь – живы.

– А дочки?

– Да замуж выскочили, изредка навещают.

Лют обессиленно опустился на лавку, спиной подпер стену. Отроки возбужденно шептались: кто мог польститься на женскую красу Яги? Или в молодости выглядела лучше? Хотя титьки до сих пор неплохие, и ничего, что свисают ниже пояса.

Буслай стоял в нерешительности, глазами жадно обшаривая убранство: будет о чем рассказать за кружкой темного олуя, все рты пораскрывают. Глаза закололо, и он заслонился рукой. Яга хрипло рассмеялась:

– Не бойся, касатик, она пугает для вида, сила ее в другом.

Буслай сглотнул ком, спросил, стараясь не дрожать голосом:

– А для чего?

– Дождь вызывает, да так, что никакой хмарник не сладит.

Гридень отвел взгляд от высушенной головы с живыми глазами: стоит на полке, зубы скалит, кем был при жизни, уж не гостем ли дорогим?

В печи вспыхнул жаркий огонь. Бабка захлопотала, стол покрыла скатертью, горшки наставила густо, до хруста ножек. Стрый сел на лавку, дерево с жалобным скрипом прогнулось. Воевода взял ложку, черпнул ароматной похлебки, парующий черпачок застыл на миг у губ, горячая снедь провалилась в горло.

– Добрую еду готовишь, матушка, – причмокнул Стрый. Яга засветилась, захопотала пуще.

Буслай поспешил за воеводой умять жареного зайца и кинулся к тетеревам, начиненным крохотными птичками. Сочное мясо лопалось сладким соком, гридень едва не проглотил язык. Слюна растворяла пищу прямо во рту, лишь после первого десятка кусок мяса улегся в желудке. Вдогонку посыпалась каша, полились водопады кваса, которые он снова заедал дичью.

Нежелан с отроками не отставали: горшки и подносы пустели, едва ставились на стол. Лют ел мало: рана разболелась, левый бок поджаривал медленный огонь. Яга посмотрела заботливо, склонилась над витязем:

– Ну, что мучаешься, касатик? Давай рану посмотрю, пока не сгубила.

Лют вымученно улыбнулся, вяло отказался:

– Не надо, бабушка, болит не сильно, к утру пройдет.

Яга приложила ладонь к щеке, из здорового глаза скатилась умильная слеза.

– Упрямый, как мой средненький. Бывало, задерет его пушечик, приползет домой, места живого нет, путь напрован рудой, а шепчет: «Успокойся, мама, царапины совсем не болят».

Бабка настояла, чтобы витязь разделся. Буслай со смешками помог стащить кольчугу и рубаху. Яга присмотрелась к вздутой ране, всплеснула руками:

– Ну кто так лечит?

Савка поперхнулся сладким куском, отвел взгляд:

– Я вроде правильно переложил.

– Правильно! – возмутилась Яга. – На кой ляд добавил подорожник?

Савка пробормотал смятенно:

– Бабушка!..

Яга не унималась:

– Он что, пешим собрался путешествовать? Соком подорожника натирают ноги, чтобы не звать усталости.

Скрюченной ладонью пригладила волосы Люта ласково, будто мать родная.

– Потерпи, касатик, сейчас смоем дрянь, умаблю рану хорошими снадобьями. Запустили совсем, придется доставать корень чернобыльника.

Лют не противился. Усталость сковала члены, прикрыл глаза, чтобы не видеть ухмылок Буслая и отроков. Яга мигом достала пучки трав, на стол бухнулся чугунок с клубами пара над крышкой, запахло лекарственными травами.

Старуха промыла рану, пошептала заумь. Перевязала более умело, чем Савка. Боль улеглась, лишь по краям раны пробегали колючие искорки. Гул в голове исчез, предметы обрели четкость, желудок по-звериному взвыл, требуя пищи.

Яга с умилением посмотрела на полуголового витязя, уплетающегостряпню за обе щеки.

– Натерпелся ты много, – сказала она, рассматривая застарелые шрамы.

Крючковатая рука протянулась к шейной гривне. Буслай напрягся – все-таки серебро, – но Яга спокойно прикоснулась к металлу, прищелкнула языком восхищенно:

– Хорошая работа, раньше таких делать не умели.

Стрый вставил словечко:

– А я слышал...

Яга отмахнулась:

– Брехня, я-то помню каменные ножи да костяные копыя. И что у вас за порок не видеть умельцев, живущих рядом, а слагать небылицы о предках. Вот уж правда истинная – не дивно то, что рядом.

Воевода покивал, поохал, прошелся словом по молодежи, бабка охотно поддержала разговор. Насытившиеся отроки пытались почтительно слушать, но то и дело клевали носом. Нежелан вовсе уронил голову на стол и тихо посапывал.

Буслай вяло пережевывал куски мяса, ногтем ковырял в зубах, громко цыкал. Лют с аппетитом уплетал пироги, дивясь откуда-то взявшемуся здоровью.

За окном изредка ухало, стенало, леденя кровь, кони ржали испуганно. Но в доме Яги было уютно и спокойно. Разомлевшим от еды путникам хозяйка уже не казалась страшной: нормальная бабулька, заботливая. Даже огромный рост и вонь от шкур не отталкивали.

Буслай потер глаза, поглядел по углам в поисках лежанок, но взгляд уткнулся в голые стены. Ладно, можно и на полу поспать.

Сверху зашумело, на лоб гридня упали стебельки сухих трав, из потолочной темноты строго глянули зеленые глаза. Кот прошелся по балке – воинственно приподнятый хвост толщиной с бревно задевал вязанки трав, труха засыпала стол.

– Ишь, что делает, паразит! – всплеснула бабка руками. – Не мешай гостям!

На балке сердито зашипело, кот встопорщил усы веером, задние лапы подобрались, прыжком исчез в темноте.

– А зачем по свету шатаетесь? – обратилась Яга к воеводе.

Стрый развел руками, в глазах мелькнула настороженность.

– Исполняем волю княжью найти то, незнамо что.

Яга лукаво прищурилась:

– И искать где не знаете?

– Говорят, что в Железных горах стоит попытаться, – ответил воевода уклончиво.

И без того морщинистый лоб бабки сложился гармошкой.

– Каких таких горах?

Стрый промедлил с ответом, с деланным интересом поглядел на закрытые лари в дальнем углу.

– В Железных, матушка. Это на полночь, близко от болгар.

Яга раздраженно проворчала:

– Что за болгары? Новый народ? Когда успеете плодиться? Вчера людев была горсточка, а сегодня мир заполонили, копошатся, как муравьи у дохлой гусеницы. И названия одно другого чуднее.

Старуха нахмурилась, клык едва не заполз в ноздрю. Пальцы, украшенные желтыми пластинками ногтей, щелкнули, часть горшков исчезла со стола, на скатерть лег разрисованный кусок телячьей кожи. По крайней мере, хотелось верить, что телячьей.

Ноготь ткнул в карту с жутковатым стуком:

– Здесь?

Стрый кивнул:

– Примерно.

Губы бабки разъехались, светец в виде черепа бросил на частокол зубов багряные блики. Снулость Буслая как ветром сдуло, показалось, клыки бабки обогрены свежей кровью. Гридень переглянулся с Лютом, тот приложил палец к губам – пусть старшие разговаривают.

– Давненько там не бывала, – вздохнула Яга сокрушенно. – Горы успели на месте моря появиться, – снова вздохнула. Взгляд затуманился, стал мечтательным. – Эх, молодость.

Стрый покивал, гридни уставились на Ягу с ожиданием.

– Значит, горы там, – спохватилась бабка. – Ну, помочь ничем не могу, не знаю, что там за вороги. Разве что в помощь дам пару вещей.

Стрый кивнул, витязи незаметно выпустили из груди воздух, переглянулись с разочарованием.

– И на том спасибо, матушка.

Глаз Яги сверкнул ехидно.

– Не сердчайте! Вот если в Пекло надо будет, провожу.

Буслай растер ладонями похолодевшее лицо.

– Премного благодарен!

Стрый шумно втянул воздух, волоски в ноздрях затрепетали, бочкообразная грудь раздалась в стороны, кольчуга едва не расплзлась. Воевода почти заполнил избу. Яга отступила на шаг, уважительно покачала головой.

– Что ж, матушка, пора почивать, – сказал Стрый. – Завтра путь неблизкий.

Яга захлопотала. Задремавшие отроки и бедовик проснулись от торможения, спросонья ойкнули от страха, руки потянулись к оружию. Старуха лучезарно улыбнулась, в руки остолбеневших юношей опустили одеяла.

– Вот здесь прилягте, – сказал Яга ласково. – А вы, касатики, у той стены примоститесь, сейчас шкур принесу.

Буслай недовольно проворчал, что у стены должны ночевать отроки. Лют ткнул ворчуна в бок и принялся расстилать шкуры. Буслай подозрительно принялся: от шкур пахло дымом и, чуть слышно, тошнотворно-сладким ароматом. Пригляделся, брови взмыли.

– Это что за звери?!

Яга пожал плечами.

– Давно живу, – ответила она неопределенно.

Буслай кивнул, будто ответ его устроил. Лют обессиленно распластался на мягкой подстилке, веки, как железные ставни, опустились на глаза. Воевода встал с лавки, в руках позвякивала кольчуга. Буслай удивленно уставился на могучана, склонившегося над спящим.

– Лют, разлепи очи, – сказал воевода с грубоватой нежностью.

Витязь испуганно вскинулся и широко распахнул глаза, воеводу огрел ошалелый взгляд. Стрый молча протянул кольчугу.

– Зачем?

Воевода глянул в глаза, прислушался к суете Яги за спиной, произнес едва слышно:

– Все идет не так, как надо.

Буслай поперхнулся изумленным криком. Яга резко повернулась в сторону гридня, ожгла взглядом глаза, в котором рдели опасные огоньки.

– На кой железную рубашечку парню даешь? Спать неудобно.

Стрый отмахнулся нарочито небрежно:

– Ничего, матушка, он любит спать в кольчуге. Просто от усталости запомнил.

Лют замедленно кивнул, разлепил губы:

– Да, запомнил. День тяжелый. Спасибо, воевода.

Яга подозрительно посмотрела, как Буслай помог витязю облачиться в ворох железных колец. Стрый отошел от гридней, на лица спящих отроков и бедовика пала тень от громадного тела. Воевода пошептал, поводит руками и с довольным кряком отошел.

Яга наградила его злобным взглядом:

– Оскорбляешь, родич.

Стрый выдержал взгляд, ответил спокойно:

– Так лучше.

Буслай дернулся от скрипа зубов, в груди мелко задрожала жилка. Обернулся к Люту, но усталый витязь мерно посапывал. Гридень бросил взгляд на дальнюю стену: свет черепа выхватил толстую рукоять, увенчанную наковальней. Буслай представил, что можно натворить таким молотом, и невольно потянулся к отложенному оружию. На оголовье молота виднелась засохшая кровь, темные сгустки, черная чешуя – с кем это бабка сошлась на двобой? Или оружие принадлежало кому-то из сынов?

Думы вытеснил другой вопрос: почему Стрый шепнул, что все не так? Буслай было расслабился: бабка оказалась на диво доброй, даже простила гридню выходку с избой. Почему Стрый так осторожен?

В створ двери ворвался загроможденный крик ночной птицы, утробное рычание, треск разрывающейся плоти. Буслай с трудом сглотнул ком, ворох шкур укутал гридня с головы до пят. Надо будет дверь на место поставить, мелькнула мысль, нехорошо получилось.

Огонь в печи угас, бабка загасила светец, усталые глаза Буслая пригладила тьма. Гридень погрузился в дрему, чутко вздрагивая на каждый писк и шорох. Сердце иногда останавливалось от жутких звуков, кольчуга намяла бока, гридень изошел потом. Лишь под утро, когда край неба, видимый в бездверный створ, посветлел до пасмурной хмари, Буслай скользнул в мягкий мрак.

– Вставай, соня, а то бросим, – громыхнуло над головой через миг.

Буслай разлепил с треском глаза, по телу пробежала горячая волна, прыжком встал на ноги, макушка едва не коснулась потолочной балки. Гридень огляделся загроможденно.

– Что? Где?

Стрый бухнул насмешливо:

– Когда? Собирайся, тебя одного ждем.

Буслай оглядел избу: отроки с Нежеланом, снаряженные для дальнего пути, от выхода выжидательно смотрели на заспанного гридня. Бабка со скрещенными на груди руками ухмылялась. От ее оскала по коже бежали мурашки, на душе было мутно, словно выпил сорокаведерную бадью хмельного меда. Из-под лавки захрюкало, и гридень осознал, что сбежавший свин вернулся.

В мозгу полыхнуло, сердце сжала ледяная лапа.

– А где Лют? – спросил Буслай хрипло.

Воевода громыхнул раздраженно:

– Во дворе, за конями приглядывает. Выходи скорее.

Буслай слабо попытался протестовать:

– А поесть?

Лицо воеводы налилось дурной кровью, в избе повеяло грозой. Буслай подхватил топор и поспешно засеменил к выходу, мельком отметив, что дверь на месте. Яга проводила гридня с насмешливой улыбкой и обратилась к воеводе:

– Парень прав, поесть бы вам.

Стрый вежливо поклонился:

– Благодарствую, матушка, но пора. И так в пути задержались.

Старуха деланно развела руками, метнула прощальный взгляд на притихших отроков. Тех перекорежило от пронзительного взора, по спинам забегали пауки размером с кулак: вчера бабулька излучала благодушие, и как-то забывалось страшное лицо с торчащим из-под нижней губы клыком, громадный рост, когтистые пальцы. А теперь все это так и бросалось в глаза.

Со двора донесся окрик Люта:

– Воевода, погляди, что с Горомом?

Стрый нахмурился, бабка приняла прощальный поклон, воевода вышел. Нежелан шагнул к двери, следом – Савка. Ждан поклонился в пояс Яге, повернулся к выходу.

– Эгей, касатик! – всплеснула старуха руками. – Да у тебя рубаха порвана! Как угораздило, милоч?

Отрок оглядел широкую прореху, свел края:

– Вчера о куст зацепился, сгори он огнем.

– И не говори, – поддакнула Яга сочувственно.

Нежелан с Савкой застыли на пороге, в Ждана уткнулись вопросительно-настороженные взгляды. Яга властным махом руки услала юнаков:

– Ступайте!

Те послушно закрыли за собой дверь, и в избе чуточку потемнело. Яга обратилась к отроку:

– Непорядок – в рванине ходить.

Ждан отмахнулся неловко:

– На привале заштопаю.

– А пока светить голым телом будешь? – насупилась бабка. – И думать не моги! Где-то завалилась хорошая одежда, сейчас принесу. Заодно посмотрю, чем полоску с шеи убрать.

Ждан коснулся горла, где медленно выцветал след от петли боли-бошки, невольно содрогнулся.

– Не надо, бабушка, горло не болит, а синий цвет справному мужу не беда.

– Ну, как знаешь, – пожала плечами бабка.

Яга юркнула с поразительной для громадного роста быстротой в темный угол к закрытым ларям. Крышка одного с щелчком открылась, руки бабки зарылись в нутро.

– А хлама-то сколько, – посетовала она.

Ждан неловко переминался на пороге, критически осматривая прореху. Отрок со вздохом подошел ближе к согбенной бабке. Яга оторвалась от ларя с довольным воркованием, держа в руках хорошо выделанную волчью шкуру.

– Вот хороша!

Ждан придирчиво оглядел волчовку, молвил неловко:

– Дык, бабушка, лето на дворе, запарюсь.

– В лесу не запаришься, – отмахнулась Ягйнишна. – А там и прореху заштопаешь.

Бери, уважь старуху.

Отрок помялся, на миг охватило предчувствие беды, рука невольно отдернулась от серой шерсти. Под насмешливым взглядом озлился, посмеялся над предрассудками, порванная рубаха комком упала на пол. Яга помогла надеть волчью шкуру, глаза блеснули торжеством.

Ждан покрутился на месте, рассматривая обнову, довольно крякнул – волчовка сидела, как вторая кожа.

– Благодарствую, бабушка, пойду я.

Яга кивнула в ответ, отрок повернулся, у двери расслышал невнятную речь.

– Бабушка, а что ты шепчешь?

Глава тринадцатая

Стрый подошел к Горому, на вопросительный взгляд Лют пожал плечами:

– Чудит.

Живая скала угольного цвета и впрямь была беспокойна: бархатные ноздри раздувались, встревоженное фырканье беспокоило остальных коней. Воевода погладил конский лоб и хлопнул по шее.

– Ну, что такое? Чего озоруеть?

Утреннее солнце еще не прогрело полянку, на стеблях травы висели крупные капли, дыхание облекалось призрачной плотью. За стеной деревьев робко посвистывал соловей. Ветви были усеяны черными кочками. Одна пошевелилась, из черного клубка вырос клюв, раздалось гнусное карканье.

Лют обернулся. Круглый глаз клубка прожег гневно и скрылся в грудном оперении. Гривень оставил воеводу с конем, трава захрустела под сапогами. Скрипнула дверь, из избы вывалились Нежелан с Савкой.

Лют прекратил всматриваться в стебли – змеи испугались холода, где-то отсыпались, на поляне находилась лишь трава, – спросил у Савки:

– Яга ничего не давала?

Отрок переглянулся с Нежеланом, мотнул головой, Лют успокоенно кивнул:

– Стрый что-либо брать запретил.

Буслай отошел от кустов, поправил порты, над двором повис насмешливый возглас:

– Ага, нам запретил, а сам взял.

Стрый поднял глаза на проговорившегося Люта, витязь смущенно отвернулся. Череп на жерди глянул зловеще, челюсти клацнули в широком издевательском зевке.

– Что я взял, не твоего ума дело, – отчитал воевода строго. – Главное, чтобы вы, дурни, ничего не брали.

Нежелан подошел к своей коняге. Дрожащее от утренней сырости и ночных переживаний животное с благодарностью приняло ласку. Кони после ночи выглядели взбудораженными, но было видно, что отдохнули: сил хватит ускакать за тридевять земель, лишь бы дальше от избушки.

Савка потягивался у избы. Стрый глянул хмуро, отрок вздрогнул от сурового голоса.

– Где Ждан?!

Савка пролепетал непослушными губами:

– Т-там.

Буслай с Лютом вздрогнули от страшного голоса, переглянулись недоуменно, руки невольно потянулись к оружию.

– Что он там забыл? – заорал Стрый.

Колени Савки затанцевали, от лица отхлынула кровь, в глазах ужас.

– Бабка хотела новую рубаху дать, взамен порванной.

Воздух прорезало змеиное шипение меча, утреннее солнце лизнуло клинок, в руке Стрия оказалась полоса света. Лют с Буслаем выхватили оружие вслед воеводе, завертели головами. Лес огласился противным карканьем, вороны слетели с веток, закружили черной тучей. Глазницы черепов вспыхнули мощно, словно внутри каждого оказалось по куску мертвецкого солнца.

Нежелан с приросшими ногами наблюдал, как двинулся к избе воевода, крича, чтобы Савка отошел с дороги. Рука бедовика впиалась в гриву коня. Дверь с громким стуком распахнулась, и из избы вылетел серый ком. Савка обернулся на шум, и в следующий миг на его горле сомкнулась оскаленная пасть.

Гридни крикнули в голос. Савка, лежа на спине, тщетно пытался отпихнуть волка. Ноги отрока вспахивали землю, пробитое горло булькало.

Стрый взмахнул мечом, воздух загудел, словно пронеслась стая шмелей размером с кулак. Полоса стали пала на хребет зверя. Волк яростно дернул головой, шумно плеснуло. Сжимая кусок горла, зверь увернулся от смертельного удара.

Савка в последнем усилии приложил руки к шее, ладони погрузились в плещущую рану до шейных позвонков. Волк выронил кусок мяса, Буслая приковал взгляд, напоенный жгучей ненавистью. Зверь рыкнул и гигантским скачком ушел от повторного удара Стрия. Вторым прыжком распластался в воздухе, оскаленная пасть нацелилась гридню в горло. Буслай завороченно глядел на пасть в кровавой пене, топор едва не выскользнул из руки. Встретился взглядом со знакомыми глазами, искаженными лютой злобой.

В воздухе свистнуло, в мохнатый бок с треском вошло лезвие ножа, зубы щелкнули у лица Буслая.

– Не стой столбом, дурак! – воскликнул Лют.

Буслай очнулся. Упавший на спину, волк извернулся, лапы подогнулись для прыжка. В воздухе мелькнул полукруг, лезвие топора с влажным треском врубилось в загривок. Сапоги гридня окатило горячей волной, безголовое тело завалилось на раненый бок, ноги нелепо дергались.

Голова колобком покатила по траве, оскаленная пасть схлопнулась, сочные стебли травы упали, как подрезанные косой. Тын неистовствовал: черепа смотрели с ненавистью, руки-запоры калитки тщетно тянулись к добыче.

Нежелан перевел взгляд с поверженного зверя на окровавленный труп Савки, сердце съежилось болезненно: отрок лежал в луже, будто мушка в меду, в невидящих глазах отражалось небо, закрытое воронами.

Страшный скрип резанул слух. Лют досадливо поморщился, Буслай поковырял пальцем в ухе. Стрый понял, в чем дело, раньше соратников и с бранью бросился за убегающей избой:

– Стой, паскуда, убью!

От бешеного крика вороны испуганно разлетелись, несколько шмякнулось оземь безжизненными комками. В избе пронзительно свистнуло, гридни упали на колени.

Лошади испуганно заметались по двору. Черепа радостно ослабились, животные в страхе отпрянули от тына, зубы щелкнули впустую. Кони пустились по кругу, гридни еле отпрыгнули. Нежелан, намертво вцепившись в гриву, орал благим матом.

Спокойный Гором метнулся наперерез, передние копыта яростно взбили воздух. Бегущие лошади от рассерженного крика угольной громадины встали как вкопанные. Нежелан сполз с гривы с жалким всхлипом и распластался на траве обессиленно.

Лют с жалостью посмотрел на растерзанного Савку и волка, в груди тоскливо защемило. Буслай сморгнул слезу. Гридни повернулись на затихающий треск: изба на курьих ногах пробивала в могучих стволах широкую просеку, толстенные дубы ломались, как лучинки. Слуха коснулся яростный вопль Стрия.

Лют стиснул черен, шагнул к просеке. Буслай обогнал соратника, с окровавленного лезвия топора ветер срывал густые капли.

– Стойте! – закричал Нежелан. – Сзади!

Витязи остановились, Лют бросил взгляд через плечо, глаза расширились. Из леса к тыну мчался всадник на молочном коне, в руках сверкал луч солнца. Всадник был блее муки, одежда – будто соткана из снега, доспех – сплетен из льда. Глаза отливали небесным цветом и были без зрачков и белизны глазного яблока. Всадник раскрыл рот в немом крике, жерло полыхало золотым солнечным светом.

– Что за?! – ругнулся Буслай, устремляясь за Лютом к тыну.

Молочный конь с небесно-голубыми глазами гигантским прыжком перемахнул шелкающий черепами тын. Копыта взрыли землю, влажные комья плюхнулись на лежащего Нежелана. Золотистый меч завис над бедовиком, глаза всадника потемнели до грозовой хмари, лезвие рухнуло.

Нежелан зажмурился, уши залепил стук копыт, дикое ржание, звук удара. Сильные руки подняли бедовика с земли, и он открыл глаза, с облегчением выдохнув, когда увидел перед своим носом спину в кольчуге.

Гором мало не сшиб молочного коня, всадник сердито взмахнул мечом, золотистое лезвие оставило в воздухе огненный шов. Конь воеводы отскочил к гридням, ощерился злобно. Белый всадник крутанул меч, молочный конь двинулся к воинам.

Стрый гнался за избой, куриные ноги вспарывали дерн не хуже плуга. Комки били в лицо, он постоянно сплевывал землю с травой. Ломая вековые деревья, как ветки бузины, изба постепенно отдалялась. Стрый взревел люто, надал ходу.

Изба будто почуяла, куриные ноги замелькали быстрее. Бревна сруба при прыжке ощеривались промежутками в ладонь, а при приземлении смыкались с громким стуком. Воевода надал еще, мышцы затрещали, перед глазами появилась пелена. Стрый в ярости махнул мечом, лезвие развалило несколько комьев, руку дернуло, над лесом раздался истошный крик.

Воевода споткнулся, борода зарылась в распаханную землю. Спешно поднялся, сплюнул темный ком, на зубах захрустело противно.

Изба, ковыляя, удалялась, а на земле лежали два пальца с грязными когтями размерами с охотничий нож.

Стрый двумя прыжками догнал ковыляющую избушку, раненую ногу пересекла блистающая полоса. Брызнула бледная жидкость, изба, с хрустом сломав вторую ногу, опустилась наземь.

Воевода обрушил кулак, бревна стены с треском смялись, второй удар проломил брешь. В дыру просунулся ухват, Стрый перехватил, дернул, в стену с той стороны вмялось крупное тело. Ухват треснул под пальцами, как лучина.

– Я тебе покажу, паскуда! – прошипел воевода злобно.

Из дыры донеслось смятенно:

– Да что ты, родич?! Я не хотела!

Стрый с хрустом раскрошил бревно.

– И я не хочу, но надо.

Воевода выломал проем, занес ногу. В избе полыхнуло, будто взорвалось солнце, сжатый в кулак воздух ткнул воина в грудь. Стрый грузно упал. В избе грянуло, бревна затряслись, блин крыши разломился, края дыры обуглились. Над лесом взмыла железная ступа, Яга со злорадным смехом подправила огненным помелом полет, облетела вокруг воеводы. В ступе визжал поросенок, шипел кот.

– Что теперь скажешь, родич?

Стрый яро зарычал. Яга скрипуче засмеялась, движение помела отдалило гудящую ступу. Бабка, заливаясь смехом, придержала помело рукой, второй чесала кота за ухом.

По лесу прокатился металлический звон. Птицы и зверье оглушенно смолкли, свин от испуга залился пронзительным визгом. Ягу от удара бросило к краю, помело пылающим факелом рухнуло в кусты. Листья пожухли, куст, кровожадно потрескивая, охватило пламя.

Стрый легко выломал из стены бревно, второй снаряд рассек воздух. Звон раздался оглушительный, ступа врезалась в ствол замшелого дерева и, обдирая кору, упала к корням. Дно пробило землю на локоть, сверху на бабку дождем хлынули листья и обломанные ветки.

Оглушенная Яга перегнулась через край, ступа опрокинулась, зарытое дно выворотило яму размером с могилу. Из ступы с визгом вылетел свин и задал стрекача. Кот вцепился ког-

тями в спину поросенка, хвост воинственно поднял, как княжий прапор. Свин с всадником скрылся за деревьями.

Стрый подскочил к опрокинутой ступе и невольно отшатнулся. Кулак шуйцы метнулся в скулу огромной змеи, толщиной с бревно из вековой ели. Змея злобно зашипела, в траву упал изогнутый кинжал, щербатый оскал потерял грозность.

Гибкое бревно свилось кольцами, воевода уклонился от хвоста, рукоять меча раздавила бельмо. Змея закричала от боли и ужаса, голова зарылась в траву. Черное тело, извиваясь, смяло стебли, Яга поспешно отползла от опасного противника.

Меч раскроил воздух и уткнулся глубоко в землю. Змея дернула укороченным хвостом, от страшного крика с деревьев облетела листва. Черная чешуя налилась кисейной прозрачностью, змеиное тело расплылось, в лицо воеводы ударил жгут ветра.

На месте поверженной Яги со злобным воем взметнулся вихрь, пылающий куст с треском разлетелся. Огонь погас, струйки дыма потянулись кверху, будто души павших воинов. Вихрь встретил на пути могучую ель в три обхвата, со злобным криком устремился на дерево. Ствол брызнул мелкой щепой, иголки перемололо в сочную кашу. Жалобно стелая, Яга скрылась из виду, утих последний крик, на воеводу обрушилась оглушительная тишина...

Лют отвлекся на грохот в лесу, заметил в сплетении ветвей вспышку пламени. В бок толкнуло, Гором заржал воинственно, понес Буслая навстречу супротивнику.

Полоса солнечного света столкнулась с окровавленным топором. От грохота заложило уши, Лют присел, сжимая ладонями голову. Нежелан подскочил, помог подняться.

Топор едва не вывернуло из руки, оглушенный Буслай качнулся в седле. Рукоять выскользнула из ладони, кожаный ремешок впился в кисть, удерживая оружие. Гором сметливо скакнул назад. Волосы Буслая обдало теплым ветром, солнечное лезвие с головой гридня разминулось на ноготок.

Лют с криком подскочил к всаднику, меч упал отблеском молнии. Витязь наяву увидел, как расходится красной щелью молочный бок коня, а нога в белом сапоге падает наземь с обрезанным стременем.

Всадник молниеносно перебрросил меч в другую руку, отдача едва не вывернула Люту руки из плеч, умелое движение поводыев – и витязь покатился по земле, сбитый молочным крупом.

Буслай пришел в себя, пальцы сомкнулись на топорнице. Гором ринулся на противника, оскорбительного для угольного жеребца цвета. Гридень вложил в удар всю силу, воздух с испуганным писком убирался от лезвия. От такого удара не спасет сахарный шелом.

Полоса света отбила топор, в плече Буслая хрустнуло, рука повисла плетью. Гором умело пятился, выводя гридня из-под ударов, улучил момент, метнулся вперед. Молочный жеребец заржал обиженно, на морде зачернел след подковы. Белый всадник качнулся в седле, небесная синева глаз налилась червью.

В лесу оглушительно зазвенело, будто ударили в огромный колокол. Всадник оглянулся на свежую просеку тревожно, неуклюже потянул поводья, но через миг глаза полыхнули пламенем. Буслай съежился от злобного взгляда.

Нежелан вновь помог витязю встать. Лют тряхнул головой, в глазах перестало двоиться. Мельком глянул на Буслая, меч вошел в ножны.

Нежелан с удивлением смотрел, как воин метнулся к вьючной лошади, стоящей в стороне от схватки. Лошадка испуганно заржала, рванулась от бегущего человека. Лют с гневным криком распластался в воздухе, пальцы оплели узду.

– Стоять, волчья сыть!

Лошадь поднялась на дыбы, затем замерла. Лют сорвал мешок с поклажей, лошадь освобожденно рванулась. Витязь рванул плотную кожу чехла, на землю упал лук в матерча-

том налучье и берестяной тул. Лук ковырнул «плечом» землю, воин порвал защитную ткань, пальцы выудили из пришитого кармашка тетиву.

Лют надел один конец тетивы, уперся ногой, засопел от натуги, лицо забурело, «плечи» лука медленно согнулись. Петля тетивы скользнула в ушко, витязь облегченно выдохнул. Составной лук выпрямился, сыромятная кожа запела грозно. Лют спешно надел щиток на большой палец шуйцы, чтобы не искать его после выстрела в траве, кинулся к полному тулу.

С руки Буслая спала немота, топор рассек воздух, но для защиты, не для атаки. Белый всадник наступал уверенно, мощно. Меч в руке желтоватой молнией пробил защиту гридня, кольчуга Буслая со звоном лопнула. В прорехе проглянула рубаха, лишь быстрота чудо-коня спасла от серьезного ранения.

Белый всадник глянул в сторону, голубые глаза почернели. Буслай отшатнулся от золотистого пламени, вылетевшего изо рта, слезящимися глазами заметил метнувшуюся полосу. Щербатый топор с лязгом встретил меч. От удара отнялась правая половина тела, Буслай завалился набок. Гором осторожно переступил копытами, чтобы не раздавить упавшего.

Всадник развернул коня, пятки впились в молочные бока, уязвленный конь бросился на воина с луком. Нежелан с заячьим криком отпрыгнул от белой смерти, всадник держал меч в вытянутой руке, взглядом впился в шею стрелка.

Лют выронил налаженную стрелу, всадник был совсем близко. Трясущаяся рука подняла стрелу с узким, точно гвоздь, наконечником, приладила к тетиве. Мышцы затрещали от рывка, оперение ушло за ухо.

Нет защиты от составного лука даже за сотню шагов, не помогут и две кольчуги с нагрудником. Лют выстрелил. Бронебойная стрела насквозь пробила молочную грудь. Конь не успел почувствовать боли, когда граненый наконечник со звоном пробил белую, будто сплетенную из кореньев, кольчугу. Поднявшийся Буслай вздрогнул, когда из белой спины вылезло испачканное острие. Молочный конь споткнулся, всадник злобно закричал, желтоватый сполох раскроил воздух. Лют прыжком ушел в сторону, лицо обдал горячий порыв, слух покорило треск разрушенной кибиты.

Молочный конь жалобно заржал, из раны полилась голубая жидкость, задние ноги подогнулись, всадник кубарем скатился с седла, замер неподалеку от четвероного товарища. Полоса света в деснице померкла.

Меч с шипением покинул ножны, Лют осторожно приблизился к поверженному. Подковылял Буслай, Гором склонился над павшим собратом, ноздри осторожно втягивали лесной воздух. Черепа прекратили щелкать челюстями, воронье испуганно покинуло место схватки, на полянке воцарилась тишина.

Буслай сплюнул:

– Что за напасть, когда попадутся нормальные противники, из плоти и крови?

Лют пожал плечами, неотрывно глядя на распростертое тело, неестественное белое лицо, словно выточенное из глыбы соли. Буслай посмотрел на растерзанного Савку, безголовое волчье тело, взгляд нашел перепуганного Нежелана. Лицо гридня потемнело, губы сжались в нитку, топориче заскрипело.

– Это из-за него!

Бедовик испуганно отшатнулся, в глазах мелькнуло недоумение, затем губы разошлись в горькой усмешке. Буслай шагнул к безбородому, топор завис над головой, Лют едва успел подставить меч. В лицо Нежелана сыпанули колючие искры, бедовик отшатнулся. Взбешенный Буслай огрел соратника взглядом, Люта передернуло от вида оскаленного рта.

– Это из-за него! – повторил Буслай.

Лют покачал головой.

– На кой ляд ты его спасал? – продолжал надрываться гридень. – Правильно его хотели кольями забить, от него одни беды!

– Перестань, – поморщился Лют.

Нежелан шагнул вперед, в глазах стыла горечь.

– Оставь, Лют, Буслай верно говорит, из-за меня, – сказал бедовик глухо. – Давно пора уйти на тот свет.

Нежелан поднял глаза, подозрительно влажные, сказал твердо:

– Руби, Буслай, а ты, Лют, не мешай.

Лют замер, только кончик меча подрагивал. Буслай смерил бедовика тяжелым взглядом, часто задышал, нагнетая ярость, топор взмыл над опущенной головой.

Нежелан зажмурился, сердце суматошно билось, как птица в клетке, шум крови в ушах заглушил звуки. В плечо уткнулся кулак, бедовик вздрогнул, судорога скрутила живот. Сейчас сознание пересечет полоса боли.

Нежелан с опаской разлепил глаза, наткнулся на невеселую усмешку Люта. Спина Буслая находилась в нескольких шагах. Гридень, отчаянно ругаясь, шагал к распростертому Савке.

Лют скривил губы, Нежелан пошатнулся от дружеского хлопка по плечу, витязь сказал ободряюще:

– Не переживай. Ты тут ни при чем.

Бедовик мотнул головой, ему ли не знать, что с детства притягивал несчастья. Краем глаза заметил движение, слова застряли в горле. Лют глянул в сторону. Склонившийся над Савкой Буслай обернулся на удивленный возглас.

Белый всадник пошевелился, из правого кулака вырвался сноп пшеничного света. Синие, как небо, глаза распахнулись. Белый воин поднялся, Лют застыл в паре шагов с поднятым мечом. Нежелан медленно пятился.

Воин сверкнул очами, махнул шуйцей, на траву с треском упал оперенный обломок стрелы. Буслай остановился от неожиданности: граненый наконечник вылезал из спины, теснимый растающей плотью. Черепа оживленно защелкали челюстями, будто мальчишки при виде драки.

Воин уставился на застывшего витязя. Лют похолодел, клинок встал в защитную позицию. Буслай зашел со спины, с дрожью увидел, как сплетаются пробитые кольца, а с одежды беляка исчезают остатки голубой крови.

Молочный конь ожил, с диким ржанием привстал на колени. Гором злобно всхрипнул, кинулся к сопернику. Белый лоб отозвался могучим гулом, Лют невольно поежился, молочный жеребец без звука рухнул на бок.

Белый воин замер от неожиданности, Гором злорадно оскалился, очи полыхнули багровым огнем. Лют воспользовался замешательством, меч рассек утренний воздух, с грозной песней устремился к горлу. Руку тряхнуло, черен едва не сломал пальцы, полоса света отбила удар, зависла над головой витязя.

– Йэх!

Топор с треском отделил белую руку от плеча, воин вскрикнул, изо рта вырвался язык пламени. Буслай встретился с бешеными глазами супротивника, топор с лязгом скрестился с желтым мечом. Гридень глянул на Люта с занесенным мечом, хищно оскалился.

Лют на миг застыл, неловко бить в спину, пересилил себя, лезвие пошло вниз. Перед глазами мелькнуло, скулу сотряс удар, белая спина раздвоилась. Небо оказалось перед глазами, земля влажной ладонью подперла затылок.

Буслай только и смог рот открыть, отрубленная рука подлетела к гридню, мощный удар отправил в забытие. Топор, кувыряясь, упал в стороне.

Воин повернулся к ошарашенному Люту, рука приросла бесследно. Нежелан ахнул, когда полоса света раздвоилась, в руках белого воина появилось по мечу. Гором настороженно фыркнул, копыто в нерешительности пробило землю. Белый воин едко ухмыльнулся.

Над Лютом нависло белое лицо, витязь невольно отшатнулся, показалось, что посыплется мука. Желтая полоса застыла у горла. Белый воин усмехнулся зло, Люта разобрала ярость, черен меча закрипел в ладони – он умрет достойно!

Белый воин отвел локоть, диковинное лезвие должно легко пробить горло, как луч света утренний туман. Гором отчаянно вскрикнул. Влажно треснуло, в лицо Люта брызнуло липким, в рот попала едкая капля, вслепую отмахнулся мечом.

Нежелан онемел от удивления: вместо могучего воина над упавшим витязем стояли ноги с разорванной поясницей. Тулово отлетело на десяток шагов, заросли травы примяла отскочившая голова. Мечи погасли, на земле дымили выжженные полосы. Небо враз потемнело, будто наступил вечер. В траву тяжело упал испачканный молот размером с наковальню. Гором заржал радостно, едва не затоптал Стрыя.

Воевода ласково похлопал коня по шее, взъерошил угольную гриву – диво, как пальцы не пачкаются, – в руке пухлый мешок, куда можно при желании запихать Буслая с Нежеланом. На Люта уставились темные глаза с хорошо упрятым беспокойством.

– Живой, – заметил Стрый без особой радости. У витязя сразу пропало чувство благодарности. – Глянь – что с тем олухом?

Лют поднялся, неловко задел стоящие ноги. Конечности упали, лохмотья плоти голубого цвета сочились белой сукровицей.

– А этот... – промямлил Лют. – Он разок ожил, вдруг опять?

Стрый небрежно отмахнулся, конь фыркнул, пошел вслед за воеводой. Могучан сказал на ходу:

– Оживет не скоро, на следующий день, главное, чтобы вчерашние знакомцы не появились.

– А кто они?

Воевода подошел к молоту, мешок упал наземь, оружие легко оторвалось от земли, с болванки тягуче стекали потоки крови и мясная каша.

– Слуги Ягйнишны. У нее много слуг, – добавил воевода.

– А?..

– Сбежала, не вернется, – ответил воевода, подходя к молочному коню.

Лют вздрогнул от страшного треска, белоснежная голова лопнула, как перезрелая тыква, утонула в земле. Тело лошади дрогнуло зыбью, выцвело до прозрачности, на месте коня осталась лишь примятая трава. Нежелан подошел, глянул с любопытством, глаза расширились. Лют поискал взглядом белого воина, но тот исчез, в небе громынуло сердито.

Воевода подошел к оставленному мешку, молот рухнул наземь, Люта ожег взгляд.

– Что стоишь? Поднимай Буську, похороните отроков, у нас путь дальний.

Витязь тряхнул льняными вихрами. Стрый раскрыл горловину мешка. Гором заглянул через плечо, фыркнул одобрительно. Лют остановился. Воевода, не отрываясь от поживы, буркнул:

– Чего еще?

Лют беспомощно развел руками, рот мучительно скривился.

– Стрый, почему?

Воевода поднял голову, бесстрастно выдержал взгляд витязя.

– Она живет по другим законам, – сказал Стрый непривычно мягко. – Люди леса ей поклонялись, а на обычаи землепашцев ей начхать. Так что не попрекай хлебом-солью – без толку.

Лют понуро выслушал нехитрый ответ. Воевода вновь уткнулся в мешок, а когда глянул на витязя, тот приводил Буслая в чувство.

Нежелан осторожно приблизился. Стрый оскалился, приглашающе мотнул головой. Из мешка на траву хлынули различные предметы: травы, костяные обереги, камни, одежда, морщинистый шар.

Бедовик отшатнулся от злобной ухмылки мертвой головы. Стрый с усмешкой поднял за остатки волос, взгляделся во вращающиеся глаза. Рот головы непрерывно раскрывался, но, кроме шипения, других звуков не было.

– Хорошая вещь, – сказал воевода почему-то коню.

Гором скосил багровый глаз, согласно тряхнул гривой. Нежелан поглядел на громадного воина с опаской. Стрый тем временем перебирал травы, бормоча под нос:

– Так, это без толку, это тоже, вот, от живота пригодится. А это что, тирлич?

Гором кивнул, фыркнул одобритительно, бедовик едва подавил крик изумления. До сей поры единственной странностью коня он считал непомерную величину и красные глаза, а тут оказывается, что животное понимает человеческую речь и в травах разбирается.

Воевода отложил голову и связку свежей травы – корни запачканы влажной землей, – Гором продолжил советовать, что брать, а чему улететь в кусты. Нежелан затосковал, но воевода как почуял, на миг оторвался от берегов, буркнул:

– Собери коней, вьючного подгони сюда.

– Да, воевода.

Бедовик, обрадованный, что может совершить полезное дело, направился к разбежавшимся коням. Стрый уткнулся в бабкины вещи.

Буслай разлепил глаза, звон в голове рассеялся. Лют с мрачным лицом подал руку, гридень оперся, сел на траву, ошалело крутя головой.

– О, Стрый! Никогда бы не подумал, что буду так рад тебя видеть. А где этот? Где топор?!

Лют выставил руки:

– Тише ты! Не ори. Ворога Стрый бабкиным молотом расплескал, нечистый в воздухе растворился, а топор в траве валяется.

Стыд ошпарил голову. Буслай опустил глаза, с кряхтением поднялся: Лют вообще не ожидал удара, а меч не выпустил. Гридень прохромал до оружия, полянку огласил разочарованный возглас. Лют глянул на щербатое лезвие, усмехнулся. Меч пострадал меньше: протиснуться ласково точильным камнем, и лезвие обретет начальный вид.

Стрый буркнул насмешливо:

– Что, сражаться нечем? Так возьми бабкин молоточек, мне без надобности.

Буслай нашарил взглядом заляпанный молот, глянул на воеводу неприязненно:

– Да мне не поднять!

Воевода пожал плечами:

– Как хошь, но я бы попробовал.

Буслай без охоты подошел к молоту, ладони едва сомкнулись на рукояти, осторожно потянул. Молот стремительно уменьшился, рука Буслая легко держала его на весу. Стрый наградил насмешливым взглядом, Буслай захлопнул рот, с нарочито каменным лицом повесил молот на пояс. Выщербленный топор остался лежать в траве.

Нежелан собрал лошадей, воевода обернулся на стук копыт, плечо бедовика переключило от дружеского хлопка. Мешок со спины лошади переместился наземь.

Стрый распутал завязки, в горловине исчезла голова. Нежелан испытал облегчение, когда свирепо вращающиеся глаза скрылись, воевода стянул ремешки. В другой мешок заботливо уложил травы, разноцветные камушки, старую шапку на меху.

Гридни подошли к растерзанному Савке, лица скривились, но сил на большее не осталось, нежданная схватка опустошила. Лют запустил пятерню в бороду, спросил задумчиво:

– А как хоронить будем? В землю положим, так бабка из вредности в умрунов превратит или в упырей.

Буслай пожал плечами, взгляд застыл на безголовой туше волка, переместился на хмурое небо.

– Не знаю, придется готовить огненную краду.

Стрый уложил добычу в мешки, бедовик потянул поводья, лошадь вернулась в круг сородичей, воевода прогрохотал:

– Некогда лес валить, тут не больно топором помашешь. Положите их рядом.

Буслай принес волка, безголовое тело улеглось в лужу крови. Лют отвернулся, показалось, что вот-вот серая шерсть слезет клочьями, и взору предстанет человеческое тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.